

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **НОВИЗНА. ЭКСПЕРИМЕНТ. ТРАДИЦИИ**

Novelty

Experiment

Traditions

N.Ex.T

КАРЬЕРА В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

Научная траектория «абитуриент – кандидат наук» позволит приобрести и развить исследовательские навыки в сообществе единомышленников и преподавателей, а также внести собственный научный вклад

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

Российский научно-практический журнал
(сетевое издание)

ISSN 2949-3625

Новизна. Эксперимент. Традиции Н.Экс.Т

Novelty. Experiment. Traditions
N.Ex.T

Журнал является периодическим сетевым научно-практическим, образовательным изданием, в котором публикуются результаты теоретических и практических исследований по отраслям науки, образовательным направлениям специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам среднего профессионального образования и высшего образования, которые реализуются в Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Том 12, выпуск № 2 (34) – 2026
Издается с 2015 года,
выходит 4 раза в год

Санкт-Петербург
2026

Главный редактор: Алёхина И. С. — доцент кафедры конституционного и административного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 3-го класса

Редактор: Вильман И. Е.

Председатель редакционной коллегии: Азаров А. А. — проректор по науке РАНХиГС, кандидат технических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Азаров А. А. — проректор по науке РАНХиГС, кандидат технических наук

Алёхина И. С. — главный редактор журнала, доцент кафедры конституционного и административного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 3-го класса

Баженова О. И. — доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

Буланакова М. А. — заведующая кафедрой международных отношений ФМОПИ СЗИУ РАНХиГС, кандидат исторических наук

Ворона А. А. — доцент кафедры менеджмента СЗИУ РАНХиГС, кандидат экономических наук, доцент

Ганц Н. В. — доцент кафедры иностранных языков и лингвистики СПбГИК, профессор Языкового центра в АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», доцент кафедры иностранных языков СЗИУ РАНХиГС, кандидат филологических наук, доцент

Кашина М. А. — ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, профессор кафедры социальных технологий, кандидат философских наук, доктор политических наук, доцент

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор

Межевич Н. М. — г.н.с. Научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, г.н.с. Института Европы РАН, президент Ассоциации прибалтийских исследований, доктор экономических наук, профессор

Соловьева А. К. — заведующая кафедрой конституционного и административного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент

Тулупьева Т. В. — советник проректора по науке РАНХиГС, кандидат психологических наук, доцент

Цыганкова И. В. — профессор кафедры экономики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор

Чубинская-Надеждина С. В. — доцент кафедры экономики ФЭФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат экономических наук, доцент

Шепелева С. В. — доцент кафедры уголовного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент

Шишкин В. В. — заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук, доктор исторических наук, доцент

Шматко А. Д. — директор ФГБУН «Институт проблем региональной экономики Российской академии наук», доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, почетный работник науки и высоких технологий РФ

Журнал: <https://www.nxtjournal.ru>.

Адрес редакции:

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61, тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10.

E-mail: stud_editor-sziu@ranepa.ru.

Адрес учредителя:

119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС 77-82820 от 18 февраля 2022 г. («Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) / «Novelty. Experiment. Traditions» (N.Ex.T)) (С 2014 по 2021 г. журнал выпускался под названием «Administrative Consulting», свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-59415 от 22 сентября 2014 г.)

ISSN 2949-3625 (для «Новизна. Эксперимент. Традиции»), ISSN 2713-3230 (для «Administrative Consulting»).

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на «Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) / «Novelty. Experiment. Traditions» (N.Ex.T) обязательна.

Статьи размещаются в Научной электронной библиотеке, доступной по адресу: <http://elibrary.ru>.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2026

© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2026

© Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ

1. **Алякритский Евгений Романович**
Применение опыта категорирования участников внешнеэкономической деятельности таможенными органами Российской Федерации в логистической отрасли
Научный руководитель: **Мамедова Ирада Ахатовна**, канд. экон. наук 6
2. **Гнидина Арина Николаевна, Лепина Валерия Сергеевна**
Энергетическое сотрудничество на Ближнем Востоке в условиях перехода к многополярной мировой системе..... 17
3. **Демьянович Дарья Витальевна**
Потенциал технологий искусственного интеллекта в противодействии коррупции:
гармонизация национального законодательства с международным правом 27
4. **Иванович Павел Константинович, Трибусян Никита Сергеевич, Артамонов Роман Александрович**
Применение технологии искусственного интеллекта в образовании: мнение молодежи Санкт-Петербурга
Научный руководитель: **Антончева Ольга Алексеевна**, канд. полит. наук,
доцент 41
5. **Ковальчук Анна Анатольевна**
Особенности личности мужчин, совершающих насильственные преступления в семье
в отношении женщин
Научный руководитель: **Пишикина Нина Ивановна**, канд. юрид. наук, доцент 57
6. **Орлова Екатерина Андреевна**
Машинное обучение в комплексном исследовании индекса человеческого развития
Научный руководитель: **Полянская Светлана Владимировна**, канд. тех. наук, доцент..... 66
7. **Ратцева Анастасия Романовна, Суходол Ева Тимуровна**
«ПатентУм» как цифровое решение охраны прав интеллектуальной собственности
в Российской Федерации
Научный руководитель: **Гетман Анастасия Геннадьевна**, д-р экон. наук, доцент 78
8. **Столповских Кирилл Андреевич**
Правосубъектность «искусственного интеллекта»
Научный руководитель: **Семянникова Дина Александровна**, канд. юрид. наук 91
9. **Черных Ярослава Павловна, Булочников Станислав Юрьевич**
Использование международного опыта ресоциализации осужденных в условиях российской уголовно-исполнительной системы
Научный руководитель: **Ментюкова Мария Алексеевна**, канд. юрид. наук 100
10. **Чунина Анна Александровна**
Незаконный оборот культурных ценностей как транснациональная угроза: анализ системных проблем правового регулирования и трансформации черного рынка 111

CONTENTS

1. **Evgeniy R. Alyakritskiy**
Application of the Experience of Categorizing the Participants in Overseas Economic Activities by the Customs Authorities of the Russian Federation in the Logistics Industry
Academic Supervisor: **Irada A. Mamedova**, PhD in Economics..... 6
2. **Arina N. Gnidina, Valeria S. Lepina**
Energy Cooperation in the Middle East in the Context of the Transition to a Multipolar World System17
3. **Daria V. Demyanovich**
The Potential of Artificial Intelligence Technologies in Combating Corruption: Harmonization of National Legislation with International Law.....27
4. **Pavel K. Ivanovich, Nikita S. Tribusyan, Roman A. Artamonov**
The Use of Artificial Intelligence Technologies in Education: Opinions of St. Petersburg Youth
Academic Supervisor: **Olga A. Antoncheva**, PhD in Political Sciences, Associate Professor41
5. **Anna A. Kovalchuk**
Personality Traits of Men Committing Domestic Violence Crimes Against Women
Academic Supervisor: **Nina I. Pishikina**, PhD of Jurisprudence, Associate Professor57
6. **Ekaterina A. Orlova**, Machine Learning in a Comprehensive Human Development Index Study
Academic Supervisor: **Svetlana V. Polyanskaya**, PhD of Technical Sciences,
Associate Professor66
7. **Anastasia R. Rattseva, Eva T. Sukhodol**
“PatentUm” as a digital solution for protecting intellectual property rights in the Russian Federation
Academic Supervisor: **Anastasia G. Getman**, Doctor of Science (Economics),
Associate Professor 78
8. **Kirill A. Stolpovskikh**
Legal Personality of “Artificial Intelligence”
Academic Supervisor: **Dina A. Semyannikova**, PhD in Jurisprudence91
9. **Yaroslava P. Chernykh, Stanislav Y. Bulochnikov**
Using International Experience of Rehabilitation of Convicts under the Conditions of the Russian Penal System
Academic Supervisor: **Maria A. Mentyukova**, PhD in Jurisprudnce 100
10. **Anna A. Chunina**
Illicit Trafficking of Cultural Property as Transnational Threat: the Analysis of Systemic Challenges in Legal Regulation and the Digital Transformation of the Black Market..... 111

Применение опыта категорирования участников внешнеэкономической деятельности таможенными органами Российской Федерации в логистической отрасли

Алякритский Евгений Романович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

студент 4-го курса, факультет таможенного дела

E-mail: ealyakritskiy-22@edu.ranepa.ru

Научный руководитель:

Мамедова Ирада Ахатовна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

E-mail: mamedova-ia@ranepa.ru

Аннотация

Введение: в реалиях 2026 года внешнеэкономическая деятельность Российской Федерации развивается на фоне перестройки глобальных логистических цепочек и выхода с рынка крупнейших операторов, включая Maersk и DHL. Такое изменение сопровождалось увеличением доли недостаточно прозрачных посредников, а также ростом вероятности срыва поставок и ограничений по расчетам. Цель исследования состоит в формировании системного подхода к оценке надежности перевозчиков на основе адаптации государственного опыта категорирования участников ВЭД к задачам транспортно-логистической сферы.

Методология и материалы: методологическую основу исследования составил субъектно-ориентированный подход, применяемый таможенными органами Российской Федерации в соответствии с Приказом Минфина № 29н. Автор использовал математическое моделирование для получения формулы индекса логистической надежности (ILR), а также методы системного анализа для выбора весовых коэффициентов критериев. Эмпирическую базу сформировали статистические сведения ФТС России за I квартал 2026 года.

Результаты исследования и их обсуждение: сформирована модель цифровой платформы, которая агрегирует данные с применением ИИ-инструментов и обеспечивает расчет индекса ILR. Предложена система из десяти критериев; по сравнению с распространенными подходами акцент перенесен с показателей финансовой устойчивости на операционную результативность, интерпретируемую через принцип 7R. Уточнена процедура взвешенной оценки: наибольший приоритет присвоен показателям, характеризующим задержки и параметры маршрутной сети. Модель предусматривает распределение контрагентов по трем зонам риска.

Выводы: новизна исследования определяется содержательной адаптацией таможенного алгоритма к специфике логистики, что снижает вероятность отнесения к зоне низкого риска компаний с неблагоприятной операционной историей даже при наличии значительных финансовых ресурсов. Предполагается, что внедрение индекса ILR повысит прозрачность процедур выбора партнеров и будет способствовать устойчивости внешнеторговых поставок в условиях нестабильной конъюнктуры.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность; индекс логистической надежности; категорирование рисков; логистика; надежность перевозчиков; санкции; таможенные органы; цифровая платформа.

Для цитирования: *Алякритский Е. Р.* Применение опыта категорирования участников внешнеэкономической деятельности таможенными органами Российской Федерации в логистической отрасли // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 2 (34). – С. 6–16.

Application of the Experience of Categorizing the Participants in Overseas Economic Activities by the Customs Authorities of the Russian Federation in the Logistics Industry

Evgeniy R. Alyakritskiy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

BA student, Faculty of Customs Affairs

E-mail: ealyakritskiy-22@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor:

Irada A. Mamedova, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

E-mail: mamedova-ia@ranepa.ru

Abstract

Introduction: As of 2026, the foreign economic activity of the Russian Federation is developing against the backdrop of the restructuring of global logistics chains and the exit of major operators, including Maersk and DHL, from the market. This change was accompanied by an increase in the share of insufficiently transparent intermediaries, as well as an increase in the likelihood of supply disruptions and restrictions on payments. The purpose of this study is to develop a systematic approach to assessing the reliability of carriers based on the adaptation of the state's experience in categorizing participants in foreign economic activity to the tasks of the transport and logistics sector.

Methodology and materials: The study is based on a subject-oriented approach used by the customs authorities of the Russian Federation in accordance with Order No. 29n of the Ministry of Finance. The author used mathematical modeling to obtain the formula for the logistics reliability index (ILR), as well as methods of system analysis to select the weight coefficients of the criteria. The empirical base was formed by statistical data from the Federal Customs Service of Russia for the first quarter of 2026.

Results and discussion: A digital platform model has been developed that aggregates data using AI tools and calculates the ILR index. A system of ten criteria has been proposed, and compared to common approaches, the focus has shifted from financial stability indicators to operational performance, which is interpreted through the 7R principle. The weighted assessment procedure has been refined, with the highest priority given to indicators that characterize delays and route network parameters. The model includes the distribution of contractors into three risk zones.

Conclusions: The novelty of the study lies in the substantive adaptation of the customs algorithm to the specifics of logistics, which reduces the likelihood of companies with an unfavorable operational history being classified as low-risk, even if they have significant financial resources. It is expected that the implementation of the ILR index will increase the transparency of partner selection procedures and contribute to the stability of foreign trade supplies in an unstable economic environment.

Keywords: customs authorities; digital platform; foreign economic activity; Index of Logistics Reliability; logistics; risk categorization; sanctions; carrier reliability.

For citation: Alyakritskiy, E. R. (2026) Application of the experience of categorizing participants in foreign economic activity by the customs authorities of the Russian Federation in the logistics industry. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, no. 2 (34), pp. 6–16. (In Russ.)

В условиях 2026 года внешнеэкономическая деятельность Российской Федерации продолжает развиваться в обстановке нестабильности, связанной как с трансформацией международных торговых связей, так и с сохраняющимся санкционным давлением¹. За последние годы привычная система глобальных логистических цепей существенно изменилась: многие традиционные маршруты фактически перестали использоваться, уступив место более сложным мультимодальным перевозкам, выстроенным через дружественные юрисдикции и промежуточные транспортные узлы. Подобная перестройка логистики неизбежно увеличила число участников перевозочного процесса и, как следствие, повысила требования к координации и надежности каждого из них.

Особенно заметным фактором стала позиция ряда крупных международных логистических операторов, которые приняли решение ограничить или полностью прекратить работу с российским рынком². В частности, такие компании, как Maersk, MSC Mediterranean Shipping Company, CMA CGM, Harpag-Lloyd и DHL³, в различной степени ограничили предоставление услуг российским клиентам. В результате значительная часть функций по обеспечению устойчивости внешнеторговых поставок фактически перешла к альтернативным перевозчикам, региональным экспедиторам и новым посредникам, работающим в менее институционализированной среде.

В этих условиях логистическая составляющая внешнеэкономической деятельности стала одним из ключевых элементов устойчивости внешней торговли. Для предприятий-участников ВЭД выбор экспедитора или перевозчика на текущий момент выходит далеко за рамки обычного коммерческого решения: ошибка при выборе посредника может обернуться не только задержкой груза, но и блокировкой платежей, утратой контроля над товаром либо серьезными нарушениями сроков поставок.

Дополнительные сложности возникают из-за стремительного появления на рынке большого количества небольших логистических операторов, которые стремятся занять освободившиеся ниши. Формально это расширяет предложение, однако на практике увеличивает вероятность сотрудничества с компаниями, не обладающими достаточным опытом работы. В результате участники ВЭД всё чаще сталкиваются с проблемой отсутствия прозрачных и понятных механизмов проверки надежности потенциальных логистических партнеров.

Становится очевидным, что ситуативный выбор контрагентов в таких условиях не отвечает интересам бизнеса, поскольку логистические риски напрямую трансформируются

¹ Вахрушев В. Ю., Худжатов М. Б. Таможенная логистика в санкционных условиях // Маркетинг и логистика. 2022. № 3 (41). С. 12–24. EDN: JZOKNN

² Тухбатуллин А. А. Проблемы логистики в электронной коммерции России и пути их решения // Россия и мир в новых реалиях: изменение мирохозяйственных связей : материалы XII Евразийского экономического форума молодежи, Екатеринбург, 26–29 апреля 2022 года / Уральский государственный экономический университет. Т. 3. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2022. С. 138–140. EDN: BLGNZJ

³ Иващенко Н. С., Кадыров И. Р. Современные проблемы российских компаний-импортеров и текущее состояние транспортно-логистического рынка России // Актуальные вопросы экономики, коммерции и сервиса : Сборник научных трудов кафедры коммерции и сервиса. М.: РГУ имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2022. С. 57–60. EDN: YCXVMM

в финансовые потери⁴. Более рациональным представляется переход к системному подходу, предполагающему комплексную оценку деловой репутации, финансовой дисциплины и институциональной устойчивости логистических операторов⁵. При этом отсутствие единых критериев такой оценки нередко приводит к фрагментарности управленческих решений и увеличению издержек на всех этапах трансграничного перемещения товаров.

В этой связи особый интерес представляет возможность использования опыта категорирования участников внешнеэкономической деятельности, применяемого таможенными органами Российской Федерации. Подобная система, основанная на комплексной оценке надежности компаний, может рассматриваться как потенциальная модель формирования критериев оценки логистических посредников. Адаптация такого подхода в логистической отрасли способна повысить прозрачность взаимодействия между участниками цепочек поставок и снизить операционные риски, неизбежно сопровождающие современную внешнеэкономическую деятельность. С учетом изложенного цель исследования состоит в разработке модели комплексной оценки надежности логистических посредников, которая переносит практику категорирования из таможенной сферы в контекст актуальных вызовов логистической отрасли. В качестве исходного положения принимается гипотеза о том, что включение показателей операционной эффективности в структуру разрабатываемой модели способно повысить точность выявления надежных партнеров. Ожидается, что предложенный подход позволит более содержательно оценивать устойчивость контрагента в условиях нестабильности последних лет.

Стоит отметить, что система категорирования как ориентир для разработки модели представляет собой автоматизированную процедуру оценки добросовестности бизнеса, наиболее детально регламентированную Приказом Минфина России от 21.02.2020 № 29н⁶. По итогам автоматизированного анализа организации распределяются по трем категориям риска: низкой, средней и высокой⁷. Попадание в сектор низкого уровня риска требует соответствия достаточно строгим условиям: компания должна вести внешне-торговую деятельность не менее двух лет и оформить не менее 100 деклараций на товары за рассматриваемый период.

Одновременно система оценивает финансовую устойчивость предприятия, анализируя показатели чистых активов и величину уставного капитала, а также проверяет отсутствие задолженности по налогам и таможенным платежам. Существенное значение имеет и административная история компании: систематические нарушения, предусмотренные главой 16 КоАП РФ, либо выявленная аффилированность с недобросовестными организациями автоматически переводят участника ВЭД в категорию высокого риска⁸.

⁴ Гетман А. Г. Таможенная логистика в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 4. С. 180–187. DOI 10.26163/GIEF.2023.96.43.027. EDN: KLYBGV

⁵ Альбеков А. У., Гузенко Н. В. Генезис логистики: эволюция концепций и моделей в контексте управления цепями поставок // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2024. Т. 31, № 4 (88). С. 10–23. DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.88.4.001. EDN: LMTCOB

⁶ Петрова А. А., Логунова Н. Ю. Автоматизация системы категорирования участников ВЭД // Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 110-летию со дня рождения проф. Ф. Х. Садыковой : Сборник научных трудов конференции, Москва, 12 октября 2023 года. М.: РГУ имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2023. С. 111–114. EDN: GVVDRY

⁷ Семенова К. Ю. Система управления рисками как инструмент повышения эффективности таможенного контроля // Всероссийская научно-практическая конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «XV Камские чтения» : Сборник докладов, Набережные Челны, 27 октября 2023 года. Набережные Челны: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. С. 230–233. EDN: IULRIU

⁸ Лапин Д. Д., Шевчук П. С. Субъектно-ориентированный подход как фундаментальный подход, применяемый при категорировании участников внешнеэкономической деятельности // Фундаментальные и прикладные научные исследования : Сборник трудов по материалам VIII Международного конкурса научно-исследовательских работ, награжденных дипломами I степени, Уфа, 30 апреля 2022 года. Уфа: Вестник науки, 2022. С. 41–47. EDN: LBHNEH

Следует отметить, что открытый перечень критериев, используемых при категорировании, в настоящее время включает 33 позиции, отражающие различные аспекты финансовой дисциплины и правовой благонадежности бизнеса.

По данным ФТС России на начало 2026 года, к категории низкого уровня риска относится около 12 тысяч компаний, что составляет примерно 10 % от общего числа активных участников внешнеэкономической деятельности. Именно на эти организации приходится 69 % всех оформленных товарных партий и 72,2 % совокупного объема уплаченных таможенных платежей.

Категория среднего уровня риска остается самой многочисленной: в нее входит 99 165 организаций, что соответствует приблизительно 84 % участников рынка. В зону высокого риска включено порядка 7,3 тысячи субъектов внешнеэкономической деятельности, в отношении которых применяются наиболее строгие формы таможенного контроля и досмотра⁹.

Такая система комплексной оценки деловой практики компаний, как отмечалось ранее, представляет интерес и для логистической отрасли. Так, принципы, лежащие в основе категорирования участников ВЭД таможенными органами РФ, могут стать фундаментом для оценки надежности перевозчиков, экспедиторов и иных посредников с целью снижения операционных рисков и повышения прозрачности взаимодействия внутри логистических цепочек. Для достижения заявленной цели исследования и проверки выдвинутой научной гипотезы в работе предполагается последовательно решить ряд взаимосвязанных задач. В частности, планируется создать систему специализированных критериев оценки и изложить теоретические основания алгоритма отнесения транспортных компаний к зонам риска, что, как ожидается, позволит обосновать его логическую непротиворечивость и прикладную релевантность.

Развивая эти идеи, можно предложить создание платформы с применением ИИ-инструментов, которая сможет агрегировать сведения из открытых источников: государственных реестров юридических лиц, бухгалтерской отчетности, судебной статистики, сервисов отслеживания перевозок, картографических и транспортных платформ, баз данных рейтинговых агентств, а также публичных отзывов клиентов и отраслевых агрегаторов.

Таблица 1

Критерии для ILR

№	Критерий	Коэффициент значимости	Низкий риск	Средний риск	Высокий риск
Общие критерии					
1	Срок присутствия на рынке	2	> 7 лет	3–7 лет	< 3 лет
2	Размер уставного капитала	1	> 10 млн руб.	1–10 млн руб.	< 1 млн руб.
3	Выручка за последний отчетный год	1	> 500 млн руб.	100–500 млн руб.	< 100 млн руб.
4	Количество судебных споров (за 3 года)	3	0–3	4–10	> 10
Логистические критерии					
5	Доля положительных отзывов клиентов	2	≥ 90 %	75–90 %	< 75 %

⁹ О реализации в ФТС России субъектно-ориентированной модели системы управления рисками // ФТС России : сайт. – URL: <https://customs.gov.ru/uchastnikam-ved/kategorirovanie-uchastnikov-ved/o-realizaczii-v-fts-rossii-subektno-orientirovannoj-modeli-sistemy-upravleniya-riskami> (дата обращения: 09.03.2026).

Окончание табл. 1

№	Критерий	Коэффициент значимости	Низкий риск	Средний риск	Высокий риск
6	Средний рейтинг компании на логистических платформах	2	≥4,5	3,5–4,5	<3,5
7	Количество выполненных международных перевозок за год	2	>800	300–800	<300
8	Доля перевозок с задержками	3	≤5 %	5–15 %	>15 %
9	Количество используемых международных маршрутов	3	>12	6–12	<6
10	Среднее время реакции на запрос клиента	1	≤4 часа	4–12 часов	>12 часов

Источник: разработано автором.

Главным принципом такой модели может стать индекс логистической надежности (ILR — Index of Logistics Reliability), который будет рассчитываться по особой формуле с применением ряда критериев.

Методологическая основа расчета индекса логистической надежности (ILR) предполагает формирование системы количественных критериев, позволяющих формализовать оценку деятельности транспортно-логистических компаний. Основная цель данной системы заключается в обеспечении объективного и сопоставимого анализа потенциальных контрагентов на основе совокупности операционных и финансовых показателей. Для построения индекса ILR предлагается использовать десять критериев, представленных в таблице 1, которые отражают ключевые характеристики устойчивости и эффективности логистической компании.

Все критерии разделены на две группы: общие и логистические. К первой группе относятся четыре показателя, характеризующие общую устойчивость компании, ее финансовые возможности и деловую репутацию. К таким показателям относятся срок присутствия на рынке, размер уставного капитала, объем выручки за последний отчетный год и количество судебных споров за последние три года. Вторая группа включает шесть логистических критериев, отражающих фактическое качество транспортных услуг, организацию перевозочного процесса и уровень взаимодействия компании с клиентами. Среди них рассматриваются доля положительных отзывов клиентов, средний рейтинг на специализированных логистических платформах, количество выполненных международных перевозок, доля перевозок с задержками, число используемых международных маршрутов и среднее время реакции на клиентский запрос.

Подобное распределение критериев обусловлено тем, что основным объектом оценки является именно операционная эффективность логистической деятельности¹⁰. Вместе с тем при анализе надежности контрагента необходимо учитывать и финансовую устойчивость компании, поскольку даже высокий уровень логистической эффективности не гарантирует долгосрочной стабильности при слабой экономической базе. Таким образом, предложенная структура критериев обеспечивает баланс между оценкой качества перевозок и общей устойчивостью бизнеса.

Каждый критерий имеет три уровня риска: низкий, средний и высокий. Для количественной формализации каждому уровню присваивается соответствующее балльное значение: низкий риск оценивается в 3 балла, средний — в 2 балла, высокий — в 1 балл. Дополнительно для каждого показателя устанавливается коэффициент значимости, отражающий его влияние на итоговый результат. Более высокие коэффициенты присваи-

¹⁰ Рожко О. Н., Каценко В. В. Основные факторы развития национальной транспортно-логистической системы в условиях трансформации глобальных цепей поставок // Экономическое развитие России. 2024. Т. 31, № 1. С. 37–42. EDN: HPJGKY

ваются тем критериям, которые в наибольшей степени характеризуют надежность перевозочного процесса.

Итоговое значение индекса логистической надежности определяется на основе формулы, включающей два множителя:

$$ILR = \left(\sum_{j=1}^6 a_j L_j \right) \times \left(1 + \frac{\sum_{i=1}^4 b_i F_i}{\max \sum_{i=1}^4 b_i F_i} \right)$$

Источник: разработано автором

где L_j — баллы логистических критериев;

F_i — баллы общих критериев;

a_j — коэффициенты значимости логистических критериев;

b_i — коэффициенты значимости общих критериев.

Первый множитель представляет собой взвешенную сумму логистических критериев и отражает основную оценку качества операционной деятельности компании. Вторым множителем выполняется корректирующая функция и рассчитывается на основе общих показателей, характеризующих устойчивость бизнеса.

Расчет предельных значений индекса логистической надежности осуществляется исходя из структуры предложенной формулы и системы балльной оценки критериев. Поскольку каждый показатель может принимать одно из трех значений (1, 2 или 3 балла), диапазон итогового индекса определяется комбинацией минимальных и максимальных значений всех критериев с учетом их коэффициентов значимости.

Алгоритм определения границ индекса включает несколько последовательных этапов. На первом этапе рассчитывается диапазон значений логистической составляющей индекса, которая представляет собой взвешенную сумму шести логистических критериев. Минимальное значение данной суммы формируется в ситуации, когда по всем показателям фиксируется высокий уровень риска и каждому критерию присваивается минимальное количество баллов. Максимальное значение, напротив, достигается при наиболее благоприятных значениях показателей, соответствующих низкому уровню риска и максимальному баллу.

На втором этапе определяется диапазон корректирующего коэффициента, который рассчитывается на основе четырех общих критериев, характеризующих устойчивость и деловую стабильность компании. Сначала вычисляется максимально возможное значение взвешенной суммы этих критериев. Далее фактическое значение данной суммы соотносится с ее максимально возможным уровнем, что позволяет получить относительную величину, отражающую степень финансовой и организационной устойчивости компании. К полученному отношению добавляется единица, в результате чего формируется корректирующий множитель, усиливающий или ослабляющий основную логистическую оценку.

Минимальное значение второго множителя возникает при наихудших значениях всех общих критериев, тогда как максимальное — при их наиболее благоприятных значениях. Соответственно, итоговый индекс ILR определяется как произведение минимального или максимального значения логистической части на соответствующее значение корректирующего коэффициента.

Таким образом, при наименее благоприятных значениях всех показателей формируется минимальное значение индекса, тогда как при оптимальных значениях критериев

достигается его верхняя граница. В результате расчетов установлено, что возможный диапазон значений индекса логистической надежности составляет от 17,29 до 78,00, что позволяет использовать данный показатель для ранжирования и сравнительной оценки логистических компаний по уровню их надежности.

Базируясь на статистике ФТС России о категорировании участников ВЭД в I квартале 2026 года, можно следующим образом распределить значения индекса по уровням риска.

Таблица 2

Распределение значений ILR по уровням риска

Уровень риска	Значение ФТС России	Характеристика	Значение ILR
Низкий	10 %	Наилучшие компании, у которых логистические и общие показатели максимально развиты	72,01–78,00
Средний	84 %	Большинство участников рынка, чьи показатели варьируются от умеренно низких до высоких, но не достигают максимальных комбинаций	21,01–72,00
Высокий	6 %	Малая часть контрагентов с низкими логистическими и общими показателями	17,29–21,00

Источник: разработано автором.

Распределение в таблице 2 представляется вполне реалистичным, поскольку достижение максимальных значений ILR требует от компании одновременного соблюдения целого ряда условий: присутствие на рынке более семи лет, выполнение свыше 800 международных рейсов ежегодно, наличие более 12 активно используемых маршрутов, и при этом доля перевозок с задержками не должна превышать пяти процентов. Обратная сторона этой системы, зона высокого риска с индексом ниже 21 балла, охватывает примерно шесть процентов контрагентов: попадание в этот диапазон сигнализирует не столько о начальном уровне развития компании или небольших масштабах деятельности, сколько о системных проблемах в операционном управлении.

Важно подчеркнуть, что формула ILR сконструирована следующим образом: компания со значительным уставным капиталом и многолетним опытом работы, но при этом демонстрирующая высокую долю задержек либо имеющая устойчиво негативные отзывы клиентов, не сможет оказаться в зоне низкого риска. Это обусловлено тем, что в предложенной модели логистические критерии обладают более высоким удельным весом по сравнению с финансовыми показателями. Подобное соотношение отражает специфику транспортной отрасли, где конечный результат деятельности оценивается прежде всего через выполнение принципа 7R¹¹, предполагающего доставку нужного товара, в нужном количестве и состоянии, в нужное место и время, нужному получателю и по оптимальной стоимости.

С другой стороны, новые компании, обладающие относительно небольшим уставным капиталом, но демонстрирующие высокое качество перевозочного процесса, минимальное количество срывов поставок и положительные отзывы клиентов, способны закрепиться в средней зоне рейтинга и, при сохранении стабильных операционных показателей, приблизиться к категории низкого уровня риска.

Такой принцип построения ILR особенно актуален в современных условиях развития рынка, так как проведенное исследование свидетельствует о том, что в условиях

¹¹ Клевнов О. Г., Мамедова И. А. Управление информационными потоками на основе принципов ITIL и 7R // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 7 (145). DOI 10.60797/IRJ.2024.145.5. EDN: EIDGHD

глубокой трансформации международной логистики, характеризующейся уходом ряда традиционных международных операторов и появлением новых участников рынка с ограниченной степенью репутационной прозрачности, субъекты внешнеэкономической деятельности столкнулись с существенным дефицитом инструментов объективной оценки контрагентов.

В этой связи особый интерес представляет опыт категорирования, накопленный таможенными органами Российской Федерации. Данную практику можно рассматривать в качестве методологической основы для разработки аналогичных механизмов в сфере логистики при условии ее адаптации к специфике перевозочного процесса. В свою очередь, предложенная в исследовании модель индекса логистической надежности примечательна тем, что она не воспроизводит таможенный подход механически, а предлагает его содержательную переработку. В частности, приоритетное значение в ней придается показателям операционной эффективности перевозчика, тогда как общие параметры выступают лишь одним из элементов комплексной оценки. Подобный акцент представляется обоснованным для логистической отрасли, где ключевым критерием результативности выступает своевременность и стабильность доставки грузов.

Новизна предложенного подхода связана с тем, что алгоритмы контроля, применяемые в таможенном администрировании, увязываются с операционными метриками логистического сервиса; в результате становится возможным сформировать иную систему критериев и построить математическую модель для их количественной оценки. Разработанный инструментарий, в который входят расчетный индекс и алгоритм автоматизированного скоринга, снижает влияние субъективных суждений и задает воспроизводимый, прозрачный механизм рейтингования участников рынка в режиме, близком к реальному времени. Практическая значимость полученных результатов определяется созданием прикладного механизма: грузовладельцы получают инструмент для снижения рисков при выборе контрагента, тогда как добросовестные перевозчики — сопоставимое и обоснованное подтверждение своей операционной надежности. В совокупности это может поддерживать более устойчивую конкурентную среду в условиях трансформации логистики.

Вместе с тем следует отметить, что предложенная модель требует дальнейшей проработки и адаптации с применением реальных данных компаний логистической отрасли. Однако сама постановка вопроса о формировании публичных отраслевых рейтингов, основанных на принципах скоринговых систем, применяемых в таможенной практике, представляется своевременной и обладающей значительным практическим потенциалом. В более широком контексте речь идет о создании прозрачной и предсказуемой среды в сфере логистики, что в современных условиях становится одним из важных факторов устойчивости внешнеторговой деятельности.

Список источников

1. Альбеков А. У. Генезис логистики: эволюция концепций и моделей в контексте управления цепями поставок / А. У. Альбеков, Н. В. Гузенко // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2024. Т. 31, № 4 (88). С. 10–23. DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.88.4.001. EDN: LMTCOB
2. Вахрушев В. Ю. Таможенная логистика в санкционных условиях / В. Ю. Вахрушев, М. Б. Худжатов // Маркетинг и логистика. 2022. № 3 (41). С. 12–24. EDN: JZOKNN
3. Гетман А. Г. Таможенная логистика в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 4. С. 180–187. DOI 10.26163/GIEF.2023.96.43.027. EDN: KLYBGV

4. *Иващенко Н. С.* Современные особенности отечественного потребительского рынка товаров и услуг / Н. С. Иващенко, И. Р. Кадыров // Актуальные проблемы экономики, коммерции и сервиса : Сборник научных трудов кафедры коммерции и сервиса, посвященный Юбилейному году РГУ им. А. Н. Косыгина / Под ред. В. Ю. Мишакова, Л. Е. Зерновой. М.: РГУ им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2020. С. 72–79. EDN: МТХСФК
5. *Клевнов О. Г.* Управление информационными потоками на основе принципов ITIL и 7R / О. Г. Клевнов, И. А. Мамедова // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 7 (145). DOI 10.60797/IRJ.2024.145.5. EDN: EIDGHD
6. *Лапин Д. Д.* Субъектно-ориентированный подход как фундаментальный подход, применяемый при категорировании участников внешнеэкономической деятельности / Д. Д. Лапин, П. С. Шевчук // Фундаментальные и прикладные научные исследования : Сборник трудов по материалам VIII Международного конкурса научно-исследовательских работ, награжденных дипломами I степени, Уфа, 30 апреля 2022 года. Уфа: Вестник науки, 2022. С. 41–47. EDN: LBHNEH
7. *Петрова А. А.* Автоматизация системы категорирования участников ВЭД / А. А. Петрова, Н. Ю. Логунова // Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 110-летию со дня рождения проф. Ф. Х. Садыковой : Сборник научных трудов конференции, Москва, 12 октября 2023 года. М.: РГУ им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2023. С. 111–114. EDN: GVVDRY
8. *Рожко О. Н.* Основные факторы развития национальной транспортно-логистической системы в условиях трансформации глобальных цепей поставок / О. Н. Рожко, В. В. Каценко // Экономическое развитие России. 2024. Т. 31, № 1. С. 37–42. EDN: HPJGKY
9. *Семенова К. Ю.* Система управления рисками как инструмент повышения эффективности таможенного контроля // Всероссийская научно-практическая конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «XV Камские чтения» : Сборник докладов, Набережные Челны, 27 октября 2023 года. Набережные Челны: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. С. 230–233. EDN: IULRIU
10. *Тухбатуллин А. А.* Проблемы логистики в электронной коммерции России и пути их решения // Россия и мир в новых реалиях: изменение мирохозяйственных связей : материалы XII Евразийского экономического форума молодежи, Екатеринбург, 26–29 апреля 2022 года / Уральский государственный экономический университет. Т. 3. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2022. С. 138–140. EDN: BLGNZJ

Сведения об авторе:

Алякритский Евгений Романович, студент 4-го курса, факультет таможенного дела, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, e-mail: ealyakritskiy-22@edu.ranepa.ru

Научный руководитель: Мамедова Ирада Ахатовна, кандидат экономических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, e-mail: mamedova-ia@ranepa.ru

References

1. Albekov, A. U., Guzenko, N. V. (2024) Genesis of logistics: evolution of concepts and models in the context of supply chain management. *Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH)*. Vol. 31, No. 4(88). Pp. 10–23. DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.88.4.001. EDN: LMTCOB

2. Vakhrushev, V. Y., Khujatov, M. B. (2022) Customs logistics in sanctioned conditions. *Marketing and Logistics*. No. 3 (41). Pp. 12–24. EDN: JZOKNN
3. Getman, A. G. (2023) Customs logistics in international supply chains of goods containing intellectual property objects. *Journal of Legal and Economic Research*. No. 4. Pp. 180–187. DOI 10.26163/GIEF.2023.96.43.027. EDN: KLYBGV
4. Ivashchenko, N. S., Kadyrov, I. R. (2022) Modern problems of Russian importing companies and the current state of the Russian transport and logistics market. Actual issues of economics, commerce and service : Collection of scientific papers of the Department of Commerce and Service. – Moscow: *Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)”*. Pp. 57–60. EDN: YCXVMM
5. Klevnov, O. G., Mamedova, I. A. (2024) Information flow management based on the principles of ITIL and 7R. *International Scientific Research Journal*. No. 7(145). DOI 10.60797/IRJ.2024.145.5. EDN: EIDGHD
6. Lapin, D. D., Shevchuk, P. S. (2022) A subject-oriented approach as a fundamental approach used in categorizing participants in foreign economic activity. Fundamental and applied scientific research : a collection of papers based on the materials of the VIII International Competition of scientific research papers awarded with diplomas of the I degree, Ufa, April 30, 2022. – Ufa: *Bulletin of Science*. Pp. 41–47. EDN: LBHHED
7. Petrova, A. A., Logunova, N. Y. (2023) Automation of the foreign economic activity participant categorization system. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation dedicated to the 110th anniversary of the birth of Professor F. H. Sadykova : Proceedings of the conference, Moscow, October 12, 2023. – Moscow: *A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)*. Pp. 111–114. EDN: GVVDRY
8. Rozhko, O. N., Katsenko, V. V. (2024) The main factors of the development of the national transport and logistics system in the context of the transformation of global supply chains. *Economic development of Russia*. Vol. 31, No. 1. Pp. 37–42. EDN: HPJGKY
9. Semenova, K. Y. (2024) Risk management system as a tool for improving the effectiveness of customs control. All-Russian Scientific and practical Conference of students, undergraduates, postgraduates and young scientists “XV Kama readings” : Collection of reports, Naberezhnye Chelny, October 27, 2023. – Naberezhnye Chelny: *Kazan (Volga Region) Federal University*. Pp. 230–233. EDN: IULRIU
10. Tuxhatullin, A. A. (2022) Logistics problems in Russian e-commerce and ways to solve them. Russia and the world in new realities: changing world economic relations : proceedings of the XII Eurasian Economic Youth Forum, Yekaterinburg, April 26–29, 2022 / Ural State University of Economics. Vol. 3. – Yekaterinburg: *Ural State University of Economics*. Pp. 138–140. EDN: BLGNZJ

About the author:

Evgeniy R. Alyakritskiy, BA student, Faculty of Customs Affairs, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: ealyakritskiy-22@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor: Irada A. Mamedova, PhD in Economics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: mamedova-ia@ranepa.ru

Энергетическое сотрудничество на Ближнем Востоке в условиях перехода к многополярной мировой системе¹

Гнидина Арина Николаевна

Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

студентка 4-го курса бакалавриата, факультет истории, социологии и международных отношений

E-mail: smirnovaarina581@gmail.com

Лепина Валерия Сергеевна

Кубанский государственный университет

студентка 4-го курса бакалавриата, факультет истории, социологии и международных отношений

E-mail: Lepina.lera00@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена трансформации энергетического сотрудничества на Ближнем Востоке в контексте перехода к многополярной модели мироустройства. В центре внимания — проблема переосмысления традиционной зависимости региона от Запада и поиск новых стратегических партнеров для сохранения геополитического влияния.

Методология и материалы: исследование выполнено в рамках системного подхода к анализу международных отношений. Методологическую базу составляют сравнительно-исторический анализ, институциональный анализ (ОПЕК+, ССАГПЗ) и анализ внешнеполитических стратегий (Saudi Vision 2030, Концепция внешней политики РФ 2023 г.). Эмпирическую основу работы формируют статистические данные ОПЕК, отчеты международных аналитических центров (Chatham House, РСМД) и публикации по экономике Ближневосточного региона.

Результаты и обсуждение: в ходе исследования выявлено, что нефть продолжает играть роль системообразующего фактора, однако характер сотрудничества меняется. Страны Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ) используют нефтяную ренту для диверсификации экономики и установления равноправных связей с новыми центрами силы. Установлено, что подходы внешних акторов к региону различаются: Россия выступает в роли «стратегического балансира» через механизмы ОПЕК+ и военно-техническое сотрудничество, в то время как Китай реализует экономико-инфраструктурную модель «ресурсы в обмен на развитие» (примеры Ирака и Саудовской Аравии).

Выводы: полученные результаты демонстрируют, что многовекторная политика ближневосточных государств способствует ускоренному формированию полицентричного мира. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов для прогнозирования стратегий России в отношении конкретных стран региона (Ирана, ОАЭ, Катар) и оптимизации энергетической дипломатии в рамках формата ОПЕК+.

Ключевые слова: нефть, Ближний Восток, инвестиции, энергоресурсы, ОПЕК+, диверсификация экономики, международное сотрудничество.

¹ Статья подготовлена на основе работы, представленной на Всероссийском конкурсе студенческих научных работ по актуальным проблемам современных международных отношений, где заняла III место в номинации «Рукопись научной статьи в соавторстве. Проба пера» (Санкт-Петербург, 2025).

Для цитирования: Гнидина А. Н., Лепина В. С. Энергетическое сотрудничество на Ближнем Востоке в условиях перехода к многополярной мировой системе // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 2 (34). – С. 17–26.

Energy Cooperation in the Middle East in the Context of the Transition to a Multipolar World System²

Arina N. Gnidina

Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

BA student, Faculty of History, Sociology and International Relations

E-mail: smirnovaarina581@gmail.com

Valeria S. Lepina, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

BA student, Faculty of History, Sociology and International Relations

E-mail: lepina.lera00@mail.ru

Abstract

Introduction: The paper deals with the transformation of energy cooperation in the Middle East in the context of the transition from a unipolar to a multipolar model of the world order. The focus is on the issue of rethinking the region's traditional dependence on the West and finding new strategic partners to maintain its geopolitical influence.

Methodology and materials: The research has employed a systemic and neo-realist approach to the analysis of international relations. The methodological framework involves a comparative historical analysis, institutional analysis (OPEC+, GCC), as well as the analysis of foreign policy strategies (Saudi Vision 2030, Russian Foreign Policy Concept 2023). The empirical basis of the study includes statistical data from OPEC, reports from international think tanks (Chatham House, RIAC), and some publications on the economy of the Middle East region.

Results and discussion: The study has revealed that oil continues to play a system-forming role, but the nature of cooperation is changing. The Gulf countries (Saudi Arabia, the UAE) are using oil rent to diversify their economies and establish equal ties with new centers of power. It has been established that the approaches of external actors to the region differ: Russia acts as a “strategic balancer” through the OPEC+ mechanisms and military-technical cooperation, while China implements the economic and infrastructure model of “resources in exchange for development” (examples of Iraq and Saudi Arabia).

Conclusions: The results obtained demonstrate that the multi-vector policy of the Middle Eastern states contributes to the accelerated formation of a polycentric world. The practical significance of the study lies in the possibility of using its findings to predict Russia's strategies towards specific countries in the region (Iran, the UAE, and Qatar) and to optimize energy within the framework of the OPEC+ format.

Keywords: oil, Middle East, investments, energy resources, OPEC+, economic diversification, international cooperation.

For citation: Gnidina, A. N., Lepina, V. S. (2026) Energy Cooperation in the Middle East in the Context of the Transition to a Multipolar World System. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, no. 2 (34). Pp. 17–26.

² The article was prepared based on a work presented at the All-Russian Competition of Student Scientific Works on Current Issues of Modern International Relations, where it won 3rd place in the nomination “Manuscript of a Scientific Article in Co-authorship. First Attempt” (Saint Petersburg, 2025).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы определяется фундаментальной ролью энергетических ресурсов в образовании геополитического ландшафта Ближнего Востока. В условиях преобразования системы международных отношений происходит переосмысление традиционных моделей сотрудничества, основанных на углеводородной зависимости. Особую значимость приобретает анализ стратегий ключевых региональных акторов по конвертации нефтяной ренты в инструменты долгосрочного геополитического влияния, а также исследование роли новых внешних акторов — России и Китая — в контексте ослабления однополярного превосходства США.

Цель исследования: проанализировать механизмы, за счет которых нефть на Ближнем Востоке формирует базис для международного сотрудничества в настоящее время, учитывая продолжающийся курс на экономическую диверсификацию.

МЕТОДЫ

Методология и методы исследования: методологическую основу исследования составил системный анализ для изучения поведения государств в условиях анархии международной системы и их стремления к максимизации относительной выгоды и безопасности, что позволяет концептуализировать регион как целостную структуру, подверженную влиянию глобальных центров силы. Используются следующие методы: сравнительно-исторический анализ для выявления этапов эволюции нефтяной политики, институциональный анализ для изучения роли ОПЕК+ и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) как регуляторов сотрудничества, анализ дискурса официальных документов и стратегий (например, Saudi Vision (2030), Концепция внешней политики РФ (2023)) для определения мотивации ключевых акторов.

Обзор источников и литературы: теоретическую базу составили работы исследователей S. Zidane и Ф. Ю. Заблоцкого, в работе S. Zidane рассматривается соглашение между Ираком и Китаем, использующее нефть в обмен на восстановление инфраструктуры и подчеркивающее значимость ресурсов в международных отношениях. А в исследовании Ф. Ю. Заблоцкого анализируется влияние нефтяных ресурсов на экономическое развитие стран Ближнего Востока.

Эмпирическую базу исследования образуют:

- статистические данные ОПЕК³, отражающие реальную картину распределения запасов и объемов добычи;
- стратегические документы (Saudi Vision (2030)⁴ и Концепция внешней политики РФ (2023)⁵), позволяющие проанализировать стратегии проводимой внешней политики акторов международных отношений;
- аналитические отчеты международных центров (Chatham House — Королевский институт международных отношений⁶, Российский совет по международным

³ OPEC Annual Statistical Bulletin 2025 [Electronic resource]. URL: <https://www.opec.org/assets/assetdb/asb-2025.pdf> (дата обращения: 21.10.2025). С. 11.

⁴ Kinninmont J. Vision 2030 and Saudi Arabia's Social Contract. Austerity and Transformation. – Chatham House, July 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2017-07-20-vision-2030-saudi-kinninmont.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

⁵ Заблоцкий Ф. Ю. Роль нефтяного фактора в экономике государств Ближнего Востока [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. № 23. С. 830–831.

⁶ OPEC Annual Statistical Bulletin 2025 [Electronic resource]. URL: <https://www.opec.org/assets/assetdb/asb-2025.pdf> (дата обращения: 21.10.2025).

- делам⁷), указывающие на конкретные цифры и данные для анализа проблемы и развитие механизмов ее решения;
- научные публикации, освещающие экономические аспекты нефтяного фактора⁸ и конкретные кейсы двустороннего взаимодействия⁹.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Как отмечает Ф. Ю. Заблоцкий, «в начале XX века наступил период интенсивной добычи и освоения нефтяных месторождений на Ближнем Востоке. Данный фактор во многом повлиял на развитие стран Ближневосточного региона, а также на их роль и вовлеченность в международные процессы. Активная добыча и эксплуатация углеводородных ресурсов, усилившаяся в 1930 г., окончательно закрепила глобальное значение Ближнего Востока. Поэтому на сегодняшний день Ближневосточный регион остается одним из важнейших регионов мира, как для региональных, так и для глобальных акторов международных отношений»¹⁰.

Интерес к региону обусловлен тем, что «доля в мировых доказанных запасах нефти (по данным Организации стран-экспортеров нефти на 2025 год) составляет около 65 %. Регион обеспечивает 50 % мирового экспорта нефти, доля в мировом экспорте нефтепродуктов составляет около 25 %. Наибольшее количество нефтяных месторождений сосредоточено в зоне Персидского и Суэцкого заливов и районе Гечсаран, Эр-Румайла, Большой Бурган»¹¹.

Исторически Ближневосточный регион был важным для всех крупных держав, поэтому, когда в 1901 г. велись работы по разработке нефтяных месторождений, Великобритания подписала соглашение (концессия Д-Арси) с персидским шахом Мозафаром ад-Дином. Около 3/4 территории страны было передано в пользование Великобритании, которую в дальнейшем она использовала для сдерживания влияния Франции и Российской империи в регионе¹². В 1932 г. была образована Саудовская Аравия, где в 1938 году были обнаружены крупные нефтяные месторождения, что значительно усилило стратегическую важность страны. Этот период можно охарактеризовать как время контроля Англии над ресурсами ближневосточных стран и ограниченного суверенитета местных правителей. С конца XX в. страны Ближнего Востока осознали потребность во внутреннем организационном регулировании добычи и продажи нефти. Таким образом, создание ОПЕК в 1960 г. позволило странам — производителям нефти проводить самостоятельную политику, без учета диктата «Семи сестер»¹³, а также заявить о своем суверенитете над энергоресурсами.

⁷ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (дата обращения: 18.10.2025).

⁸ Савичева Е. М., Бребдани А. М., Рыжов И. В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 180–196. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196> (дата обращения: 16.02.2026).

⁹ Zidane S. Iraq, China launch 'oil for reconstruction' agreement [Electronic resource]. Al-Monitor. October 8, 2019. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2019/10/iraq-china-india-oil-construction.html> (дата обращения: 25.10.2025).

¹⁰ См.: Заблоцкий Ф. Ю. Роль нефтяного фактора в экономике государств Ближнего Востока [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. № 23. С. 830–831 (дата обращения: 16.12.2025).

¹¹ OPEC Annual Statistical Bulletin 2025 [Electronic resource]. URL: <https://www.opec.org/assets/assetdb/asb-2025.pdf> (дата обращения: 21.10.2025).

¹² Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская газета, 2012.

¹³ «Семь сестер» — неофициальное объединение семи крупнейших нефтедобывающих компаний, которые занимались переработкой и продажей ближневосточной нефти.

При избытке нефти и отсутствии геополитической стабильности и безопасности в регионе усилилось влияние США, которое сопровождалось де-факто обеспечением безопасности в регионе путем сниженных по стоимости за баррель нефти поставок и лояльности режимов к демократизации региона.

В условиях холодной войны и действия доктрин (доктрина Картера, доктрина неоглобализма, доктрина Кеннеди), провозглашаемых США, начались активные поступления американского доллара в Ближневосточный регион, что сделало нефть котируемой в долларах США. В период внутрорегиональных конфликтов Америка вводила свои войска и корабли для обеспечения безопасного вывоза нефти, однако вскоре стало очевидно, что западная интеграция проходила не только в сфере безопасности, но и усиливала экономическую и политическую зависимость стран Ближнего Востока от США и стран Запада.

С достижением экономической самостоятельности арабские страны, чтобы ослабить позиции США, пытались проводить реформы и сотрудничать с другими акторами международных отношений на равных условиях¹⁴. Так, например, для диверсификации экономики и ослабления влияния нефти на развитие Ближнего Востока Саудовская Аравия разработала программу “Vision 2030”¹⁵. Цели королевства заключались в том, чтобы создать альтернативные источники дохода, сформировать концепцию «мягкой силы» и привлечь международных партнеров в технологичные проекты, снизить монополию одного внешнего актора на обеспечение безопасности и развития в стране и в результате сформировать образ не только нефтяного государства, но и технологического лидера. В рамках программы планируется постройка НЕОМ (проект городов будущего в Саудовской Аравии), что способствует повышенному вниманию стран, не опирающихся на нефтяную промышленность, и обеспечит тем самым приток иностранной валюты в регион, а это, в свою очередь, благоприятствует развитию туризма. Таким образом, диверсификация — это не путь полного отказа от получения нефтегазовых доходов, а лишь использование нефтяных денег для создания более глубокой и многополярной системы внешних связей, что усиливает влияние на международной арене стран Ближнего Востока. Однако в настоящее время эти планы только начинают реализовываться, что показывает всё еще сильную зависимость региона от США и доллара¹⁶.

Приход России и Китая на Ближний Восток представляет собой два различных, но взаимодополняющих для региона подхода. Согласно российскому подходу наша страна предлагает себя как альтернативного гаранта стабильности, что проявляется в политическом, экономическом и военно-техническом сотрудничестве. Способность России влиять на добычу и согласование цен на нефть через ОПЕК+ делает ее незаменимым стратегическим партнером¹⁷. Этот пример наглядно показывает, как энергетическая дипломатия превращается в значимый элемент международного права и фактор геополитического влияния — в частности, во взаимодействии с государствами Ближнего Востока¹⁸. В период санкционной политики европейских стран Россия поменяла вектор

¹⁴ Савичева Е. М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 14–21.

¹⁵ Kinninmont J. Vision 2030 and Saudi Arabia’s Social Contract. Austerity and Transformation. – Chatham House, July 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2017-07-20-vision-2030-saudi-kinninmont.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Аникин В. И. Россия в формате «ОПЕК+»: перспективы, оценки, возможности // Инновации и инвестиции. 2019. № 5. С. 24–31.

¹⁸ Жукова И. С. Энергетическая дипломатия и геополитика как составной элемент международного энергетического права // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3. С. 51–54.

своей внешней политики на постепенное выстраивание долгосрочных дружественных отношений со странами Ближнего Востока и усиление международного авторитета¹⁹. Еще один немаловажный вектор сотрудничества России и стран региона заключается в том, что российские нефтегазовые компании (Лукойл, Газпром, Роснефть) являются крупными партнерами стран Ближнего Востока в рамках разработки и добычи нефтегазовых месторождений, что усиливает роль России как надежного партнера и позволяет ей получить доступ к технологиям, диверсифицировать активы в условиях санкций²⁰. Благодаря тому, что партнерство стран региона и России усиливается, можно наблюдать экономическую стабильность России в период антироссийских санкций и рост получения прибыли (в период с 2022 г.) от добычи и продажи энергоресурсов²¹. Следовательно, можно прогнозировать, что сотрудничество России и Ближнего Востока (ОАЭ, Саудовской Аравии, Катар) в рамках ОПЕК будет выстраиваться путем многовекторности экономического сотрудничества, что приведет к полному доверию и многополярности в международных отношениях. Для Ближнего Востока Россия — это не столько источник инвестиций, сколько партнер по сотрудничеству и глобальному управлению энергетическим рынком и противовес американскому влиянию в регионе²².

Китайский подход — экономико-инфраструктурный, в рамках инициативы «Один пояс и один путь»²³ КНР предлагает модель «строительства инфраструктуры в обмен на ресурсы и лояльность»²⁴. Эта модель привлекательна своей аполитичностью и отсутствием требований по демократизации. Для стран Ближнего Востока Китай — это прежде всего гарантированный рынок сбыта и источник инвестиций, не бросающий вызов политическому статус-кво. С начала XXI века Китай стал потребителем большого количества электроэнергии, которую он может получать по выгодным ценам из стран Ближнего Востока, и именно этот фактор делает их взаимоотношения перспективными для развития альтернативных путей сотрудничества²⁵. А окончание строительства нефтегазовой платформы Marjan GOSP-4 лишь доказывает взаимовыгодное намерение масштабирования сотрудничества²⁶.

Нефть всё еще является важнейшим невозобновляемым ресурсом, а задача стран — экспортеров нефти стабилизировать ее стоимость и добычу. Ближневосточные страны стараются диверсифицировать свою экономику за счет стабилизационных фондов, что помогает привлечь иностранный капитал и в другие отрасли. Именно этот фактор играет

¹⁹ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (дата обращения: 18.10.2025).

²⁰ Российские нефтегазовые компании на Ближнем Востоке и в Северной Африке: интересы, проекты и перспективы [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskie-neftegazovye-kompanii-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-interesy-proekty-i-perspekt/?ref=vc.ru> (дата обращения: 29.10.2025).

²¹ Хасан А. М. А. Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. Т. 18. № 2. С. 342–355.

²² Цит. по: Хасан А. М. А. Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. Т. 18. № 2. С. 342 – 355. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-342-355

²³ Портал «Пояс и путь» — официальный сайт инициативы «Пояс и путь» [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/> (дата обращения: 16.10.2025).

²⁴ Там же.

²⁵ Ильминская М. Ф. Регион Персидского залива как зона геополитических интересов Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 152–161 (дата обращения: 25.12.2025).

²⁶ Zidane S. Iraq, China launch 'oil for reconstruction' agreement [Electronic resource]. Al-Monitor. October 8, 2019. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2019/10/iraq-china-india-oil-construction.html> (дата обращения: 25.10.2025).

важную роль в дальнейшем экономическом усилении стран как самостоятельных акторов международных отношений. Страны региона оказывают влияние на регулирование международных процессов с помощью изменения цен на нефть. Например, в 1973 году страны — участницы ОПЕК перекрыли поставки нефти тем государствам, которые поддерживали Израиль в арабо-израильской войне. Это, в свою очередь, обернулось замедлением темпов роста экономики поддерживающих Израиль стран, а также сподвигло их искать альтернативу Ближневосточному региону для импорта нефти. Например, США начали получать нефть из СССР, чтобы обойти завышенную цену на ближневосточную нефть.

Ключевой тенденцией для стран Ближнего Востока является постепенный отход от опоры на внешние гарантии безопасности и переход к модели самостоятельного обеспечения региональной стабильности. С помощью организаций (ССАГПЗ, ГАФТА, ОПЕК+) страны, имеющие отношение к добыче и продаже нефти, пытаются решить накопленные внутри региона проблемы, создать собственную систему безопасности и стабильности, координировать экономики стран — экспортеров нефти²⁷. Россия, в свою очередь, выступает в качестве важного фактора стабилизации в регионе, что способствует росту ее международного авторитета и усиливает ее влияние на ближневосточном направлении. Страны Ближнего Востока и Российская Федерация являются крепкими партнерами в рамках организации ОПЕК+, что помогает двум сторонам получать преференции, например, увеличивается доход от продажи нефти в волатильный период, появляется способность влиять на мировые рынки и баланс экономических сил.

ВЫВОДЫ

Современная тенденция поиска Ближним Востоком новых союзников на международной арене помогает занять этим странам свое место в мире, проводить независимую политику и обозначить первенство в исламском мире.

Сейчас благодаря энергоресурсам и технологиям Ближний Восток всё еще выгоден для сотрудничества, что является основой для повышенного внимания к региону. Посредством энергетического сотрудничества региону удастся продемонстрировать мировому сообществу реальные шаги по переходу к многополярности. Это подкрепляется такими примерами, как смягчение блокадной политики ОАЭ и Саудовской Аравии в отношении Катар из-за улучшения им сотрудничества по экспорту сжиженного газа в Европу, преодоление взаимных разногласий Турции и ОАЭ посредством двухсторонней нужды в технологиях и инвестициях в энергетическую отрасль, создание Ираном альтернативных полюсов влияния в период санкций (заключение энергетических контрактов с Китаем)²⁸ и продвижение строительства газопровода «Иран – Пакистан – Индия», совместное реагирование и поиск решения террористической проблемы в регионе на примере угрозы нанесения ударов «ХАМАС»²⁹ по объектам Saudi Aramco (национальная нефтяная компания Саудовской Аравии), решение трех крупных представителей Ближневосточного региона вступить в БРИКС+. Все эти решения отражают стремление арабских стран к ускоренному глубокому развитию и поиску новых полюсов влияния в мире,

²⁷ Разем Р. А., Черкашнев Р. Ю. Синергия и потенциал сближения экономик России и стран Ближнего Востока // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2016. Т. 4, № 4 (24). С. 156–161. EDN WWRQWZ

²⁸ Савичева Е. М., Бребдани А. М., Рыжов И. В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 180–196. [Электронный ресурс]. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196>

²⁹ «ХАМАС» — палестинское исламистское движение.

а их энергетическое преобладание над многими мировыми акторами лишь помогает им в реализации этих планов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Ближневосточный регион перестает быть пассивным объектом геополитической конкуренции и превращается в активного субъекта, формирующего новую архитектуру международных отношений. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе разнонаправленных стратегий стран Ближнего Востока, которые одновременно сохраняют приверженность сложившимся связям с Западом и углубляют партнерство с Россией и Китаем. В отличие от существующих исследований, рассматривающих регион как монолит, авторы статьи выявили дифференциацию подходов: для Саудовской Аравии ключевым инструментом становится финансовая дипломатия и инвестиции в глобальные технологии, для Ирака — инфраструктурные обмены с Китаем, а для Катара — энергетическая гибкость в условиях блокады³⁰.

Практическая значимость работы состоит в том, что представленные выводы могут служить основой для внешнеэкономической стратегии России. Усиление сотрудничества через ОПЕК+ и участие российских компаний (Лукойл, Газпром) в разработке месторождений позволяет РФ не только компенсировать последствия санкций, но и укреплять статус гаранта энергетической безопасности. Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом влияния «зеленого перехода» и технологического развития (проект НЕОМ), снижением спроса на углеводороды, а также с изучением потенциала расширения БРИКС+ как альтернативной платформы для энергетического диалога.

Список источников

1. *Аникин В. И.* Россия в формате «ОПЕК+»: перспективы, оценки, возможности // *Инновации и инвестиции.* 2019. № 5. С. 24–31. EDN: HSLEKB
2. *Хасан А. М. А.* Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия // *Вестник Российского университета дружбы народов.* 2018. Т. 18, № 2. С. 342–355. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-342-355
3. *Динец Д. А.* О перспективах развития ССАГПЗ: что дальше? / Д. А. Динец, П. С. Прокопьев // *Геоэкономика энергетики.* 2022. Т. 20, № 4. С. 95–106. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_95. EDN: XSQTUZ
4. *Жукова И. С.* Энергетическая дипломатия и геополитика как составной элемент международного энергетического права // *Вестник Оренбургского государственного университета.* 2010. № 3 (109). С. 51–54. EDN: MLZPLF
5. *Заблоцкий Ф. Ю.* Роль нефтяного фактора в экономике государств Ближнего Востока // *Молодой ученый.* 2015. № 23 (103). С. 830–831. EDN: VDDSCH
6. *Ильминская М. Ф.* Регион Персидского залива как зона геополитических интересов Китая // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2015. № 1. С. 152–161. EDN: TMGEEJ
7. *Примаков Е. М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская газета, 2012.
8. *Разем Р. А.* Синергия и потенциал сближения экономик России и стран Ближнего Востока / Р. А. Разем, Р. Ю. Черкашнев // *Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика.* 2016. Т. 4, № 4 (24). С. 156–161. EDN: WWRQWZ
9. *Савичева Е. М.* К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // *Вестник Российского универси-*

³⁰ *Динец Д. А., Прокопьев П. С.* О перспективах развития ССАГПЗ: что дальше? // *Геоэкономика энергетики.* 2022. Т. 20, № 4. С. 95–106. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_95. EDN: XSQTUZ

тета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 14–21. EDN: SYBSUX

10. Савичева Е. М. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству / Е. М. Савичева, А. М. Бребдани, И. В. Рыжов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 180–196. DOI 10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196. EDN: NMVDUL

11. Kinninmont J. Vision 2030 and Saudi Arabia's Social Contract. Austerity and Transformation. Chatham House, July 2017.

Сведения об авторах:

Гнидина Арина Николаевна, студентка 4-го курса бакалавриата, факультет истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация); e-mail: smirnovaarina581@gmail.com

Лепина Валерия Сергеевна, студентка 4-го курса бакалавриата, факультет истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация); e-mail: Lepina.lera00@mail.ru

References

1. Anikin, V. I. (2019) Russia in the OPEC+ Format: Prospects, Assessments, Opportunities. *Innovatsii i Investitsii / Innovations and Investments*. No. 5. Pp. 24–31.
2. Hassan, A. M. A. (2018) Energy Dialogue between the Russian Federation and the Kingdom of Saudi Arabia. *Vestnik RUDN / Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: International Relations. Vol. 18, no. 2. Pp. 342–355.
3. Dinets, D. A., Prokopiev, P. S. (2022) Prospects for the GCC: What's Next? *Geoekonomika Energetiki / Geo-Economics of Energy*. No. 4 (20). Pp. 95–106. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_95
4. Zhukova, I. S. (2010) Energy Diplomacy and Geopolitics as an Integral Element of International Energy Law. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta / Bulletin of Orenburg State University*. No. 3 (109). Pp. 51–54.
5. Zablotsky, F. Yu. (2015) The Role of the Oil Factor in the Economies of the Middle East States. *Molodoi Uchenyi / The young scientist*. No. 23. Pp. 830–831.
6. Ilminskaya, M. F. (2015) The Persian Gulf Region as a Zone of China's Geopolitical Interests. *Vestnik RUDN / Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: International Relations. No. 1. Pp. 152–161.
7. Primakov, E. M. (2012) Confidentially: The Middle East on Stage and Behind the Scenes. 2nd ed., revised and expanded. *Moscow: Rossiyskaya Gazeta*.
8. Razem, R. A., Cherkashev, R. Yu. (2016) Synergy and Potential for Convergence of the Economies of Russia and the Middle East Countries. *Aktual'nye Napravleniya Nauchnykh Issledovaniy XXI Veka: Teoriya i Praktika / Current Research Directions in the 21st Century: Theory and Practice*. No. 4 (24). Pp. 156–161.
9. Savicheva, E. M. (2014) On the Geopolitical Situation in the Middle East: Interaction of Regional and Global Trends. *Vestnik RUDN / Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: International Relations. No. 3. Pp. 14–21.
10. Savicheva, E. M., Brebdani, A. M., Ryzhov, I. V. (2022) China and the Countries of the Gulf Cooperation Council: From Economic Deals to Strategic Partnership. *Vestnik RUDN /*

Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. Vol. 22, no. 1. Pp. 180–196.

11. Kinninmont, J. (2017) Vision 2030 and Saudi Arabia's Social Contract. Austerity and Transformation. *Chatham House*, July 2017.

About the Authors:

Arina N. Gnidina, BA student, Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation);
e-mail: smirnovaarina581@gmail.com

Valeria S. Lepina, BA student, Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation);
e-mail: lepina.lera00@mail.ru

Потенциал технологий искусственного интеллекта в противодействии коррупции: гармонизация национального законодательства с международным правом

Демьянович Дарья Витальевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студентка 2-го курса магистратуры, юридический факультет

E-mail: ddemyanovich-20@ranepa.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются правовые проблемы применения технологий искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции в контексте взаимодействия национального законодательства и международного публичного и частного права. Актуальность исследования обусловлена цифровизацией государственного управления и трансграничных экономических процессов, требующих выработки правовых механизмов, обеспечивающих допустимые пределы использования алгоритмических решений в антикоррупционных целях, а также распределение юридической ответственности между субъектами публичной власти и частноправовыми участниками.

Материалы и методы: целью исследования является анализ правовых основ применения технологий искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции с точки зрения гармонизации национального законодательства с международными правовыми подходами. Материал исследования составили международные и национальные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы противодействия коррупции, цифровизации публичного управления и применения технологий искусственного интеллекта. В процессе исследования использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ международных антикоррупционных стандартов, включая Конвенцию ООН против коррупции 2003 г., рекомендации ЮНЕСКО и ОЭСР, а также Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте (AI Act).

Результаты исследования и их обсуждение: установлено, что объектом правового регулирования выступает не искусственный интеллект как таковой, а общественные отношения, возникающие в процессе применения алгоритмических систем в целях выявления, предупреждения и расследования коррупционных правонарушений. Определено, что международные стандарты формируют основы цифровой добросовестности, предполагающей прозрачность алгоритмических процедур, их подотчетность человеку и возможность юридически значимого контроля. Выявлено, что применение технологий искусственного интеллекта в антикоррупционной сфере сопровождается рисками нарушения права на неприкосновенность частной жизни, коммерческой тайны и возникновения алгоритмической диффамации.

Выводы: гармонизация национального антикоррупционного законодательства с международными правовыми подходами в сфере применения технологий искусственного интеллекта требует разработки механизмов прозрачности, подотчетности и независимого контроля алгоритмических решений, используемых в публичной и частной сферах. Эффективное применение технологий искусственного интеллекта

в противодействии коррупции возможно только при условии нормативного закрепления процедур правового контроля и соблюдения баланса между публичными интересами и защитой частных прав.

Ключевые слова: противодействие коррупции, искусственный интеллект, антикоррупционные стандарты, алгоритмические решения, алгоритмические системы, цифровизация государственного управления.

Для цитирования: Демьянович Д. В. Потенциал технологий искусственного интеллекта в противодействии коррупции: гармонизация национального законодательства с международным правом // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 2 (34). – С. 27–40.

The Potential of Artificial Intelligence Technologies in Combating Corruption: Harmonization of National Legislation with International Law

Daria V. Demyanovich

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

MA student, Faculty of Law

E-mail: ddemyanovich-20@ranepa.ru

Abstract

Introduction: The article examines the legal issues related to the use of artificial intelligence technologies in anti-corruption activities in the context of the interaction between national legislation and international public and private law. The relevance of the study could be accounted for by the digitalization of public administration and cross-border economic processes, necessitating the development of the legal mechanisms ensuring the acceptable limits for employing algorithmic solutions in anti-corruption practices, as well as distributing legal responsibility among public authorities and private actors.

Materials and Methods: the objective of the study consists in analyzing the legal foundations for the use of artificial intelligence technologies in the anti-corruption system from the perspective of harmonizing national legislation with international legal approaches. The research materials include international and national legal acts regulating anti-corruption activities, digital public administration, and the use of artificial intelligence technologies. The study employs formal legal, comparative legal, and systemic methods, as well as the analysis of international anti-corruption standards, including the United Nations Convention against Corruption (2003), UNESCO and OECD recommendations, and the European Union Artificial Intelligence Act (AI Act).

Research Results and Discussion: It has been established that the object of legal regulation is not artificial intelligence itself, but the social relations arising in the process of applying the algorithmic systems for the detection, prevention, and investigation of corruption offenses. The author states that international standards form the basis of digital integrity, which implies transparency of algorithmic procedures, human accountability, and the possibility of legally significant oversight. It is revealed that the use of artificial intelligence technologies in anti-corruption activities is associated with the risks related to privacy violations, disclosure of commercial secrets, and algorithmic defamation.

Conclusions: It is concluded that the harmonization of national anti-corruption legislation with the international legal approaches to the use of artificial intelligence technologies

requires the development of the mechanisms for transparency, accountability, and independent oversight of algorithmic decisions used in both public and private sectors. The effective employment of artificial intelligence in anti-corruption activities is possible only if the procedures for legal control are normatively established, and the balance between public interests and the protection of private rights is ensured.

Keywords: anti-corruption, artificial intelligence, public international law, private international law, digitalization of public administration.

For citation: Demyanovich, D. V. The potential of artificial intelligence technologies in combating corruption: harmonization of national legislation with international law. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, no. 2 (34). Pp. 27–40. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В условиях цифровой трансформации государственного управления противодействие коррупции приобретает новые формы, связанные с использованием автоматизированных и алгоритмических инструментов анализа информации. В данном контексте под алгоритмическими решениями понимаются результаты обработки данных, сформированные на основе программных алгоритмов и моделей машинного обучения, используемых для выявления закономерностей, аномалий и потенциальных коррупционных рисков в больших массивах информации.

В свою очередь, алгоритмическая подотчетность означает совокупность правовых и организационных механизмов, обеспечивающих прозрачность функционирования алгоритмических систем, возможность проверки принимаемых ими решений и установление ответственности субъектов, осуществляющих разработку, внедрение и использование таких технологий.

В своем видеообращении по случаю Дня работника органов безопасности 20 декабря 2024 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул необходимость активной борьбы с экономическими преступлениями и коррупцией, а также повышения уровня защиты информационной инфраструктуры. Указанные приоритеты отражают объективную взаимосвязь между обеспечением информационной безопасности и развитием современных антикоррупционных механизмов.

Вместе с тем внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу противодействия коррупции порождает ряд правовых проблем, не имеющих однозначного нормативного разрешения. К числу таких проблем относятся определение допустимых пределов использования алгоритмических решений в публичном управлении, распределение юридической ответственности за результаты автоматизированного анализа, а также соотношение публичного интереса в предупреждении коррупции и защиты частных прав, включая право на неприкосновенность частной жизни и коммерческую тайну.

Принципиально важно отметить, что «искусственный интеллект» не может рассматриваться в качестве самостоятельного субъекта правового регулирования. Объектом правового воздействия, таким образом, выступают общественные отношения, возникающие в процессе применения технологий искусственного интеллекта государственными органами и частноправовыми субъектами при выявлении, предупреждении и расследовании коррупционных правонарушений. Тем самым указанное разграничение имеет ключевое значение для корректного определения предмета антикоррупционного и цифрового законодательства.

Актуальность исследования обусловлена тем, что развитие национальных антикоррупционных механизмов всё в большей степени зависит от международных правовых

стандартов, формируемых в рамках Конвенции ООН против коррупции 2003 г., рекомендаций ЮНЕСКО и ОЭСР, а также правового регулирования Европейского Союза в сфере искусственного интеллекта. Эти документы закладывают основы цифровой добросовестности, предполагающей прозрачность алгоритмических процедур, их подотчетность человеку и возможность юридически значимого контроля.

Цель настоящей статьи — анализ правовых основ применения технологий искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции с точки зрения гармонизации национального законодательства с нормами международного публичного и частного права, а также выявление ключевых направлений формирования правового режима алгоритмического контроля в публичной и частной сферах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материал исследования составили международные и национальные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы противодействия коррупции, цифровизации публичного управления и применения технологий искусственного интеллекта. В частности, были проанализированы положения Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., Рекомендации ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта 2021 г., Принципы ОЭСР в области искусственного интеллекта 2019 г., Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте (AI Act), а также нормативные правовые акты Российской Федерации, включая Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 г., законодательство об информации, информационных технологиях и о защите информации, а также законодательство о персональных данных.

Эмпирическую основу исследования составили материалы научных публикаций российских и зарубежных авторов, посвященные вопросам правового регулирования технологий искусственного интеллекта, цифровизации государственного управления и противодействия коррупции, а также практика внедрения алгоритмических систем в сфере государственного контроля и закупочной деятельности в отдельных зарубежных государствах.

Методологическая основа исследования опирается на комплекс общенаучных и специальных методов юридической науки. Ключевым является формально-юридический метод, применяемый для анализа содержания нормативных правовых актов и выявления закрепленных в них принципов прозрачности, подотчетности и контроля алгоритмических решений в публичной сфере. Для выявления особенностей регулирования применения искусственного интеллекта в различных правовых системах используется сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить международные правовые стандарты и национальные подходы к регулированию антикоррупционных механизмов в условиях цифровизации.

Кроме того, применяется системный метод, обеспечивающий рассмотрение противодействия коррупции и правового регулирования технологий искусственного интеллекта как взаимосвязанных элементов современной системы публичного управления.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации до 2030 г. определяет цели и принципы государственного регулирования в сфере применения технологий искусственного интеллекта, подчеркивая необходимость обеспечения прозрачности, доверия и правовой определенности при их использова-

нии¹. Указанные принципы имеют непосредственное значение для сферы противодействия коррупции, поскольку формируют нормативную основу допустимости алгоритмических решений в публичном управлении и определяют требования к юридически значимым процедурам обработки данных.

При этом «искусственный интеллект» не выступает самостоятельным объектом правового регулирования. Объектом правового воздействия являются общественные отношения, возникающие в связи с применением технологий искусственного интеллекта государственными органами и иными уполномоченными субъектами в рамках антикоррупционной деятельности. В данном контексте речь идет прежде всего о правовом режиме использования алгоритмических систем при анализе сведений о доходах и имуществе, мониторинге государственных закупок, выявлении конфликта интересов и иных коррупционных рисков.

В этом смысле положения Национальной стратегии развития искусственного интеллекта корреспондируют с задачами антикоррупционной политики, поскольку ориентированы на формирование цифровой инфраструктуры доверия, предполагающей подотчетность алгоритмических решений человеку и возможность их последующего правового контроля.

Аналогичный подход прослеживается и в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478, в котором среди приоритетных направлений обозначено совершенствование механизмов анализа и мониторинга коррупционных рисков. Реализация указанных задач объективно предполагает использование современных цифровых инструментов, включая системы интеллектуального анализа данных, при условии соблюдения требований законодательства о персональных данных и иных правовых гарантий.

Таким образом, применение технологий искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции в Российской Федерации следует рассматривать не как самостоятельную цель государственной политики, а как инструмент реализации правовых механизмов контроля и предупреждения коррупционных правонарушений, встроенный в существующую нормативную систему и подчиненный ее принципам.

Развитие цифровых технологий расширило инструментарий правового контроля в сфере государственного управления и частноправовых экономических отношений, что создало дополнительные возможности для предупреждения, выявления и расследования коррупционных правонарушений. Применение технологий искусственного интеллекта в данной сфере связано с использованием алгоритмических систем анализа больших массивов данных, позволяющих выявлять аномальные финансовые операции, устойчивые связи между участниками экономического оборота и иные признаки коррупционных рисков².

Вместе с тем возникают вопросы допустимости автоматизированной обработки персональных данных, пределов вмешательства в частную сферу, а также распределения юридической ответственности за результаты применения таких систем. Эти вопросы, представляется, приобретают особую сложность в условиях трансграничных экономических отношений, где в обработке и передаче данных участвуют государственные органы, международные организации и частноправовые субъекты.

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2026).

² Крылова Д. В., Максименко А. А. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 242.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость согласования подходов к применению технологий искусственного интеллекта в противодействии коррупции на уровне международного публичного и частного права, а также гармонизации национального законодательства с международными правовыми стандартами, направленными на обеспечение прозрачности, подотчетности и защиты прав человека в цифровой среде.

На международном уровне ключевую роль в этом процессе играет Конвенция ООН против коррупции 2003 г., которая установила универсальные принципы добропорядочности, прозрачности и ответственности публичной власти. Несмотря на то что документ был принят задолго до активного внедрения искусственного интеллекта, именно его положения о необходимости создания систем предупреждения коррупции и о международном обмене информацией легли в основу современных цифровых инструментов антикоррупционной политики. Использование технологий искусственного интеллекта позволяет выполнять эти требования с большей точностью: автоматизированные системы анализа транзакций, алгоритмы распознавания аномалий и цифровые платформы для общественного контроля способствуют раннему выявлению схем незаконного обогащения и конфликтов интересов. Коррупция в цифровом обществе — это прежде всего действия или бездействие властей, которые «влекут отступление от любых предусмотренных законодательством обязанностей»³, в том числе в области защиты цифровых прав и свобод человека.

Глобальный цифровой договор 2024 г. рассматривает «искусственный интеллект» не только как двигатель инноваций, но и как средство укрепления принципов добросовестности, открытости и подотчетности в управлении⁴. Конвенция ООН против коррупции 2003 г. и Конвенция ООН против киберпреступности 2024 г. заложили основу для создания глобальной системы противодействия коррупции в цифровом обществе, и современные цифровые инструменты, включая большие данные и алгоритмы машинного обучения, становятся логическим продолжением этих международных обязательств⁵. Использование «искусственного интеллекта» позволяет выявлять коррупционные риски в сфере государственных закупок, распределения бюджетных средств, налогового администрирования и корпоративного управления, тем самым формируя новые модели правового взаимодействия публичной власти и частного капитала⁶.

Использование технологий искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции обусловлено расширением сферы применения информационных технологий в государственном управлении и экономике, а также необходимостью повышения эффективности правового контроля в условиях цифровизации⁷. Вместе с тем «искусственный интеллект» не может рассматриваться в качестве самостоятельной гарантии информационной безопасности государства. Его применение представляет собой инструментальную форму реализации антикоррупционной политики, эффективность которой напрямую зависит от нормативного регулирования и правоприменительной практики.

³ Алексеев Г. В., Морозов Г. Н. К вопросу об уточнении понятия «коррупция» в российском законодательстве // *Власть*. 2011. № 5. С. 136.

⁴ GDC Rev 3 // Организация Объединенных Наций [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/digital-emerging-technologies/sites/www.un.org.techenvoy/files/general/GDC_Rev_3_silence_procedure.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

⁵ Kobis N., Starke C., Rahwan, I. Artificial Intelligence as an Anti-Corruption Tool (AI-ACT) / Potentials and Pitfalls for Top-down and Bottom-up Approaches. DOI:10.48550/arXiv.2102.11567.

⁶ Цирин А. М., Артеменко Е. А. Цифровые технологии и «искусственный интеллект» как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27. № 3. С. 133.

⁷ Алексеев Г. В. Расширение областей применения информационных технологий и информационная безопасность государства // *Управленческое консультирование*. 2017. № 5 (101). С. 12.

Национальные правовые системы сталкиваются с необходимостью нормативного закрепления допустимых пределов применения алгоритмических систем в антикоррупционных целях, включая определение условий автоматизированной обработки информации, правового режима доступа к данным и механизмов юридической ответственности за результаты использования таких технологий⁸.

Государства, внедряя цифровые механизмы антикоррупционного контроля, вынуждены искать баланс между повышением эффективности анализа информации и соблюдением правовых гарантий участников гражданского оборота.

Антикоррупционный потенциал применения технологий искусственного интеллекта проявляется в динамике правового взаимодействия публичной власти и частноправовых субъектов в условиях цифровой трансформации. Принципы прозрачности, подотчетности и справедливости приобретают в этой связи новое содержание, требуя нормативного закрепления процедур контроля алгоритмических решений, используемых при осуществлении антикоррупционных мер⁹.

Современная антикоррупционная политика находится на пересечении технологического прогресса и юридических преобразований, в которых ключевую роль начинают играть цифровые инструменты, основанные на алгоритмах машинного обучения и искусственного интеллекта¹⁰. В последние годы международные институты всё активнее рассматривают «искусственный интеллект» как элемент инфраструктуры добросовестного управления и как средство профилактики коррупции в сферах, традиционно подверженных рискам злоупотреблений, — государственных закупках, финансовом контроле и распределении бюджетных ресурсов. Такая трансформация требует выстраивания новой модели регулирования, где правовые нормы должны учитывать особенности функционирования автономных систем и алгоритмических решений.

В последние годы всё больше внимания уделяется вопросу правовой интеграции искусственного интеллекта в антикоррупционные процессы на уровне международных организаций¹¹. Так, ЮНЕСКО в 2021 году приняла Рекомендацию по этике искусственного интеллекта, в которой подчеркивается, что «прозрачность и объяснимость систем искусственного интеллекта зачастую являются необходимыми предпосылками для обеспечения уважения, защиты и продвижения прав человека, основных свобод и этических принципов»¹². Указанные положения можно рассматривать как этико-правовой фундамент для дальнейшей разработки норм о применении искусственного интеллекта в публичной сфере. Ключевой акцент при этом сделан на прозрачности алгоритмических решений и возможности их аудита, что напрямую связано с предупреждением коррупции в цифровом управлении. Прозрачные алгоритмы, подконтрольные человеку, уменьшают вероятность скрытых манипуляций и обеспечивают правовую определенность в процедурах государственного администрирования¹³.

Значимым направлением формирования международных стандартов антикоррупционного применения искусственного интеллекта стала работа Организации

⁸ Левшина Н. Е. Перспективы использования искусственного интеллекта в борьбе с коррупцией в системе государственных и муниципальных закупок // Современное право. 2024. № 11. С. 169.

⁹ Odilla, F. Bots against corruption: Exploring the benefits and limitations of AI-based anti-corruption technology // Crime Law Soc Change. 2023. No. 80. Pp. 353–396. DOI:10.1007/s10611-023-10091-0

¹⁰ Зульфугарзаде Т. Э. Особенности противодействия коррупции в сфере государственных закупок с использованием инновационных технологий // Экономика. Право. Общество. 2023. Т. 8, № 1 (33). С. 102–103.

¹¹ Allahrakha, N. AI and Corruption: Legal Liability in Algorithmic Decision-Making // Access to Justice in Eastern Europe. 2025. No. 8. Pp. 303–326. DOI:10.33327/AJEE-18-8.3-a000120

¹² Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта // ЮНЕСКО [официальный сайт]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 14.03.2026).

¹³ Курьиндин П. А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции // Государственная служба. 2024. № 2. С. 62.

экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая в 2017 году приняла Рекомендации по целостности общественного управления, а в 2019 году — Принципы ответственного управления искусственным интеллектом. Перечисленные документы развивают юридическую этику и признают необходимость интеграции искусственного интеллекта в государственное управление при соблюдении принципов законности, предсказуемости и недискриминации. В рекомендациях прямо указывается, что цифровые технологии должны использоваться для предупреждения коррупционных рисков, повышения транспарентности закупочных процедур и выявления связей между компаниями и должностными лицами¹⁴.

Таким образом, на уровне международного публичного права формируется подход, в соответствии с которым технологии искусственного интеллекта рассматриваются как элементы административно-правовых механизмов публичного управления, используемые для реализации принципов законности, подотчетности и прозрачности деятельности органов власти. В данном контексте «искусственный интеллект» приобретает значение юридически опосредованного инструмента, функционирование которого подчинено требованиям нормативного контроля, процедурной регламентации и с уполномоченных должностных лиц за принимаемые решения.

Значительный шаг в **правовой институционализации** регулирования технологий искусственного интеллекта был сделан в Европейском Союзе, где в 2024 году был принят Регламент Европейского парламента и Совета ЕС, устанавливающий гармонизированные правила в сфере искусственного интеллекта (Regulation (EU) .../2024, Artificial Intelligence Act, далее — AI Act)¹⁵. Указанный регламент представляет собой первый комплексный наднациональный нормативный правовой акт, направленный на установление единых требований к **разработке, внедрению и использованию** систем искусственного интеллекта на территории Европейского Союза.

AI Act не ориентирован непосредственно на противодействие коррупции, однако его нормы имеют существенное значение для минимизации коррупционных рисков в публичной сфере. В частности, регламент закрепляет требования к прозрачности функционирования систем искусственного интеллекта, их технической и процедурной проверяемости, а также распределению ответственности между разработчиками, поставщиками и пользователями таких систем. Указанные требования направлены на обеспечение возможности внешнего и внутреннего контроля алгоритмических решений, применяемых в процессе публичного администрирования, включая сферы, потенциально подверженные коррупционным рискам¹⁶.

AI Act классифицирует системы искусственного интеллекта по уровням риска — от минимального до неприемлемого, устанавливая строгие требования для высокорисковых категорий систем «искусственный интеллект», к которым могут относиться алгоритмы, применяемые в сфере государственных закупок, судебного администрирования и финансового надзора.

Отдельного внимания заслуживает практика внедрения технологий искусственного интеллекта в антикоррупционные программы государств-членов ЕС. Например, в Эстонии с начала 2020-х годов действуют автоматизированные платформы анализа

¹⁴ Левшина Н. Е. Перспективы использования искусственного интеллекта в борьбе с коррупцией в системе государственных и муниципальных закупок // Современное право. 2024. № 11. С. 170.

¹⁵ Артеменко Е. А. Риск-ориентированный подход как способ минимизации коррупции в контрольно-надзорной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (49). С. 115.

¹⁶ Цирин А. М., Артеменко Е. А. Цифровые технологии и «искусственный интеллект» как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 126.

государственных контрактов, способные выявлять потенциальные признаки сговора и аномальные схемы распределения средств¹⁷. В Финляндии внедряются системы алгоритмического аудита, которые сопоставляют данные о государственных расходах с корпоративными структурами подрядчиков.

Или, например, в Республике Казахстан в последние годы активно используются цифровые аналитические платформы и системы мониторинга государственных закупок, позволяющие автоматически выявлять признаки возможных коррупционных рисков, включая аномальные схемы распределения контрактов и потенциальные конфликты интересов между участниками закупочных процедур¹⁸. Подобные решения демонстрируют, как нормы AI Act получают практическое воплощение в сфере публичного контроля и усиливают доверие к цифровому управлению.

Антикоррупционное право и правовое регулирование применения технологий «искусственного интеллекта» в практической плоскости пересекаются в сфере публичного управления и принятия юридически значимых решений. В данном контексте ключевое значение приобретает институциональная способность органов публичной власти обеспечивать квалифицированное применение алгоритмических инструментов в рамках установленной законом компетенции, а также корректную юридическую оценку результатов их использования.

На национальном уровне интерес к правовому регулированию применения технологий искусственного интеллекта в антикоррупционных целях постепенно формируется и в Российской Федерации. Специального нормативного правового акта, комплексно регулирующего использование искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции, в настоящее время не существует, однако ряд документов создает предпосылки для его разработки. К таким актам относятся Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г., федеральные законы о персональных данных и об информации, информационных технологиях и о защите информации, а также программные документы в сфере цифровой трансформации государственного управления.

Российское законодательство развивается в направлении интеграции технологий искусственного интеллекта в антикоррупционные процессы преимущественно на уровне отдельных программных и организационных решений. Отметим, что в таких условиях «искусственный интеллект» выступает не автономным участником правовых отношений, а инструментом, использование которого может оказывать влияние на характер трансграничных правовых связей, поскольку автоматизация юридически значимых процедур обработки информации и принятия управленческих решений требует переосмысления принципов ответственности и прозрачности в публичном управлении¹⁹, а также совершенствования подходов к оценке доверия и подотчетности в рамках международных сравнительных индексов антикоррупционной направленности²⁰.

В частноправовом измерении применение технологий искусственного интеллекта в антикоррупционных целях сопряжено с повышенной сложностью правового регулирования, что обусловлено необходимостью одновременного учета публичных интересов и защиты частных прав субъектов экономической деятельности. Использование алгоритмических систем в коммерческих сделках, корпоративном управлении и финансовом

¹⁷ Назаренко Г. В. Цифровые технологии как инструмент предотвращения и борьбы с коррупцией в сфере государственного управления // *Философия права*. 2022. № 3 (102). С. 148.

¹⁸ Немцова Н. В., Стаурский Е. С., Стаурский С. С. Возможности искусственного интеллекта на этапе планирования государственных закупок // *Управленческий учет*. 2023. № 6. С. 226.

¹⁹ Назаренко Г. В. Цифровые технологии как инструмент предотвращения и борьбы с коррупцией в сфере государственного управления // *Философия права*. 2022. № 3 (102). С. 150.

²⁰ Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Измерение политического доверия в условиях современной демократии // *Управленческое консультирование*. 2021. № 10 (154). С. 29.

аудите направлено на выявление коррупционных рисков, однако неизбежно затрагивает вопросы конфиденциальности информации, коммерческой тайны и деловой репутации участников гражданского оборота.

В приведенном контексте особое значение приобретает проблема защиты от неправомерного распространения сведений и репутационного ущерба, включая риски так называемой алгоритмической диффамации, возникающей в результате ошибочных или непрозрачных решений систем искусственного интеллекта²¹. Такие риски актуальны прежде всего для субъектов международного частного права, участвующих в трансграничных экономических отношениях, где автоматизированный анализ данных может повлечь негативные правовые последствия без надлежащей процессуальной проверки.

Так, автоматизированный анализ контрактных и корпоративных связей между хозяйствующими субъектами способен выявлять признаки картельных соглашений и иных форм недобросовестного поведения на рынке. Вместе с тем подобные механизмы создают угрозу неправомерного вмешательства в коммерческую тайну. В целях обеспечения баланса между публичным интересом в противодействии коррупции и защитой частных правовых интересов требуется формирование механизмов юридической ответственности и процедур независимого аудита алгоритмических решений. Международный опыт свидетельствует о том, что наиболее устойчивые модели правового регулирования применения искусственного интеллекта формируются на стыке публичного и частного права. Приведенные модели позволяют, с одной стороны, обеспечить соблюдение прав личности и прав субъектов предпринимательской деятельности, а с другой — создать эффективные инструменты системного антикоррупционного контроля в условиях цифровизации экономики.

Антикоррупционный потенциал применения технологий искусственного интеллекта в сфере публичного управления заключается в том числе в трансформации правовых процедур принятия управленческих решений. Речь идет о формировании процедурно регламентированной правовой среды, в рамках которой алгоритмические системы используются в качестве вспомогательных инструментов при мониторинге финансовых операций.

Повышение прозрачности в данном контексте происходит посредством нормативного закрепления обязанностей уполномоченных органов по документированию алгоритмических процедур, раскрытию критериев принятия решений и обеспечению возможности последующей проверки результатов автоматизированного анализа. Представляется, что указанный подход позволяет снизить риск субъективности при принятии управленческих решений и создать условия для постоянного правового контроля финансовых и административных процессов.

Вместе с тем эффективное использование технологий искусственного интеллекта в антикоррупционных целях требует наличия продуманной нормативной базы, направленной на обеспечение подотчетности должностных лиц и правовой определенности процедур. Отсутствие таких правовых гарантий может привести к росту правовых рисков, связанных с непрозрачностью алгоритмических решений и возможностью их целенаправленного искажения, что нивелирует антикоррупционный потенциал цифровых технологий.

Взаимодействие национального законодательства и международного публичного и частного права в сфере применения технологий искусственного интеллекта в антикоррупционных целях отражает более широкий процесс трансформации правового регулирования в условиях цифровизации. В рамках данного процесса усиливается взаимосвязь

²¹ Кирилленко В. П., Алексеев Г. В. Проблемы гармонизации европейского и российского законодательства о диффамации // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 9 (154). С. 173.

между публичным управлением и частноправовыми механизмами, поскольку противодействие коррупции всё чаще осуществляется с использованием алгоритмических инструментов, применяемых как государственными органами, так и субъектами предпринимательской деятельности.

Влияние технологий искусственного интеллекта на структуру правовых отношений проявляется прежде всего через автоматизацию юридически значимых процедур, к которым относятся сбор и обработка финансовой информации, анализ данных о государственных закупках, контроль за исполнением контрактных обязательств и мониторинг корпоративных связей.

На международном уровне формируется система правовых ориентиров, в рамках которой противодействие коррупции утрачивает характер исключительно внутреннего дела государства и становится элементом глобального правопорядка. Отметим, что это, в свою очередь, выражается в разработке международных стандартов прозрачности, обмена информацией и подотчетности при применении цифровых технологий. Конвенция ООН против коррупции, рекомендации ЮНЕСКО и ОЭСР, а также положения Регламента ЕС о гармонизации правил искусственного интеллекта создают основу для выстраивания международных стандартов цифровой добросовестности²². Представляется, что указанные акты объединяет стремление к тому, чтобы развитие искусственного интеллекта сопровождалось укреплением этических норм, повышением прозрачности и минимизацией коррупционных рисков, возникающих в результате концентрации данных и алгоритмического влияния.

В частноправовой плоскости искусственный интеллект становится частью механизма корпоративной подотчетности и внутреннего контроля. Алгоритмы, анализирующие сделки, структуры собственности и тендерные процедуры, создают дополнительный уровень защиты от злоупотреблений. Однако их использование порождает новые правовые вызовы — необходимость регламентировать доступ к данным, определить пределы вмешательства в частную сферу и установить юридическую ответственность за алгоритмические решения. Здесь пересекаются интересы бизнеса, государства и общества²³, что делает вопрос правового баланса ключевым элементом будущего антикоррупционного регулирования.

В перспективе международное публичное право, ориентированное на предотвращение коррупции, и международное частное право, регулирующее трансграничные цифровые отношения, неизбежно сблизятся. Их интеграция позволит формировать универсальные правила прозрачности и ответственности в цифровой среде, независимо от юрисдикции. В центре этой интеграции должен находиться принцип алгоритмической добросовестности, предполагающий, что любое применение искусственного интеллекта в публичных и частных процессах должно быть не только технологически корректным, но и юридически проверяемым²⁴.

²² Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 года // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 14.03.2026). UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. – Paris: UNESCO, 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455> (дата обращения: 14.03.2026). OECD. OECD Principles on Artificial Intelligence. – Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/ai-principles.html> (дата обращения: 14.03.2026). Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 14.03.2026).

²³ Артеменко Е. А. Риск-ориентированный подход как способ минимизации коррупции в контрольно-надзорной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (49). С. 116.

²⁴ Курьиндин П. А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции // Государственная служба. 2024. № 2. С. 64.

ВЫВОДЫ

Антикоррупционный потенциал применения технологий искусственного интеллекта значителен, однако он не сводится исключительно к их аналитическим возможностям. Ключевое значение имеет влияние алгоритмических инструментов на трансформацию правовых процедур публичного управления, выражающееся в повышении формализованности, воспроизводимости и проверяемости процессов принятия управленческих решений. В этом смысле «искусственный интеллект» выступает не источником правовых оценок, а вспомогательным инструментом, применение которого подчинено действующим нормам права и контролю со стороны уполномоченных субъектов.

Перспективы правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта в антикоррупционной деятельности связаны с развитием и сближением международных и национальных правовых стандартов, направленных на обеспечение прозрачности алгоритмических процедур, подотчетности должностных лиц и защиты прав участников публичных и частнопубличных отношений. Формирование таких стандартов позволяет рассматривать противодействие коррупции как элемент согласованной международной правовой политики в условиях цифровизации.

Вместе с тем использование искусственного интеллекта в антикоррупционных целях не устраняет необходимость человеческого участия в принятии юридически значимых решений. Ответственность за выявление, оценку и исправление ошибок, возникающих при применении алгоритмических систем, должна возлагаться на конкретных должностных лиц и организации, осуществляющие разработку, внедрение и использование таких технологий. Только при наличии четко выстроенной системы юридической ответственности, процедурного контроля и нормативной определенности применение искусственного интеллекта может способствовать укреплению законности, снижению коррупционных рисков и повышению доверия к институтам публичной власти в национальном и международном правовом пространстве.

Список источников

1. *Алексеев Г. В.* Расширение областей применения информационных технологий и информационная безопасность государства // *Управленческое консультирование*. 2017. № 5 (101). С. 8–19. EDN: YRNAPF
2. *Алексеев Г. В.* К вопросу об уточнении понятия «коррупция» в российском законодательстве / Г. В. Алексеев, Г. Н. Морозов // *Власть*. 2011. № 5. С. 136. EDN: NUDQON
3. *Артеменко Е. А.* Риск-ориентированный подход как способ минимизации коррупции в контрольно-надзорной деятельности // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2022. № 2 (49). С. 94–120. EDN: AEDFSQ
4. *Глобальный индекс экстремизма* / под ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, А. Д. Хлуткова, В. А. Шамахова. СПб.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. 416 с. EDN: JTDRWY
5. *Зульфугарзаде Т. Э.* Особенности противодействия коррупции в сфере государственных закупок с использованием инновационных технологий // *Экономика. Право. Общество*. 2023. Т. 8, № 1 (33). С. 100–107. EDN: CHTGZX
6. *Кириленко В. П.* Измерение политического доверия в условиях современной демократии / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // *Управленческое консультирование*. 2021. № 10 (154). С. 22–34. EDN: ATXPUA
7. *Кириленко В. П.* Проблемы гармонизации европейского и российского законодательства о диффамации / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. № 9 (154). С. 168–182. EDN: WOPGCP

8. Крылова Д. В. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта / Д. В. Крылова, А. А. Максименко // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 241–255. EDN: FSEQMI
9. Курындин П. А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции // Государственная служба. 2024. № 2. С. 59–66. EDN: HVZPCE
10. Левшина Н. Е. Перспективы использования искусственного интеллекта в борьбе с коррупцией в системе государственных и муниципальных закупок // Современное право. 2024. № 11. С. 167–171. EDN: ZCBMJW
11. Назаренко Г. В. Цифровые технологии как инструмент предотвращения и борьбы с коррупцией в сфере государственного управления // Философия права. 2022. № 3 (102). С. 146–153. EDN: DBJEEJ
12. Немцова Н. В. Возможности искусственного интеллекта на этапе планирования государственных закупок / Н. В. Немцова, Е. С. Стаурский, С. С. Стаурский // Управленческий учет. 2023. № 6. С. 223–229. EDN: XNHJVQ
13. Цирин А. М. Цифровые технологии и «искусственный интеллект» как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт / А. М. Цирин, Е. А. Артеменко // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 126–142. EDN: YDGOKK
14. Allahrakha, N. (2025). AI and Corruption: Legal Liability in Algorithmic Decision-Making. *Access to Justice in Eastern Europe*. No. 8. Pp. 303–326. DOI: 10.33327/AJEE-18-8.3-a000120.
15. Kobis N., Starke C., Rahwan, I. (2021). Artificial Intelligence as an Anti-Corruption Tool (AI-ACT). *Potentials and Pitfalls for Top-down and Bottom-up Approaches*. DOI:10.48550/arXiv.2102.11567.
16. Odilla, F. (2023) Bots against corruption: Exploring the benefits and limitations of AI-based anti-corruption technology. *Crime Law Soc Change*. No. 80. Pp. 353–396. DOI:10.1007/s10611-023-10091-0

Сведения об авторе:

Дарья Витальевна Демьянович, студентка 2-го курса магистратуры, юридический факультет, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: ddemyanovich-20@ranepa.ru

References

1. Alekseev G. V. (2017) Expansion of the Scope of Information Technologies Application and State Information Security. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie (Administrative Consulting)*. No. 5 (101). Pp. 8–19. (In Russ.)
2. Alekseev, G. V., Morozov, G. N. (2011) On the Clarification of the Concept of “Corruption” in Russian Legislation. *Vlast'(Power)*. No. 5. P. 136. (In Russ.)
3. Artemenko, E. A. (2022) Risk-Oriented Approach as a Means of Minimizing Corruption in Supervisory and Control Activities. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo (Proceedings of Voronezh State University. Series: Law)*. No. 2 (49). Pp. 94–120. (In Russ.)
4. Bastrykin, A. I., Kirilenko, V. P., Khlutkov, A. D., Shamakhov, V. A. (eds) (2023) Global Extremism Index. *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*. 416 p. (In Russ.)

5. Zulfugarzade, T. E. (2023) Features of Anti-Corruption Measures in Public Procurement Using Innovative Technologies. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo (Economics. Law. Society)*. Vol. 8, No. 1 (33). Pp. 100–107. (In Russ.)
6. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. (2021) Measuring Political Trust in Contemporary Democracy. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie (Administrative Consulting)*. No. 10 (154). Pp. 22–34. (In Russ.)
7. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. (2019) Problems of Harmonization of European and Russian Defamation Legislation. *Lex Russica (Russian Law)*. No. 9 (154). Pp. 168–182. (In Russ.)
8. Krylova, D. V., Maksimenko, A. A. (2021) The Use of Artificial Intelligence in Detecting and Combating Corruption: A Review of International Experience. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik (Public Administration. E-Journal)*. No. 84. Pp. 241–255. (In Russ.)
9. Kuryndin, P. A. (2024) Digitalization of Supervisory and Control Activities as an Instrument for Combating Corruption. *Gosudarstvennaya sluzhba (Public Administration)*. No. 2. Pp. 59–66. (In Russ.)
10. Levshina, N. E. (2024) Prospects for the Use of Artificial Intelligence in Combating Corruption in the System of State and Municipal Procurement. *Sovremennoe pravo (Modern Law)*. No. 11. Pp. 167–171. (In Russ.)
11. Nazarenko, G. V. (2022) Digital Technologies as a Tool for Preventing and Combating Corruption in Public Administration. *Filosofiya prava (Philosophy of Law)*. No. 3 (102). Pp. 146–153. (In Russ.)
12. Nemtsova, N. V., Staurskiy, E. S., Staurskiy, S. S. (2023) Capabilities of Artificial Intelligence at the Stage of Public Procurement Planning. *Upravlencheskii uchet (Management Accounting)*. No. 6. Pp. 223–229. (In Russ.)
13. Tsirin, A. M., Artemenko, E. A. (2023) Digital Technologies and Artificial Intelligence as Means of Preventing Corruption in Supervisory (Control) Activities: Domestic and Foreign Experience. *Zhurnal rossiiskogo prava (Journal of Russian Law)*. Vol. 27, No. 3. Pp. 126–142. (In Russ.)
14. Allahrakha, N. (2025) AI and Corruption: Legal Liability in Algorithmic Decision-Making. *Access to Justice in Eastern Europe*. Vol. 8. Pp. 303–326. DOI: 10.33327/AJEE-18-8.3-a000120
15. Kobis, N., Starke, C., Rahwan, I. (2021) Artificial Intelligence as an Anti-Corruption Tool (AI-ACT): Potentials and Pitfalls for Top-down and Bottom-up Approaches. DOI: 10.48550/arXiv.2102.11567
16. Odilla F. (2023) Bots against Corruption: Exploring the Benefits and Limitations of AI-Based Anti-Corruption Technology. *Crime, Law and Social Change*. Vol. 80. Pp. 353–396. DOI: 10.1007/s10611-023-10091-0

About the author:

Daria V. Demyanovich, second-year Master's student, Faculty of Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: ddemyanovich-20@ranepa.ru

Применение технологии искусственного интеллекта в образовании: мнение молодежи Санкт-Петербурга

Иванович Павел Константинович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студент 4-го курса бакалавриата, факультет государственного и муниципального управления

E-mail: pavluxaiv04@mail.ru

Трибусян Никита Сергеевич

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студент 4-го курса бакалавриата, факультет государственного и муниципального управления

E-mail: ntribusyan-22@ranepa.ru

Артамонов Роман Александрович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студент 4-го курса бакалавриата, факультет государственного и муниципального управления

E-mail: rortamonov@yandex.com

Научный руководитель:

Антончева Ольга Алексеевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: antoncheva-oa@ranepa.ru

Аннотация

Введение: технологии искусственного интеллекта стремительно проникают во все сферы жизни включая образование, становясь привычным инструментом для студентов и школьников. Однако стремительная интеграция ИИ в учебный процесс порождает определенные противоречия. В статье рассматриваются история развития ИИ, современные примеры внедрения, риски и результаты социологического исследования.

Методы и материалы: цель исследования — выявить отношение молодежи Санкт-Петербурга к применению ИИ в образовании. Метод сбора данных — анкетирование. Выборка квотная, включала учащихся школ, ссузов и вузов Санкт-Петербурга.

Результаты исследования и их обсуждение: исследование показало, что наиболее популярные инструменты — это ChatGPT и сервисы «Яндекса». Выявлена прямая зависимость: чем выше степень образования, тем регулярнее и осознаннее использование ИИ. Подтвердилось, что основная ценность ИИ для студентов — экономия времени на рутинных задачах. Однако зафиксирован «разрыв навыков»: при высоком уровне доверия к текстовой информации респонденты продемонстрировали низкую

способность распознавания визуального контента, созданного ИИ, что свидетельствует о переоценке собственного критического мышления.

Выводы: молодежь Санкт-Петербурга воспринимает ИИ как полезный инструмент, а не угрозу. Основным фактором, формирующим их отношение, является практическая польза. Делегирование ИИ аналитических задач без проверки ведет к снижению качества мышления, в то время как использование его в качестве «цифрового ассистента» развивает навыки.

Практическая значимость работы заключается в рекомендациях для вузов: переход от запретов к интеграции ИИ в учебный процесс через изменение формата заданий и обучение студентов грамотному взаимодействию с технологией. Перспектива исследования — в разработке методик для развития критического мышления в условиях цифровизации.

Ключевые слова: информационные технологии, критическое мышление, генеративный ИИ, поисковая система.

Вклад авторов: вклад **П. К. Ивановича** заключается в разработке концепции статьи, анализе русскоязычных источников про применение искусственного интеллекта в образовании. **П. К. Иванович** подготовил разделы «Методология и материалы» и «Выводы». Автор участвовал в разработке изображений в разделе «Результаты исследования и их обсуждение». **П. К. Иванович** обеспечил техническое сопровождение публикации, включая оформление статьи в соответствии с требованиями журнала.

Вклад **Н. С. Трибусяна** состоит в анализе зарубежных источников про применение искусственного интеллекта в образовании. **Н. С. Трибусян** подготовил раздел «Введение». Участвовал в подготовке раздела «Методология и материалы». Вклад **Р. А. Артамонова** заключается в подготовке раздела «Результаты исследования и их обсуждение». Также **Р. А. Артамонов** участвовал в разработке изображений в разделах «Методология и материалы» и «Результаты исследования и их обсуждение».

Для цитирования: *Иванович П. К., Трибусян Н. С., Артамонов Р. А.* Применение технологии искусственного интеллекта в образовании: мнение молодежи Санкт-Петербурга // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 2 (34). – С. 41–56.

The Use of Artificial Intelligence Technologies in Education: Opinions of St. Petersburg Youth

Pavel K. Ivanovich

Russian Academy of National Economy and Public Administration; North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student, Faculty of State and Municipal Management

E-mail: pavluxaiv04@mail.ru

Nikita S. Tribusyan

Russian Academy of National Economy and Public Administration; North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student, Faculty of State and Municipal Management

E-mail: ntribusyan-22@ranepa.ru

Roman A. Artamonov, Russian Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student, Faculty of State and Municipal Management

E-mail: rortamonov@yandex.com

Academic Supervisor:

Olga A. Antoncheva

Russian Academy of National Economy and Public Administration; North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: antoncheva-oa@ranepa.ru

Abstract

Introduction: Artificial intelligence (AI) technologies are rapidly permeating all key areas of life, including education, and are becoming a familiar tool for students and schoolchildren. However, the rapid integration of AI into the educational process gives rise to certain contradictions. The paper considers the AI development background, current implementation examples, as well as some theoretical risks, and the results of sociological research.

Methodology and materials: The aim of the study is to identify the attitudes of the young people in St Petersburg towards the use of AI in education. The data collection method was a questionnaire survey. The sample was quota-based, and included the students from schools, vocational colleges and universities of Saint Petersburg.

Research results and their discussion: The study has revealed that the most popular tools are ChatGPT and Yandex services. The direct correlation was identified: the higher the level of education is, the more regular and conscious the use of AI becomes. It was confirmed that the primary advantage of AI for students is the time saved on routine tasks. However, a «skills gap» was observed: whilst demonstrating a high level of trust in textual information, the respondents showed the low ability in identifying the visual content generated by AI, indicating the overestimation of their own critical competence.

Conclusions: The young people in Saint Petersburg perceive AI pragmatically - as a useful tool, rather than a threat. The main factor shaping their attitude is practical utility. Delegating analytical tasks to AI without reflection leads to the decline in the quality of thinking, whilst using it as a «digital assistant» develops certain skills. The practical significance of this work lies in the recommendations for higher education institutions: the shift from the prohibitions to the integration of AI into the teaching process by changing the format of assignments and teaching students to interact competently with the technology. A future direction for research is the development of the methodologies for fostering critical thinking in the context of digitalization.

Keywords: information technology, critical thinking, generative AI, search engine.

Author contributions: Contribution of **P. K. Ivanovich** consists in developing the concept of the article and analyzing Russian-language sources on the use of artificial intelligence in education. P. K. Ivanovich prepared the sections “Methodology and Materials” and “Conclusions”, and participated. The author participated in the development of images in the section “Results of the Study and Their Discussion”. P. K. Ivanovich provided technical support for the publication, including formatting the article in accordance with the journal’s requirements. Contribution of **N. S. Tribusyan** consists in analyzing foreign sources on the use of artificial intelligence in education. N. S. Tribusyan prepared the section “Introduction”. He participated in the preparation of the section “Methodology and Materials”. Contribution of **R. A. Artamonov** consists in preparing the section “Results of the Study and Their Discussion”. R. A. Artamonov also participated in the development of images in the sections “Methodology and Materials” and “Results of the Study and Their Discussion”.

For citation: Ivanovich, P. K., Tribusyan, N. S., Artamonov, R. A. (2026) The Use of Artificial Intelligence Technologies in Education: Opinions of St. Petersburg Youth. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, no. 2 (34). Pp. 41–56. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время технологии искусственного интеллекта используют повсеместно. Они помогают в работе, в быту и всё чаще — в учебе. Студенты и школьники применяют его для решения задач, проверки текстов или просто для того, чтобы разобраться в сложной теме. Это уже не какая-то фантастика, а обычный инструмент. Более того, согласно исследованию студентов МГУ, 34 % молодежи видят в искусственном интеллекте друга¹. Но помогает ли он лучше учиться?

Разберемся, что такое искусственный интеллект и как проходило его развитие. Первым шагом к созданию искусственного интеллекта стала логическая машина Раймунда Луллия (около семисот лет назад), которая должна была механически выдавать новые знания путем вращения концентрических кругов с понятиями. Позже Готфрид Лейбниц создал арифметическое устройство, способное выполнять не только вычисления, но и некоторые логические операции. Чарльз Бэббидж пошел дальше, разработав проект аналитической машины, ставшей прототипом будущих компьютеров². Решающей фигурой XX века в формировании искусственного интеллекта был Алан Тьюринг. Он поднял вопрос о способности машин мыслить и предложил «Тест Тьюринга» — эксперимент, где требуется определить, кто из собеседников является человеком, а кто машиной. Цель ИИ здесь не обман, а воспроизведение когнитивных способностей человека³.

Далее необходимо уточнить сам термин «генеративный ИИ» (ГИИ) применительно к образовательному контексту. Если в широком смысле под ним понимается класс алгоритмов, способных создавать новый контент, то в педагогике целесообразно сузить фокус до систем, генерирующих учебные материалы и адаптирующих процесс обучения под индивидуальные потребности учащихся⁴.

Современные технологии — робототехника, виртуальная реальность, машинное обучение, интеллектуальные помощники, Big Data — активно внедряются в бизнес, повышая производительность и эффективность процессов. Благодаря доступу к огромным массивам данных ученые и разработчики по всему миру двигают ИИ вперед, всё ближе подбираясь к человеческому разуму⁵. Особое внимание сейчас уделяется нейронным сетям. Их используют в медицине, технике, физике, геологии и бизнесе для управления, классификации и прогнозирования, а также в интерактивных развлечениях⁶ и многом другом. Большую роль в современном прогрессе ИИ играет инвестирование — как в Кремниевой долине, так и в университетах (например, в Стэнфорде), а также меры государственной поддержки, как, например, в Китайской Народной Республике⁷. Крупные

¹ Исследование: 34 процента молодежи видят в искусственном интеллекте друга [Электронный ресурс]. Интернет-портал «Технологии» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2025/08/26/issledovanie-34-procenta-molodezhi-vidiat-v-iskusstvennom-intellekte-druha.html> (дата обращения: 01.02.2026).

² *Orland, K.* Google's "AI Overview" can give false, misleading, and dangerous answers [Электронный ресурс] // arsTECHNICA : [сайт]. URL: <https://arstechnica.com/information-technology/2024/05/googles-ai-overview-can-give-false-misleading-and-dangerous-answers/> (дата обращения: 01.02.2026).

³ Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Nova Creative Group, 2024. 200 с.

⁴ *Вегера Ж. Г.* Исследование влияния генеративного искусственного интеллекта на педагогические стратегии и методы обучения в условиях цифровизации образования // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 8-1. С. 108–115.

⁵ *Facione, P.* Critical Thinking: A Statement of Expert Consensus for Purposes of Educational Assessment and Instruction. Executive Summary (Dean of the College of Arts and Sciences, Santa Clara University).

⁶ GeForce RTX 20 Series [Электронный ресурс] // NVIDIA: [сайт]. URL: <https://www.nvidia.com/en-gb/geforce/20-series/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁷ *Griffith, E., Metz, C.* Anthropic, an A.I. Start-Up, Is Said to Be Close to Adding \$300 Million [Электронный ресурс] // The New York Times : [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/27/technology/anthropic-ai-funding.html> (дата обращения: 01.02.2026).

компании активно участвуют в гонке за инновационными технологиями и стартапами, что благотворно влияет на развитие всей сферы искусственного интеллекта⁸.

Рассмотрим историю внедрения различных систем ИИ в самый популярный поисковый сервис в мире — Google. Компания разработала множество алгоритмов и моделей ИИ, начиная с систем проверки правописания и заканчивая современными методами глубокого обучения. Сегодня поиск Google опирается на сотни таких алгоритмов и моделей, каждая из которых решает специфические задачи и срабатывает в разных комбинациях, чтобы показывать наиболее полезные результаты⁹.

Основные системы Google:

- RankBrain (2015) — первая система глубокого обучения в поиске. Она помогает лучше понимать связь слов с реальными концепциями и определяет порядок отображения результатов (ранжирование). RankBrain до сих пор играет важную роль в работе поиска.
- Neural Matching (2018) — комплексная система поиска, использующая нейронные сети. Она анализирует общий смысл запроса и страниц, чтобы находить более точные соответствия, даже если запрос сформулирован неочевидно.
- BERT (2019) — модель обработки естественного языка, которая учитывает порядок и взаимосвязь слов в фразе. Благодаря этому система лучше улавливает контекст, выделяет важные детали в запросах и точнее понимает их суть.
- MUM (2021) — модель, способная не только обрабатывать, но и генерировать текст. Она умеет работать с несколькими языками и форматами данных, что дает более глубокое понимание информации. Пока MUM применяется в отдельных сценариях (например, для поиска сведений о вакцинах), но в перспективе будет расширять возможности поиска, обрабатывая сразу текст и изображения¹⁰.
- Gemini with AI Overview — система, которая коротко отвечает на поисковые запросы прямо на странице результатов. Однако ошибки, допущенные при ее создании (проблема с индексацией страниц), привели к негативной реакции общества, ведь «обзор ИИ» предлагает шутливые, недостоверные или даже опасные ответы. Так, в «авторитетные» ответы попали советы добавить «нетоксичный клей» в пиццу или залить «жидкость для поворотников», «островная точка» — при запросе «самая южная точка материковой части Аляски», «товары в 2000 году стали дешевле к 2023 году на 43,49 %», «промежуток времени между октябрём 2024 и январём 2025 более чем 700 тысяч дней»¹¹. На данный момент все ответы, привлекавшие внимание общественности, уже исправлены корпорацией, но выпуск таких продуктов со стороны монополиста подрывает доверие к ИИ и распространяет дезинформацию.

Как отмечают исследователи, потенциал искусственного интеллекта в образовании реализуется по нескольким ключевым направлениям¹²:

- ИИ берет на себя функции по подготовке документов для лицензирования и аккредитации, работе с абитуриентами, выдаче справок, ведению внутреннего документооборота и составлению расписаний.

⁸ Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта.

⁹ *Spirgel, A. S., Delaney, P. F.* Does writing summaries improve memory for text? // *Educational Psychology Review*. 2016. No. 28. Pp. 171–196.

¹⁰ *Spirgel, A. S., Delaney, P. F.* Ibid.

¹¹ GeForce RTX 20 Series [Электронный ресурс] // NVIDIA: [сайт]. URL: <https://www.nvidia.com/en-gb/geforce/20-series/> (дата обращения: 01.02.2026).

¹² *Сысоев П. В.* Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32. № 10. С. 13–17.

- Аналитика и прогнозирование: на основе анализа больших данных ИИ способен прогнозировать количество абитуриентов, давать рекомендации по изменению учебных планов исходя из успеваемости студентов и потребностей рынка труда.
- Индивидуализация обучения: технологии ИИ позволяют выстраивать персональные образовательные траектории как на уровне всей программы студента, так и в рамках отдельной дисциплины, адаптируя сложность и последовательность материала.
- Поддержка преподавателя: ИИ помогает в разработке учебных курсов и материалов, а также в автоматизированном контроле знаний, обеспечивая быструю обратную связь и снижая нагрузку на преподавателя.
- Организация учебного процесса: ИИ используется для мониторинга активности студентов, проверки работ на плагиат и обеспечения оперативной обратной связи по организационным вопросам.

При этом качество прогнозов и рекомендаций ИИ напрямую зависит от объема и качества исходных данных. Подчеркивается, что ИИ не должен полностью заменять преподавателя, но может стать третьим субъектом образовательного процесса наряду со студентом и педагогом¹³.

Исследование MIT Media Lab, а также интервью с гарвардскими экспертами¹⁴ указывают на двойственную роль ИИ в образовании. С одной стороны, отмечается риск «когнитивной атрофии» и снижения критического мышления при чрезмерной зависимости от ИИ. Как подчеркивает преподаватель прикладной физики инженерно-технической школы Фавваз Хаббал (Fawwaz Habbal), ИИ, будучи мощным инструментом для обработки данных, лишен человеческого контекста, опыта и способности к рефлексивному мышлению, которые необходимы для творчества и решения сложных проблем. С другой стороны, как отмечает Кристофер Деде (Christopher Dede), ключ к позитивному использованию ИИ — не позволять ему «думать за вас», а использовать его для усиления собственного анализа. Преподаватель государственной политики Гарвардской школы им. Кеннеди Дэн Леви (Dan Levy) отмечает, что не существует таких понятий, как «ИИ полезен для обучения» или «ИИ вреден для обучения». Если студент использует ИИ для выполнения работы за него, то он не сможет ничему научиться. ИИ может препятствовать обучению, когда учащиеся перегружены работой и рассматривают ИИ исключительно как средство экономии времени. Но если ИИ помогает ученикам сэкономить время на рутинной работе, чтобы посвятить свое время обучению более важному, то это хорошо. Подытоживая, Дэн Леви подчеркивает, что ИИ уже никуда не денется, и надо найти способы сотрудничества с ним и использовать его таким образом, чтобы продвигать цели как преподавателей, так и учащихся¹⁵.

В последние годы интерес к использованию ИИ в образовании заметно вырос. Исследователи Ю. С. Зимин, И. В. Каспаров и Д. А. Строганов провели опрос 250 школьников, студентов и преподавателей (88 % из них — в возрасте 18–24 лет). 84 % респондентов посчитали ИИ полезным инструментом в образовании, никто не назвал его однозначно вредным. Чаще всего отмечали такие плюсы, как анализ больших данных (75 %), преодоление языковых барьеров (62 %) и индивидуальные учебные программы (54 %). Главный минус — недостаток человеческого взаимодействия (63 %). Авторы сделали вывод, что ИИ не станет самостоятельной единицей в образовании, но будет хорошим помощником¹⁶.

¹³ Сысоев П. В. Там же. – С. 27.

¹⁴ Is AI dulling our minds? [Электронный ресурс]. *The Harvard Gazette*. URL: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2025/11/is-ai-dulling-our-minds/> (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Зимин Ю. С., Каспаров И. В., Строганов Д. А. Искусственный интеллект в образовании: поиск сбалансированной модели использования // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15. № 1-2. С. 419–421.

О. А. Кононов и О. В. Кононова в своей статье приводят результаты опросов 2023 года. Согласно их исследованию, около 50 % студентов российских вузов уже использовали нейросети в учебе. Большинство делало это для вспомогательных задач (поиск и перевод информации), 12 % признались, что применяли ИИ как шпаргалку на экзаменах и зачетах. При этом почти 80 % опрошенных планировали использовать ИИ в профессиональной деятельности после вуза. Авторы также ссылаются на данные Яндекс.Практикума: после 56-часового курса с ИИ-тренажерами 89 % учащихся улучшили навыки аргументации, 76 % научились выявлять логические уловки, 68 % стали эффективнее работать с источниками¹⁷.

Интересно посмотреть отношение преподавателей к ИИ. Р. М. Петрунева, М. Н. Филатова и Т. Д. Чудасова опросили 100 преподавателей Волгоградского технического университета, прошедших курсы повышения квалификации по цифровым технологиям. 50 % респондентов старшей возрастной группы считают электронную образовательную среду актуальным трендом, а 34 % допускают использование ChatGPT в трудоемких заданиях. При этом уверенными пользователями цифровых инструментов назвали себя только 22 % преподавателей старше 40 лет (против 66 % в младшей группе), и 71 % из них никогда не пользовались ИИ в жизни или учебе¹⁸. Главные опасения преподавателей связаны с этическими проблемами: 69 % опрошенных назвали несправедливость оценки, 57 % — проблему авторства, 52 % — нерелевантность информации¹⁹.

Самый радикальный взгляд предлагает С. Е. Шишков. Он утверждает, что система формального образования переживает кризис из-за экспоненциального устаревания знаний и развития ИИ. По данным НИУ ВШЭ 2025 года, 43 % студентов используют ИИ для написания учебных работ, и 68 % из них не проверяют выводы ИИ. Опрос «СберПодбор» 2025 года показал, что только 19 % работодателей считают знания выпускников актуальными. С. Е. Шишков прогнозирует, что, если университеты не изменятся, до 28 % студентов могут уйти на альтернативные платформы обучения²⁰. Выход он видит в переориентации образования с передачи знаний на развитие метанавыков — адаптивности, критического мышления, способности к этической оценке результатов ИИ²¹.

С. А. Державин, Н. С. Трибусян и К. А. Верещак отмечают, что ключевое преимущество ГИИ для студентов — это возможность работать с реальными, актуальными задачами через проекты и практику. Это помогает развивать не только профессиональные, но и цифровые, критические и прогностические навыки, делая обучение более осмысленным.

Но здесь есть важный момент: студенты не должны перекладывать ответственность на ГИИ. Задача преподавателя — убедиться, что студенты могут критически анализировать результаты, а не просто делегировать работу нейросети. Для этого нужны специальные форматы, например, защита проектов с объяснением каждого этапа: как обрабатывались данные, почему выбрана та или иная модель и как интерпретированы результаты²².

¹⁷ Кононов О. А., Кононова О. В. Внедрение искусственного интеллекта в образование // Актуальные проблемы экономики и управления. 2025. № 3 (47). С. 61–62.

¹⁸ Петрунева Р. М., Филатова М. Н., Чудасова Т. Д. Системы искусственного интеллекта в сфере образования: отношение преподавателей (на примере ВОЛГГТУ) // Primo Aspectu. 2024. № 2 (58). С. 24–25.

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Шишков С. Е. Диплом в тисках «искусственного интеллекта»: кризис формального образования в условиях экспоненциального устаревания знаний // Ценности и смыслы. 2026. № 1 (101). С. 26.

²¹ Там же. С. 35.

²² Державин С. А., Трибусян Н. С., Верещак К. А. Об опыте организации проектной деятельности студентов с использованием искусственного интеллекта // Письма в Эмиссия.Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал. 2025. № 10 (октябрь). ART 3609. URL: <http://emissia.org/offline/2025/3609.htm> (дата обращения: 01.02.2026).

С. А. Державин, Н. С. Трибусян и К. А. Верещак показывают, что цифровые платформы действительно могут улучшить качество образования и повлиять на экономику страны. Они дают доступ к новым ресурсам, персонализированным программам и помогают точнее отслеживать успеваемость. Совместные платформы упрощают обмен знаниями между студентами и преподавателями²³. С экономической точки зрения это повышает квалификацию работников, снижает затраты на обучение и привлекает инвестиции в образование. Жители удаленных регионов получают больше возможностей. Но есть и определенные сложности. Технические проблемы на платформах могут мешать их развитию и негативно влиять на экономику. Поэтому важно искать новые решения для улучшения цифровых образовательных платформ в России.

Чтобы понять, как тенденции использования ИИ в учебе воспринимаются непосредственными участниками образовательного процесса, было проведено анкетирование среди обучающихся Санкт-Петербурга. Его цель — выяснить, как молодежь видит роль ИИ в своей учебе: считают ли они его просто удобным инструментом или полноценным помощником, какие возможности и риски связывают с его использованием в вузах.

Методы и материалы. Ключевым понятием, используемым в настоящем исследовании, была воспринимаемая полезность от использования ИИ в образовании.

На основе проведенного анализа литературы авторами была предложена операционализация основного понятия, которое состоит из трех переменных: оценка влияния ИИ на эффективность обучения, восприятие ИИ как инструмента экономии времени и оценка помощи ИИ в понимании сложных тем (см. рис. 1).

Каждая из переменных была представлена в виде индикаторов (табл. 1), сформулированных на основе анализа литературы. Предложенные переменные и индикаторы позволяют выявить мнение молодежи Санкт-Петербурга о применении искусственного интеллекта в образовании: в этом и состоит научная новизна нашей работы.

Рис. 1. Схема взаимосвязи переменных²⁴

²³ Там же.

²⁴ Составлено (разработано) авторами.

Таблица 1

Операционализация понятия «воспринимаемая полезность от использования ИИ в образовании»²⁵

Воспринимаемая полезность от использования ИИ в образовании		
Оценка влияния ИИ на эффективность обучения	Восприятие ИИ как инструмента экономии времени	Оценка помощи ИИ в понимании сложных тем
Индикатор предназначен для измерения субъективной оценки респондентами влияния технологий искусственного интеллекта на продуктивность учебной деятельности. Он фиксирует воспринимаемую степень усвоения знаний, повышения успеваемости и общей результативности обучения при использовании ИИ	Индикатор оценивает, в какой степени респонденты рассматривают искусственный интеллект как ресурс для оптимизации временных затрат. Он направлен на измерение восприятия способности ИИ ускорять выполнение учебных задач, таких как поиск информации, обработка данных и подготовка материалов, что способствует рационализации учебного процесса	Индикатор определяет, насколько респонденты считают искусственный интеллект эффективным средством для ассимиляции сложного учебного материала. Он измеряет воспринимаемую способность ИИ к адаптивному разъяснению концепций, предоставлению альтернативных трактовок и преодолению когнитивных трудностей, связанных с пониманием дисциплин
Выбор верных утверждений из предложенных		

Генеральной совокупностью выступают ученики старших классов средних школ и студенты ссузов/вузов Санкт-Петербурга. Целевая выборочная совокупность составляет 152 человека, она отображена в таблице 2. Выборка формировалась квотным методом с доверительной вероятностью 95 % и доверительным интервалом 5 %. Студентам вузов и ссузов опрос был отправлен в учебные чаты в социальных сетях. Опросы обучающихся в старших классах школ проводились при организационном участии администраций этих учебных заведений.

Таблица 2

Распределение внутри выборочной совокупности исследования²⁶

Ученики старших классов (9–11 классы)	Студенты вузов	Студенты ссузов
50	51	51

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Респондентам было предложено ответить на анкету, состоящую из 18 вопросов. В итоге было получено 169 заполненных анкет. 65,1 % опрошенных — женского и 34,9 % — мужского пола. Учащиеся вузов — 24,9 %, ссузов — 43,2 % и школ — 31,9 %.

В ходе исследования было выяснено, что самым известным и используемым чат-ботом остается ChatGPT (60 %), что является следствием прорыва компании OpenAI в сфере создания чат-ботов на базе генеративного ИИ и агрессивного маркетинга. Вторым по использованию является поиск с Нейро/Алиса (50 %). Это объясняется тем, что компания Яндекс — российская и с момента своего создания использовала удобные средства поиска для пользователей из русскоязычной среды. Третий по популярности среди мо-

²⁵ Составлено (разработано) авторами.

²⁶ Составлено (разработано) авторами.

лодежи — DeepSeek, причина популярности лежит в бесплатном доступе и достаточно сильной сверточной модели. Поисковая система от корпорации Google является второй по популярности в России и четвертой (в интернет-сленге существует эпоним «загугли»), согласно Яндекс.Радару, но в соответствии с американскими санкциями аналогичный Яндексу поиск с использованием Gemini недоступен пользователям из России. Студенты вузов активнее используют ChatGPT и DeepSeek, студенты ссузов больше полагаются на поисковики и ChatGPT, кроме того, они чаще выбирали Midjourney и другие нейросети, а школьники — преимущественно самые доступные варианты с простой регистрацией и доступом — поиск Яндекса и DeepSeek.

На вопрос «Как часто вы используете ИИ в своей повседневной жизни?» (см. рис. 2), 38 % респондентов выбрали «Несколько раз в неделю». 26 % признались в ежедневном использовании нейросетей. Если смотреть на статистику исходя из учебных заведений, то выясняется, что 78 % студентов высших учебных заведений используют ИИ для аналитической и проектной деятельности, 85 % — для поиска информации для подготовки к занятиям и 67 % — для проверки грамотности. Студенты программ среднего специального образования разделились следующим образом: 92 % — для выполнения домашних заданий, 75 % — для подготовки к экзаменам, 45 % — для аналитической деятельности. Школьники в основном (88 %) используют ИИ для домашних заданий, 62 % — для поиска информации и примерно 25 % — для аналитической работы.

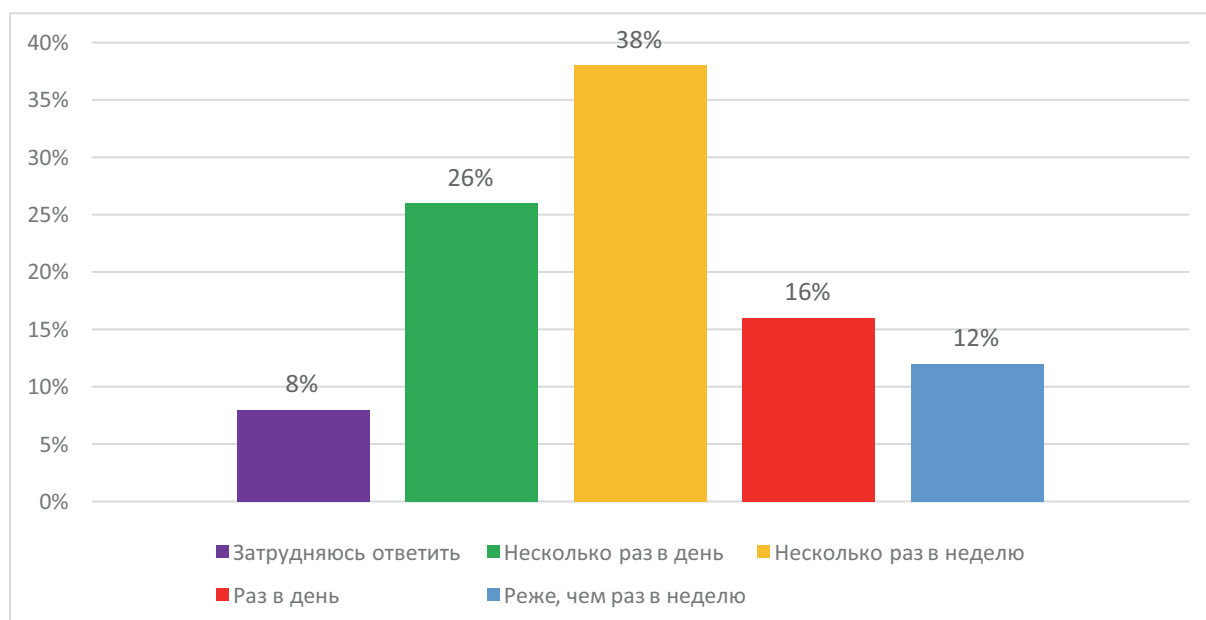

Рис. 2. Структура ответов на вопрос «Как часто вы используете ИИ в своей повседневной жизни?» (N = 169), чел, %²⁷

Далее рассмотрим интенсивность использования по типам заведений. Статистика представлена с учетом учебного заведения. Наибольшая регулярность использования зафиксирована в высших учебных заведениях (вузы). Среди респондентов этой категории 45 % используют ИИ ежедневно, а еще 35 % прибегают к нему несколько раз в неделю. В средних специальных учебных заведениях (ссузы) преобладает еженедельное использование: 52 % опрошенных применяют ИИ несколько раз в неделю, тогда как доля ежедневных пользователей составляет 28 %. Для школ характерна несколько иная картина.

²⁷ Составлено (разработано) авторами.

Наиболее распространенной категорией является использование несколько раз в неделю (38 %), однако значительная часть респондентов (25 %) взаимодействует с ИИ реже чем один раз в неделю.

В рамках исследования респондентам также был задан вопрос об уровне доверия к информации, генерируемой искусственным интеллектом. Результаты распределились следующим образом (см. рис. 3). Наибольший уровень доверия демонстрируют представители вузов: 60 % опрошенных доверяют полученным данным. При этом 25 % респондентов затруднились с ответом, и лишь 15 % выразили явное недоверие. В ссузах доверие к ИИ также преобладает, составляя 55 %. Доля затруднившихся с ответом здесь достигает 35 %. В школах уровень доверия оказался наиболее сдержанным: 48 % склонны доверять ИИ. При этом наблюдается самый высокий процент неопределившихся: 42 % респондентов затруднились оценить свое доверие к информации от искусственного интеллекта.

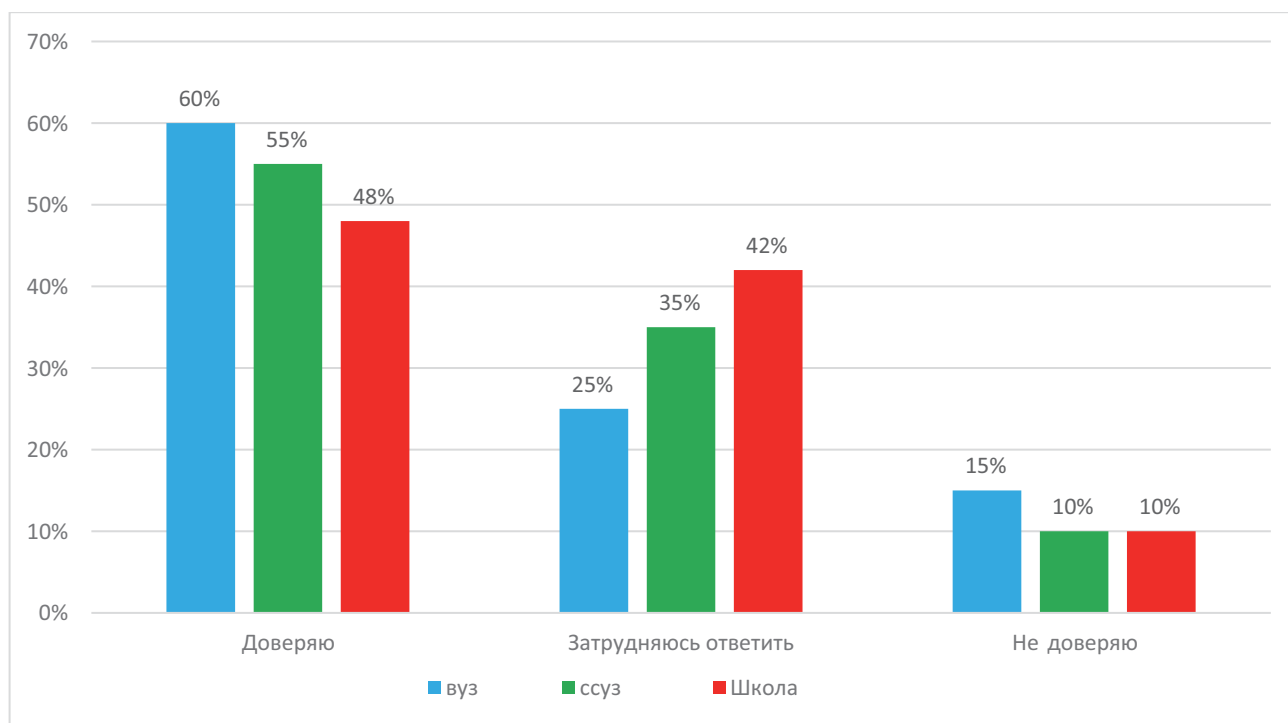

Рис. 3. Структура ответов на вопрос «Насколько вы доверяете информации, полученной от ИИ?» (N = 169), чел, %²⁸

Из всего вышеперечисленного следует, что студенты, обучающиеся по программам высшего образования, имеют более высокий показатель критического мышления, у студентов ссузов прежде всего осторожно-доверительное отношение, а у школьников не хватает возраста и опыта работы с информацией.

Исследование выявило четкую закономерность: частота использования поиска напрямую зависит от степени образования (см. рис. 4). На первом месте студенты вузов (70 %), на втором — ссузов (65 %). Это объясняется тем, что их учебные задачи требуют обработки значительных объемов сложной информации. У школьников иная мотивация. Хотя 55 % справляются с поиском довольно быстро, 15 % сталкиваются с серьезными трудностями даже с поддержкой ИИ. Основными сдерживающими факторами выступают заданные рамки учебной программы и слабые навыки информационного самообслуживания.

²⁸ Составлено (разработано) авторами.

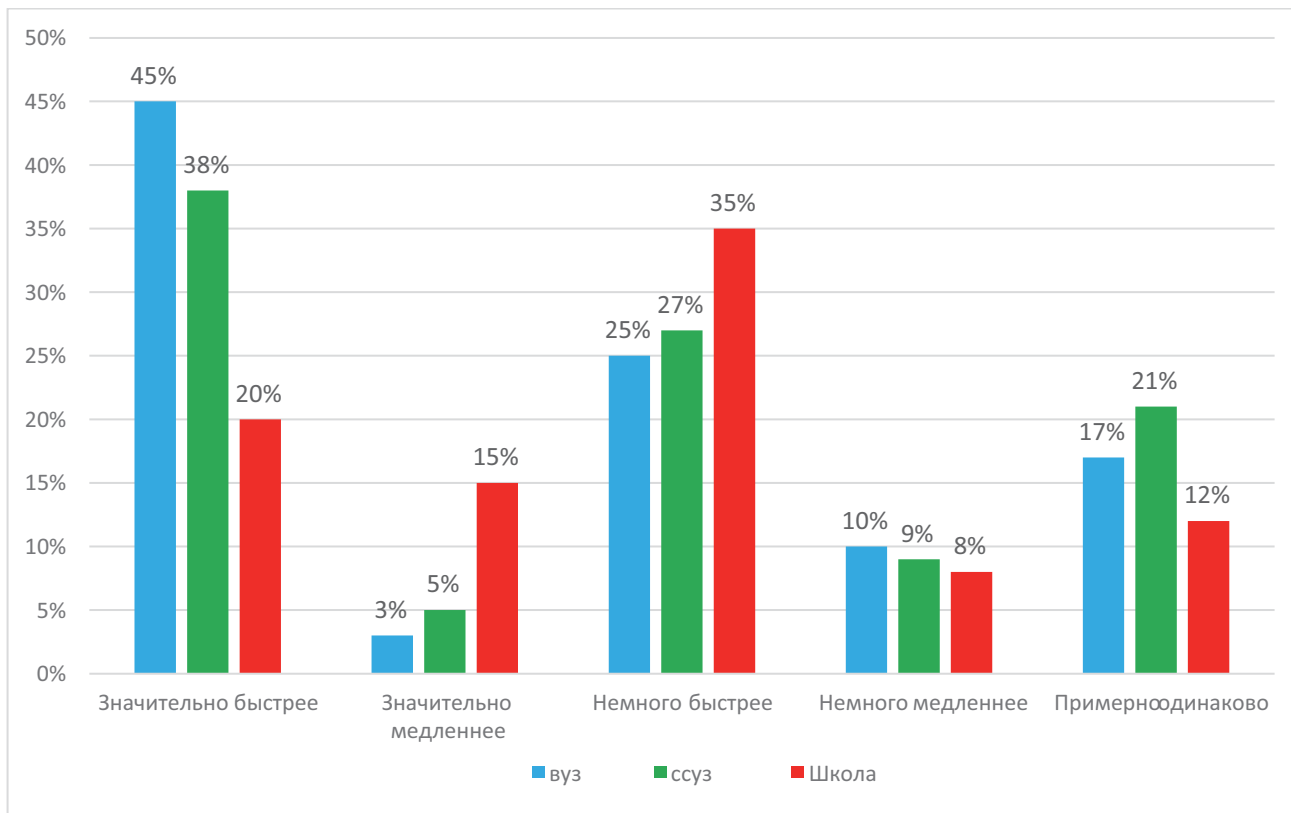

Рис. 4. Структура ответов на вопрос «Насколько быстро вы находите нужную информацию с использованием ИИ по сравнению с традиционными методами?» (N = 169), чел, %²⁹

Оценка респондентами влияния инструментов ИИ на их аналитические способности также продемонстрировала значительную вариативность в зависимости от уровня образования. Среди студентов вузов мнения разделились наиболее полярно: 40 % опрошенных отмечают улучшение навыков анализа, 15 % заметили их ухудшение, а 35 % не увидели изменений. Такой разброс оценок является наглядным свидетельством как сложности университетской программы, так и разнообразия индивидуального опыта взаимодействия с ИИ в академической среде. В ссузах преобладает оценка влияния как слабоположительного или нейтрального: 45 % респондентов указывают на незначительное улучшение аналитических навыков, а у 40 % они остались без изменений.

Наиболее неопределенная ситуация сложилась в школах, где половина опрошенных (50 %) затруднилась дать оценку влиянию ИИ на свои аналитические способности. При этом 30 % школьников всё же отметили положительную динамику в развитии этих навыков. Вывод: школьникам сложнее оценить влияние ИИ на свои аналитические навыки.

Респондентам всех категорий также задали вопрос об отношении к применению ИИ при написании ВКР. Результаты выявили три основные группы:

- Нейтральное отношение (50 %): самая крупная группа, не видящая в этом острой проблемы.
- Сторонники (25 %): поддерживают использование новых инструментов.
- Противники (20 %): выражают скепсис или неприятие.

Полярные мнения («за» и «против») в сумме составляют меньше половины респондентов, что указывает на отсутствие консенсуса и, возможно, на недостаточную информированность по теме среди значительной части студентов.

²⁹ Составлено (разработано) авторами.

В целом большинство респондентов согласны с тем, что «ИИ помогает экономить время». Речь идет прежде всего о времени на подготовительных этапах: он ускоряет поиск релевантной литературы, помогает сформулировать тезисы и черновые варианты текста, а также берет на себя техническую проверку грамотности и уникальности. Фактически ИИ выступает в роли ассистента, берущего на себя часть операционной работы.

Для выявления уровня критического восприятия ИИ-контента респондентам предлагалось выбрать из двух новостных заголовков тот, который создан искусственным интеллектом. Оба варианта содержали абсурдные формулировки: предполагалось, что участник с широким кругозором легко распознает подвох, однако в случае «слепого» доверия к технологиям он выберет сгенерированный заголовок, даже нелепый. Такой подход позволил, во-первых, оценить склонность делегировать ИИ критическое мышление, а во-вторых — измерить порог восприятия ошибок: насколько очевидной должна быть нелепость, чтобы пользователь усомнился в качестве выдачи. С задачей справились 70 % опрошенных, верно определивших сгенерированный текст.

Значительно сложнее для участников оказалась идентификация изображений, созданных ИИ. Большинство респондентов не смогли безошибочно указать все искусственные картинки и часто принимали реальные фотографии за сгенерированные. Авторы определили, что все группы участников склонны переоценивать свою способность распознавать ИИ-контент. Анализ средних результатов по группам выявил следующее распределение: студенты вузов показали наивысший, но всё же низкий средний результат: 4,2 балла из 14 возможных. Студенты ссузов следуют за ними с результатом 3,8 балла. Учащиеся школ, как и ожидалось, продемонстрировали самый низкий показатель — 3,5 балла.

Таким образом, исследование подтверждает, что визуальный контент, созданный ИИ, представляет собой более серьезный вызов для распознавания, и существующая уверенность пользователей в своей компетентности в этой области не соответствует реальным навыкам.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования было выяснено, что молодежь Санкт-Петербурга относится к применению ИИ в образовании спокойно и практично. Соотнесем результаты работы с поставленными задачами.

Использование чат-ботов: такие сервисы, как ChatGPT и ему подобные, стали для студентов обычным инструментом. Их используют не все и не всегда, но довольно регулярно, просто потому, что это быстро и удобно.

Практика применения: студенты в основном используют ИИ как «умный калькулятор для текстов»: чтобы найти идею, объяснить сложную тему простыми словами или помочь с оформлением работы. Списывают готовые решения не так много студентов, как может показаться. Чаще всего ИИ — это стартовая точка или помощник, а не готовый ответ.

Влияние на критическое мышление: тут есть две стороны. С одной, ИИ может его ослабить, если просто бездумно копировать ответы. С другой — сильные ученики как раз используют его для развития: задают уточняющие вопросы, проверяют гипотезы и анализируют сгенерированную информацию. Получается, что итог зависит не от технологии, а от самого человека.

Факторы, формирующие отношение студентов к ИИ: главное, что формирует отношение, — это практическая польза. Если ИИ реально помогает учиться быстрее и понимать лучше, его будут использовать. Также большую роль в формировании отношения к ИИ играет мнение преподавателей. Если они запрещают ИИ без объяснения причин, это вызывает раздражение. Если пытаются интегрировать его в задания — интерес и уважение.

Общий вывод: молодежь Санкт-Петербурга видит в ИИ в первую очередь инструмент, а не угрозу или панацею. Они ждут от образования не запретов, а адекватных правил игры и понимания, как этим инструментом пользоваться с умом.

Рекомендации. По итогам исследования хотелось бы дать ряд рекомендаций.

Для вузов и преподавателей:

- Разработать четкие правила. Вместо запрета — объяснить, как можно использовать. Например, разрешить пользоваться ИИ для поиска идей или проверки текста, но обязать указывать это в работе.
- Менять формат заданий. Давать меньше задач на простое воспроизведение фактов (это ИИ делает идеально) и больше — на анализ, сравнение, личную оценку и применение знаний в нестандартных ситуациях.
- Провести открытое обсуждение. Поговорить со студентами о возможностях и рисках ИИ, о честности и этике. Это вызовет больше понимания, чем строгий запрет.

Для студентов и учеников:

- Относиться к ИИ как к помощнику, а не как к исполнителю. Его сила — в обработке данных, а обучающихся — в критическом мышлении и творчестве. Всегда проверять и перерабатывать то, что он выдает.
- Осваивать «промт-инжиниринг». Учиться правильно задавать вопросы ИИ, чтобы получать точные и полезные ответы. Это ценный навык.
- Не забывать про основы. ИИ — мощный инструмент, но он не заменит глубокого понимания предмета. Полагаться на собственные знания, а ИИ использовать для их расширения.

И главная рекомендация для всех — перестать делать вид, что ИИ не существует, и начать учиться с ним работать. Это уже не будущее, а настоящее.

Список источников

1. Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Nova Creative Group, 2024. 200 с.
2. Вегера Ж. Г. Исследование влияния генеративного искусственного интеллекта на педагогические стратегии и методы обучения в условиях цифровизации образования // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 8-1. С. 108–115. DOI: 10.25726/z2078-4694-0035-f. EDN: QJVODY
3. Державин С. А. Об опыте организации проектной деятельности студентов с использованием искусственного интеллекта / С. А. Державин, Н. С. Трибусян, К. А. Верещак // Письма в Эмиссия.Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал. 2025. № 10 (октябрь). ART 3609. URL: <http://emissia.org/offline/2025/3609.htm>. EDN: QKRSIY
4. Зимин Ю. С. Искусственный интеллект в образовании: поиск сбалансированной модели использования / Ю. С. Зимин, И. В. Каспаров, Д. А. Строганов // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 1-2. С. 418–423. EDN: MNHAGH
5. Кононов О. А. Внедрение искусственного интеллекта в образование / О. А. Кононов, О. В. Кононова // Актуальные проблемы экономики и управления. 2025. № 3 (47). С. 60–63. EDN: ICUZZQ
6. Петрунева Р. М. Системы искусственного интеллекта в сфере образования: отношение преподавателей (на примере ВОЛГГТУ) / Р. М. Петрунева, М. Н. Филатова, Т. Д. Чудасова // Primo Aspectu. 2024. № 2 (58). С. 19–31. DOI: 10.35211/2500-2635-2024-2-58-19-31. EDN: QKUGXQ
7. Сысоев П. В. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного ин-

теллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33. EDN: TZYTKM

8. Шишов С. Е. Диплом в тисках «искусственного интеллекта»: кризис формального образования в условиях экспоненциального устаревания знаний // Ценности и смыслы. 2026. № 1 (101). С. 26–38. DOI: 10.24412/2071-6427-2026-1-26-38. EDN: JQINQE

9. Facione, P. (1989) Critical Thinking: a Statement of Expert Consensus for Purposes of Educational Assessment and Instruction. *Executive Summary*. 1989.

10. Spirgel, A. S., Delaney, P. F. (2016) Does writing summaries improve memory for text? *Educational Psychology Review*. No. 28. Pp. 171–196. DOI: 10.1007/s10648-014-9290-2. EDN: VJWDTE

Сведения об авторах:

Иванович Павел Константинович, студент 4-го курса бакалавриата, факультет государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: pavluxaiv04@mail.ru

Трибусян Никита Сергеевич, студент 4-го курса бакалавриата, факультет государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: ntribusyan-22@ranepa.ru

Артамонов Роман Александрович, студент 4-го курса бакалавриата, факультет государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: rortamonov@yandex.com

Научный руководитель: Антончева Ольга Алексеевна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: antoncheva-oa@ranepa.ru

References

1. Neznamov, A. V. (ed.) (2024) White Paper on Ethics in the Field of Artificial Intelligence. *Nova Creative Group*. 200 p. (In Russ.)
2. Vejera, Z. G. (2024) The Study of the Influence of Generative Artificial Intelligence on Pedagogical Strategies and Teaching Methods in the Context of Digitalization of Education. *Education Management: Theory and Practice*. No. 8-1. Pp. 108–115. (In Russ.)
3. Derzhavin, S. A., Tribusean, N. S., Vereshchak, K. A. (2025) On the Experience of Organizing Student Project Activities Using Artificial Intelligence. *Letters to Emissia. Offline (The Emissia. Offline Letters): electronic scientific journal*. No. 10 (October). ART 3609. URL: <http://emissia.org/offline/2025/3609.htm> (In Russ.)
4. Zimin, Yu. S., Kasparov, I. V., Stroganov, D. A. (2024) Artificial Intelligence in Education: The Search for a Balanced Use Model. *Russian Journal of Education and Psychology*. Vol. 15, no. 1-2. Pp. 418–423. (In Russ.)

5. Kononov, O. A., Kononova, O. V. (2025) Introduction of artificial intelligence into education. *Current Issues in Economics and Management*. No. 3 (47). Pp. 60–63. (In Russ.)
6. Petruneva, R. M., Filatova, M. N., Chudasova, T. D. (2024) Electronic Information and Educational Environment in Higher Education Institution: Current State (On the Example of VSTU). *Primo Aspectu*. No. 2 (58). Pp. 19–31. DOI: 10.35211/2500-2635-2024-2-58-19-31 (In Russ.)
7. Sysoev, P. V. (2023) Artificial Intelligence in Education: Awareness, Readiness and Practice of using artificial intelligence technologies in professional activities by university faculty. *Higher Education in Russia*. Vol. 32. No. 10. Pp. 9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33 (In Russ.)
8. Shishov, S. E. (2026) Diploma in the Grip of “Artificial Intelligence”: The Crisis of Formal Education in the Context of Exponential Obsolescence of Knowledge. *Values and Meanings*. No. 1 (101). Pp. 26–38. DOI: 10.24412/2071-6427-2026-1-26-38 (In Russ.)
9. Facione, P. (1989) Critical Thinking: A Statement of Expert Consensus for Purposes of Educational Assessment and Instruction. *Executive Summary*.
10. Spirgel, A. S., Delaney, P. F. (2016) Does writing summaries improve memory for text? *Educational Psychology Review*. No. 28. Pp. 171–196. DOI: 10.1007/s10648-014-9290-2

About the Authors:

Pavel K. Ivanovich, BA student, Faculty of State and Municipal Management, North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation), e-mail: pavluxaiv04@mail.ru

Nikita S. Tribusyan, BA student, Faculty of State and Municipal Management, North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation), e-mail: ntribusyan-22@ranepa.ru

Roman A. Artamonov, BA student, Faculty of State and Municipal Management, North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation), e-mail: rortamonov@yandex.com

Academic Supervisor:

Olga A. Antoncheva, Associate Professor of the Department, PhD in Political Sciences, Associate Professor, North-West Institute of Management Russian Academy of National Economy and Public Administration; (Saint Petersburg, Russian Federation), e-mail: antoncheva-oa@ranepa.ru

Особенности личности мужчин, совершающих насильственные преступления в семье в отношении женщин

Ковальчук Анна Анатольевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студентка 1-го курса магистратуры, юридический факультет

E-mail: akovalchuk-25-03@ranepa.ru

Научный руководитель:

Пишикина Нина Ивановна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, юридический факультет, кафедра уголовного права (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: pishikina-ni@ranepa.ru

Аннотация

Введение: проблема домашнего насилия в отношении женщин в современном российском обществе сохраняет высокую актуальность, учитывая, что 95 % подобных преступлений совершается мужчинами. Устойчивость и латентность данной категории деяний обуславливают необходимость глубокого изучения психологического портрета правонарушителя. **Цель** статьи — проведение комплексного анализа личности мужчины, совершающего насильственные преступления в семейно-бытовой сфере.

Методы: методология основана на диалектическом подходе в сочетании с историческим, системным, сравнительно-правовым и статистическим методами познания социальных и правовых явлений.

Результаты: в ходе исследования установлено, что личность «семейного» насильника характеризуется низким уровнем самоконтроля, наличием патологических изменений и психотравмирующего детского опыта. Выявлены дефицит коммуникативных навыков и выраженная склонность к аддиктивному поведению.

Обсуждение: полученные данные позволяют соотнести выявленные характеристики с существующими криминологическими классификациями и могут быть использованы при разработке мер адресной профилактики семейно-бытового насилия.

Ключевые слова: личность преступника, домашнее насилие, семейно-бытовые преступления, криминологическая характеристика, гендерная агрессия, виктимология, жертва.

Для цитирования: Ковальчук А. А. Особенности личности мужчин, совершающих насильственные преступления в семье в отношении женщин // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 2 (34). – С. 57–65.

Personality Traits of Men Committing Domestic Violence Crimes against Women

Anna A. Kovalchuk

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

MA student, Faculty of Law

E-mail: akovalchuk-25-03@ranepa.ru

Academic Supervisor:**Nina I. Pishikina**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: pishikina-ni@ranepa.ru

Abstract

Introduction : The problem of domestic violence against women has been highly relevant in modern Russian society, with men accounting for 95% of offenders in this category. The persistence and the latent nature of domestic abuse necessitate the in-depth research into the offender's personality. The **objective** of the article consists in conducting the comprehensive analysis of the personality of men committing violent crimes against women within the family.

Methods: The research methodology is based on the dialectical approach to social and legal phenomena, employing historical, systemic, comparative legal, and statistical methods.

Results: The study has found that the personality of a “domestic” abuser is characterized by low self-control, a high degree of pathological changes, and traumatic childhood experiences. The deficit in communication skills and the tendency toward addictive behavior were also identified.

Discussion: The findings allow for the correlation of identified traits with the existing criminological classifications, and can be applied in developing targeted prevention measures for domestic violence.

Keywords: offender's personality, domestic violence, family-related crimes, criminological profile, gender aggression, victimology, victim.

For citation: Kovalchuk, A. A. (2026) Personality Traits of Men Committing Domestic Violence Crimes against Women. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, no. 2 (34). Pp. 57–65. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Центральным элементом криминологического изучения преступности является личность преступника. Без понимания внутренних механизмов поведения, мотивов и психологических особенностей лица, совершающего преступление, в том числе и насильственное, невозможна эффективная профилактика. В связи с этим цель данного исследования — анализ личности преступника, совершающего «домашнее» насилие в отношении женщин.

Проблема насилия в семье в отношении женщин остается одной из наиболее острых социально-правовых проблем современного общества. Несмотря на принимаемые государством меры, агрессия внутри семейного круга сохраняется на высоком уровне. При этом официальная статистика отражает лишь «верхушку айсберга» из-за специфики и высокой латентности данных деяний. Специфика таких преступлений заключается и в том, что их чаще всего совершают мужчины. По данным статистики, мужчины составляют 95 % среди всех преступников этой категории¹.

Актуальность противодействия семейному насилию обусловлена также необходимостью решения демографической проблемы в стране. Насилие в семье деструктивно

¹ *Артёмьев Н. С.* О результатах криминологического исследования преступности в сфере семейно-бытовых отношений // *Человек: преступление и наказание.* 2019. Т. 27 (1–4), № 2. С. 137.

влияет на взаимоотношения супругов, порождая враждебность и психологическую напряженность. Вследствие этого у женщины исчезает репродуктивная мотивация, так как она осознает отсутствие безопасной среды для воспитания детей.

Проблема домашнего насилия в отношении женщин очевидна не только для России, но и для большинства стран. Исходя из последних данных Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ) и аффилированных структур, гендерное насилие сохраняет статус глобальной и системной угрозы, затрагивающей женщин начиная с подросткового периода. Статистика указывает, что примерно 840 миллионов женщин хотя бы раз подвергались сексуальному или физическому посягательству со стороны партнеров или иных лиц. Примечательно, что такие показатели сохраняют негативную стабильность на протяжении последних десяти лет. Генеральный директор ВОЗ д-р Тедрос Адханом Гебрейесус отметил следующее: «Проблема насилия в отношении женщин, причиняющего страдания миллионам женщин и их семей, характерна для каждой страны и культуры и усугубляется пандемией COVID-19, однако в отличие от COVID-19 насилие в отношении женщин нельзя остановить при помощи вакцины»².

Данные международных организаций за 2025 год показывают, что дом остается зоной повышенного риска для женщин: «Всего в прошлом году были умышленно убиты 83 тысячи женщин и девочек. Из них 60 процентов — 50 тысяч — стали жертвами своих партнеров или родственников. Это эквивалентно в среднем 137 женщин и девочек каждый день. Для сравнения: лишь 11 процентов убитых мужчин пострадали от рук партнеров или родственников»³.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Для изучения личности семейного насильственного преступника необходимо детально изучить его личностные качества, поскольку именно индивидуально-психологические деформации определяют выбор насильственного способа разрешения внутрисемейных конфликтов. В рамках научной доктрины профиль «семейного» агрессора может быть представлен через призму следующих фундаментальных признаков.

Социально-демографические. Анализируя личность семейно-бытового насильника в рамках уголовной статистики, можно выделить возраст от 30 до 40 лет как самый частый для совершения преступлений такой направленности: эта возрастная группа составляет 40 % от общего числа. Возрастная группа старше 40 лет занимает второе место: 17,5 %, субъекты от 19 до 24 лет составляют 15,5 %, как и мужчины 25–29 лет — 15,5 %⁴. Это период «кризиса среднего возраста», когда накопленные социальные неудачи часто компенсируются за счет установления тотального контроля над более слабыми членами семьи, что вызывает домашнее насилие над женщиной.

Как уже упоминалось выше, в 95 % случаев инициаторами домашнего насилия выступают мужчины. Доля женщин-агрессоров составляет всего 5 %, при этом их поведение имеет важные отличия. Исследования показывают, что подавляющее большинство женщин (93 %), применивших силу к партнеру, ранее сами систематически страдали от его избиений. Таким образом, их действия чаще всего являются ответной реакцией или

² 840 миллионов женщин сталкивались с насилием со стороны партнеров или сексуальным насилием // Отделение Организации Объединенных Наций в Женеве : [новости]. Женева: ООН, 2025. 19 ноября. URL: <https://www.ungeneva.org/ru/news-media/news/2025/11/113090/840-millionov-zhenshchin-stalkivalis-s-nasiliem-so-storony-partnerov> (дата обращения: 25.05.2026).

³ Каждый день 137 женщин и девочек погибают от рук своих партнеров или родственников // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/11/1466902> (дата обращения: 08.02.2026).

⁴ *Артемов Н. С.* Там же.

попыткой самообороны. Лишь 7 % женщин проявляли агрессию по отношению к мужьям, которые никогда на них не нападали. Также стоит отметить разницу в тяжести последствий: физическое воздействие со стороны женщин обычно носит менее опасный характер, в то время как насилие со стороны мужчин гораздо чаще приводит к серьезным травмам и несет реальную угрозу жизни близких⁵.

Уровень образования у семейного насильника невысокий: 3,3 % не имели никакого образования, 23,5 % имели начальное образование, 12,5 % — среднее, и только 1 % имел высшее образование. Общий уровень культуры также был весьма низкий. 85 % преступников не принимали участия в общественной жизни, 2,5 % не посещали театры и 23,5 % не читали литературу⁶.

Социальное положение семейно-бытовых преступников: 36,2 % правонарушителей относятся к рабочим, 27,7 % не имеют постоянного источника дохода, 17 % являются предпринимателями, 14,9 % — служащими⁷.

Большая часть преступлений происходила в городах и поселках городского типа — 68 %, в сельской местности — 32 %. В квартирах, частных домах и общежитиях — 61 %, во дворах — 8,5 %⁸. Исходя из этих данных, можно сделать вывод о том, что среди правонарушителей преобладают жители городов, в то время как представители сельской местности встречаются в два раза реже. «Семейные» насильники предпочитают совершать действия в местах, скрытых от посторонних глаз, стремясь избежать присутствия свидетелей. Это обусловлено страхом перед вмешательством извне и внутренней неуверенностью в своих силах.

Также необходимо выделить *социально-ролевые признаки*. Преступники чаще были не судимы ранее, 46 % имели судимость за другую группу правонарушений, рецидивистами среди них являются 7,5 %. Свыше 5 лет на последнем месте работы трудились 16,5 %, до 2 лет — 66 %. В профессиональной среде 68 % правонарушителей получили сугубо отрицательные отзывы от руководства и коллег. Доля лиц с удовлетворительными характеристиками составила 21 %, в то время как положительный рабочий имидж удалось сохранить лишь 11 % фигурантов. Аналогичная тенденция наблюдается и при изучении репутации по месту фактического проживания. Большинство агрессоров (59 %) характеризуются соседями и уполномоченными полиции с негативной стороны. Удовлетворительную оценку бытового поведения имеют 27 % обследованных, а на долю лиц с положительными отзывами приходится всего 14 % от общего массива выборки. Таким образом, преобладающее число семейных насильников демонстрирует устойчивую склонность к нарушению социальных норм и за пределами домохозяйства⁹.

Среди *нравственно-психологических признаков* необходимо выделить низкий уровень самоконтроля, то есть неспособность управлять своими эмоциями и поведением. Именно этот признак жертвам семейно-бытового насилия представляется зачастую основополагающим в механизме формирования преступного поведения агрессора¹⁰. Импульсивное поведение — главный фактор, из-за которого происходят преступления данной категории. Низкий уровень самоконтроля может быть обусловлен как стрессом, так

⁵ Зубков И. В. Опыт изучения насилия в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 255.

⁶ Артемьев Н. С. Там же.

⁷ Филиппова Е. О., Журкина О. В. Особенности характеристики личности семейно-бытового преступника // International Law Journal. 2022. Т. 5, № 5. С. 22.

⁸ Артемьев Н. С. Там же.

⁹ Рапай К. Е., Штефан А. В. Особенности личности преступника, совершающего насильственные преступления в семейной сфере // Вестник магистратуры. 2020. № 2-3 (101). С. 98.

¹⁰ Савин С. Д., Щепельков В. Ф., Сидорова А. Н. Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25, № 1. С. 64–78.

и психологическими и физиологическими особенностями насильника. К нравственно-психологическим признакам следует отнести *склонность к аддиктивному поведению* (в частности, к алкогольной, наркотической и игровой зависимостям), что деструктивно влияет на внутрисемейную среду. Это проявляется не только в деформации личности зависимого, но и в существенном ухудшении психологического климата семьи вследствие финансовых трудностей, социальной дезадаптации и физического неблагополучия ее членов. Алкоголь и другие психотропные вещества являются одним из наиболее распространенных катализаторов агрессивного поведения. Это не значит, что каждый мужчина, совершающий насилие в отношении своей жены, был в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Это означает, что акты насилия совершаются как в состоянии алкогольной (или наркотической) интоксикации, так и в периоды абстиненции или трезвости. Это указывает на то, что агрессивное поведение мужчины не ограничено исключительно фазами измененного сознания, а является устойчивым паттерном взаимодействия в паре. Согласно данным канадских ученых, риск возникновения домашнего насилия в семьях, где мужчина злоупотребляет спиртным, возрастает в пять раз по сравнению с парами, ведущими трезвый образ жизни¹¹.

В современных реалиях актуализируются новые формы аддиктивного поведения, среди которых особое место занимает лудомания (патологическая склонность к азартным играм). Данная патология охватывает различные возрастные группы, демонстрируя устойчивость как среди молодежи, так и у лиц зрелого возраста. Несмотря на наличие генетической предрасположенности к аддиктивному поведению, именно современная социально-экономическая нестабильность и обилие внешних стимулов формируют среду, в которой индивиды вовлекаются в высокорисковые финансовые манипуляции. К ним относятся участие в пари на рискованной основе («ставки»), спекулятивные операции на финансовых рынках и бесконтрольная инвестиционная импульсивность. Специфика игровой зависимости заключается в отсутствии химического воздействия на организм (в отличие от алкоголизма или наркомании), что существенно затрудняет процесс выздоровления. Фундаментальной характеристикой этого типа аддикции в контексте семейных отношений выступает прогрессирующая дестабилизация материального благополучия пары. Поведенческий паттерн зависимого лица характеризуется циклическим наращиванием кредитных обязательств с целью «отыгрыша», что сопровождается нарушением межличностных договоренностей и утратой доверия со стороны партнера. Тотальная финансовая несостоятельность, к которой приводит лудомания, нивелирует базовую потребность семьи в безопасности и стабильности. Лудомания, подобно иным формам аддикций, деформирует восприятие действительности, в результате чего субъект утрачивает способность к объективной оценке реальности и адекватному реагированию на вербальную коммуникацию со стороны партнера. Вследствие этого внутрисемейные конфликты приобретают деструктивный характер и нередко завершаются актами физического или психологического насилия, о чем свидетельствует информация ВОЗ: «Азартные игры могут представлять угрозу здоровью, повышая частоту психических заболеваний и суицидов. Они способны ввергать людей в нищету, отвлекая средства домохозяйств от расходов на товары и услуги первой необходимости»¹².

В качестве последнего признака в рамках статьи следует выделить *высокую степень патологической деформации личности правонарушителя*. Такие особенности, как нарциссическое и антисоциальное расстройство, а также патологическая ревность, часто

¹¹ Абабков В. А., Караваева Т. А., Моженкова В. А. Дифференциальная диагностика и патогенетическая психотерапия невротических расстройств // Петербургский психологический журнал. 2014. № 8. С. 1–21.

¹² Азартные игры // Всемирная организация здравоохранения : официальный сайт. 2024. URL: www.who.int (дата обращения: 25.01.2026).

препятствуют своевременному разрыву отношений со стороны жертвы на ранних этапах, поскольку субъект успешно мимикрирует под социально адекватного партнера. Зачастую лица, проявляющие агрессию, не осознают истинных причин своих манипуляций и ревности в силу стигматизации психических расстройств в обществе. Отсутствие навыков рефлексии и эмоционального интеллекта препятствует своевременному обращению к специалистам, что в конечном итоге становится детерминантой эскалации домашнего насилия.

Анализ личности семейного насильственного преступника позволяет выделить несколько типов. Согласно исследованиям в области криминологии, субъектов насильственных преступлений принято дифференцировать по двум направлениям: тип личности, совершающий преимущественно насильственные преступления против жизни и здоровья, и тип личности, совершающий преступления против половой свободы и половой неприкосновенности¹³. Также домашнего тирана можно проанализировать через общую типологию, которую предлагают авторы учебника «Криминология», критерием для которой является социальная направленность личности. Таким образом, ученые выделяют профессиональный, привычный, неустойчивый, небрежный и случайный типы личности преступника¹⁴.

Профессиональный тип. Лица с устойчивыми криминальными установками, часто имеющие судимости не только за бытовые, но и за корыстные преступления. Данный тип реже всего встречается в бытовой сфере, однако его черты проявляются у «системных» тиранов. Такие люди сознательно и планомерно используют насилие как инструмент власти и тотального доминирования, совершенствуя методы психологического давления и физического контроля. Насилие в семье для этого типа личности преступника — лишь часть общего противоправного образа жизни.

Привычный тип. Насилие является осознанной стратегией поведения. Личность характеризуется предрассудками и стереотипами, которые основаны на превосходстве мужского пола над женским, а также убежденностью в своем праве на применение силы. Привычный тип представляет наибольшую сложность для профилактики, так как насилие для этой категории лиц является глубоко укоренившимся, системным паттерном поведения. В данном случае агрессия выступает базовым инструментом разрешения любых семейных противоречий, а моральные барьеры практически полностью нивелированы многократным повторением актов домашнего насилия.

Неустойчивый тип. Характеризуется импульсивностью и высокой зависимостью от внешних катализаторов. Насильственные действия таких субъектов провоцируются ситуативными факторами — социальным стрессом, материальными трудностями или состоянием опьянения. При отсутствии выраженной антисоциальной установки такие лица демонстрируют дефицит самоконтроля и неспособность к конструктивному преодолению кризисов. То есть насилие становится привычным способом «разрядки».

Небрежный тип. В контексте семейного насилия проявляется через пренебрежение чувствами и безопасностью близких. Агрессор не считает свои действия преступными, относясь к ним как к «незначительным» методам воспитания или контроля. Это дефицит эмпатии и правовой нигилизм в рамках частной жизни. Агрессия проявляется эпизодически под влиянием острого конфликта, в состоянии сильного душевного волнения. Глубокой личностной деформации нет, человек способен к раскаянию. Однако нетяжкие преступления могут быть совершены и умышленно, и по неосторожности.

¹³ Гнездилова Д. М., Ковалев А. Ф. Личность преступника, совершающего насильственные преступления против женщин, и его социально-психологический портрет // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 7-1. С. 330.

¹⁴ Криминология : учебник / В. Н. Бурлаков, Н. М. Кропачев, М. В. Арзамасцев [и др.]. — 3-е изд., перераб. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2025. С. 80.

Случайный тип. Объединяет лиц, чьи действия были обусловлены аффективной вспышкой в ходе острого неразрешимого конфликта. Его правосознание сохраняет стабильность, а совершение противоправного акта обусловлено не внутренней предрасположенностью, а кумулятивным воздействием экстремальных внешних факторов. В контексте семейно-бытовых конфликтов такие деяния нередко трактуются как ответная реакция на виктимное или аморальное поведение жертвы, протекающая в форме аффективной вспышки либо в рамках выхода за границы допустимой самообороны. Личность не характеризуется устойчивой агрессивностью, а совершение правонарушения вступает в противоречие с ее общим позитивным социальным профилем, что часто влечет за собой последующее искреннее раскаяние.

В механизме семейного насилия важная роль принадлежит жертве преступления. В рамках семейного насилия часто наблюдается механизм переноса ответственности, формирующий феномен «виновной жертвы». Ключевой характеристикой агрессора является использование экстернализации вины как защитного механизма психики. Правонарушитель склонен оправдывать свои действия, приписывая инициативу конфликта потерпевшей стороне. Вследствие когнитивного искажения субъект убежден, что его действия являются «справедливой» реакцией на внешние стимулы. Подобная минимизация масштаба причиненного вреда и апелляция к «неправильному» поведению жертвы не только свидетельствуют о низком уровне самоконтроля лица, но и служат способом легитимации насилия в его собственном представлении¹⁵.

Для верификации теоретических выводов и получения актуальных данных было проведено авторское эмпирическое исследование среди жителей Санкт-Петербурга. Методом анкетного опроса были изучены мнения 137 респондентов, что позволило выявить ряд значимых тенденций. Теоретические положения о личностной деформации преступников подтверждаются результатами нашего эмпирического исследования ($n = 137$). Так, 61,3 % респондентов считают основной причиной насилия личностные особенности и «неправильные реакции» мужчины, а качественный анализ свободных ответов выявил такие черты, как низкий эмоциональный интеллект и стремление к самоутверждению через контроль. Особый интерес для криминологического портрета представляют результаты качественного анализа открытых ответов респондентов.

Описывая личность мужчины, совершающего домашнее насилие, участники исследования выделили следующие характерологические черты.

Психопатологические и волевые аномалии: респонденты характеризуют таких лиц как «мужчин-тиранов с садистскими наклонностями» и «субъектов с низким уровнем эмоционального интеллекта».

Мотивация доминирования: в ответах подчеркивается стремление к самоутверждению за счет физически более слабого члена семьи («физическая незащищенность женщины как ресурс для самоутверждения мужчины»).

Компенсаторные механизмы: участники опроса отмечают наличие заниженной самооценки и внутренних комплексов как триггеров для проявления контроля и насилия.

Данные опроса также раскрывают среду, в которой функционирует личность преступника. Высокий уровень осведомленности о случаях насилия (47,4 % респондентов знают о фактах насилия в кругу знакомых, а 24 % — в ближайшем семейном кругу) свидетельствует о латентной поддержке или молчаливом согласии окружения, что выступает фоном для формирования чувства безнаказанности у агрессора. Примечательно, что 6,6 % респондентов по-прежнему разделяют установки виктимблейминга (провокация

¹⁵ Будякова Т. П. Основы криминальной виктимологии : учебное пособие. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2019. С. 44.

со стороны женщины). В контексте изучения личности преступника это важный индикатор: наличие таких стереотипов в обществе позволяет агрессору использовать механизм «нейтрализации» вины, оправдывая свои действия поведением жертвы. В то же время выявленное недоверие к правоохранительным органам (лишь 25,5 % готовы обратиться в полицию) и приверженность части респондентов (5 %) стратегии «невмешательства» создают условия, в которых личность преступника не получает своевременного правового и социального отпора, что способствует переходу насилия в разряд систематического.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что личность преступника, совершающего насилие в отношении женщин в семье, характеризуется специфической деформацией правосознания, при которой частная жизнь воспринимается как зона, свободная от государственного контроля и норм морали. Личность преступника характеризуется устойчивыми деформациями ценностных установок, нарушением механизмов самоконтроля и доминирующей потребностью во власти, что в сочетании с благоприятной для нее социальной средой способствует насильственному поведению. Личность правонарушителя характеризуется деформацией волевой сферы (лабильностью) и преобладанием «привычного» или «неустойчивого» типов поведения. Можно сделать вывод: подавляющее большинство агрессоров имеют отрицательные социальные характеристики не только в быту, но и в профессиональной деятельности, что свидетельствует об общей деградации их механизмов социальной адаптации.

Список источников

1. Абабков В. А. Насилие, его характеристики и причины в семьях лиц с алкогольной и наркотической зависимостью: обзор литературы / В. А. Абабков, Т. А. Караваяева, В. А. Моженкова // Петербургский психологический журнал. 2014. № 8. С. 1–20. EDN: SYNYDR
2. Артемьев Н. С. О результатах криминологического исследования преступности в сфере семейно-бытовых отношений // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 2. С. 136–139. DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.136-139. EDN: EQKNCI
3. Будякова Т. П. Основы криминальной виктимологии : учебное пособие. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2019. 86 с. EDN: DIJTIV
4. Криминология : учебник / под науч. ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. 3-е изд., перераб. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2025. 388 с.
5. Гнездилова Д. М. Личность преступника, совершающего насильственные преступления против женщин, и его социально-психологический портрет / Д. М. Гнездилова, А. Ф. Ковалев // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 7-1. С. 328–334. DOI: 10.34670/AR.2023.16.40.038. EDN: KBWUHR
6. Зубков И. В. Опыт изучения семейного насилия в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 250–265. EDN: PDSJIV
7. Рапай К. Е. Особенности личности преступника, совершающего насильственные преступления в семейной сфере / К. Е. Рапай, А. В. Штефан // Вестник магистратуры. 2020. № 2-3 (101). С. 98–99. EDN: QDKIKO
8. Савин С. Д. Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью / С. Д. Савин, В. Ф. Щепельков, А. Н. Сидорова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25, № 1. С. 64–78. DOI 10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78. EDN: FVQPWB

9. Филиппова Е. О. Особенности характеристики личности семейно-бытового преступника / Е. О. Филиппова, О. В. Журкина // *International Law Journal*. 2022. Т. 5, № 5. С. 19–23. EDN: JFYMNU

Сведения об авторе:

Ковальчук Анна Анатольевна, студентка 1-го курса магистратуры, юридический факультет, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), e-mail: akovalchuk-25-03@ranepa.ru

Научный руководитель: Пишикина Нина Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Северо-Западный институт управления, юридический факультет, кафедра уголовного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), e-mail: pishikina-ni@ranepa.ru

References

1. Ababkov, V. A., Karavaeva, T. A., Mozhenkova, V. A. (2014) Violence, its characteristics and causes in the families of persons with alcohol and drug addiction: a literature review. *St. Petersburg Psychological Journal*. No. 8. Pp. 1–20. (In Russ.).
2. Artemyev, N. S. (2019) About the results of criminological research of crime in the sphere of family and household relations. *Man: Crime and Punishment*. No. 27 (2). Pp. 136–139. (In Russ.). DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.136-139
3. Budyakova, T. B. (2019) Fundamentals of criminal victimology : a textbook. Elets: *Bunin Elets State University*. 86 p. (In Russ.).
4. Burlakov, V. N., Kropachev, N. M., Arzamastsev, M. V. [et al.] (eds) (2025) Criminology : a textbook. 3rd ed. St. Petersburg: *St. Petersburg State University*. 388 p. (In Russ.).
5. Gnezdilova, D. M., Kovalev, A. F. (2023) The personality of a criminal who commits violent crimes against women and his socio-psychological portrait. *Matters of Russian and International Law*. No. 13 (7-1). Pp. 328–334. (In Russ.).
6. Zubkov, I. V. (2012) The experience of studying violence in modern Russia. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*. No. 5. Pp. 250–265. (In Russ.).
7. Rapay, K. E., Shtefan, A. V. (2020) Features of the personality of a criminal committing violent crimes in the family sphere. *Magistracy Bulletin*. No. 2-3. 98 p. (In Russ.).
8. Savin, S. D., Shchepelkov, V. F., Sidorova, A. N. (2025) Domestic violence as a social problem in the Russian society: Between privacy and publicity. *RUDN Journal of Sociology*. No. 25 (1). Pp. 64–78. Available at: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/43856/24734> DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78. (In Russ.).
9. Filippova, E. O., Zhurkina, O. V. (2022) Features of characteristics of the personality of the family and household criminal. *International Law Journal*. No. 5 (5). Pp. 19–23. (In Russ.).

About the Author:

Anna A. Kovalchuk, MA student, Faculty of Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: akovalchuk-25-03@ranepa.ru

Academic Supervisor: Nina I. Pishikina, PhD of Jurisprudence, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: polyanskaya-sv@ranepa.ru

Машинное обучение в комплексном исследовании индекса человеческого развития

Орлова Екатерина Андреевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студентка 4-го курса бакалавриата, факультет экономики и финансов

E-mail: eorlova-22@edu.ranepa.ru

Научный руководитель:

Полянская Светлана Владимировна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: polyanskaya-sv@ranepa.ru

Аннотация

Введение: актуальной задачей региональной политики является не только мониторинг индекса человеческого развития, но и выявление ключевых социально-экономических факторов, определяющих его уровень. Понимание этих зависимостей необходимо для разработки научно обоснованных мер по сокращению межрегионального неравенства и повышению качества жизни.

Методы: исследование построено на анализе официальных статистических данных. На основе медианного значения целевой показатель был преобразован в бинарную переменную для задачи классификации. После обработки пропусков и генерации новых признаков было обучено и оптимизировано шесть алгоритмов машинного обучения, включая линейные и ансамблевые методы. Для интеграции их сильных сторон был дополнительно создан стекинг-ансамбль. Качество моделей оценивалось по комплексным метрикам на тестовой выборке.

Результаты: корреляционный анализ выявил сильную отрицательную связь индекса с уровнем бедности и безработицы и сильную положительную связь с показателями демографической нагрузки и экономической активности. Среди моделей наилучшую способность к прогнозированию продемонстрировал градиентный бустинг, достигший точности 0,8824 и значения ROC-AUC 0,9523. Стекинг-ансамбль позволил получить сбалансированный классификатор с конкурентными показателями.

Обсуждение: результаты подтверждают эффективность современных ансамблевых методов для моделирования комплексных социально-экономических зависимостей. Построенные модели служат инструментом для аналитической поддержки управленческих решений, позволяя оценивать потенциальное влияние изменений в отдельных сферах на интегральный показатель развития региона. Перспективой работы является углубление интерпретации моделей для выработки конкретных рекомендаций.

Ключевые слова: индекс человеческого развития; машинное обучение; градиентный бустинг; социально-экономические показатели; регионы России; классификация, стекинг-ансамбль.

Для цитирования: Орлова Е. А. Машинное обучение в комплексном исследовании индекса человеческого развития // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 2 (34). – С. 66–77.

Machine Learning in the Comprehensive Study of the Human Development Index

Ekaterina A. Orlova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student, Faculty of Economics and Finance

E-mail: eorlova-22@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor:

Svetlana V. Polyanskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: polyanskaya-sv@ranepa.ru

Abstract

Introduction: An urgent task of regional policy consists not only in monitoring the human development index, but also in identifying key socio-economic factors determining its level. Realizing these dependencies necessitates the development of evidence-based measures to reduce inter-regional inequality and improve the quality of life.

Methods: The study is based on the analysis of official statistical data. The target indicator was transformed into a binary variable for classification tasks based on the median value. After processing the gaps and generating new features, six machine learning algorithms, including linear and ensemble methods, were trained and optimized. A stacking ensemble was additionally developed to integrate their strengths. The quality of the models was assessed using complex metrics in a test sample.

Results: Correlation analysis has revealed a strong negative relationship between the index and the level of poverty and unemployment, and a strong positive relationship with the indicators of demographic burden and economic activity. Among the models, gradient boosting demonstrated the best predictive ability, reaching an accuracy of 0.8824 and a ROC-AUC value of 0.9523. The stacking ensemble has enabled us to obtain a balanced classifier with competitive indicators.

Discussion: The results have confirmed the effectiveness of modern ensemble methods for modeling complex socio-economic dependencies. The constructed models serve as a tool for analytical support of management decisions, providing the opportunity to assess the potential impact of changes in individual areas on the integral indicator of the region's development. The future work will focus on providing a more profound interpretation of the models to develop specific recommendations.

Keywords: human development index; machine learning; gradient boosting; socio-economic indicators; regions of Russia; classification, stacking ensemble.

For citation: Orlova, E. A. (2026) Machine Learning in a Comprehensive Human Development Index Study. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, no. 2 (34). Pp. 66–77. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Индекс человеческого развития (ИЧР) представляет собой интегральный показатель, характеризующий уровень благосостояния и качество жизни населения на основе ожидаемой продолжительности жизни, уровня образования и дохода на душу населе-

ния^{1, 2, 3}. В условиях нарастающей дифференциации социально-экономического развития субъектов Российской Федерации актуальной задачей становится не только мониторинг значений ИЧР⁴, но и выявление определяющих его факторов, что необходимо для формирования научно обоснованных стратегий региональной политики и сокращения неравенства.

Цель исследования — построение и сравнительный анализ моделей машинного обучения для прогнозирования уровня человеческого развития на основе социально-экономических показателей российских регионов. В рамках работы проведены сбор и предварительный анализ данных по 39 признакам для 85 субъектов РФ, обработка пропущенных значений, генерация новых признаков и бинарное разделение регионов на группы с высоким и низким ИЧР. Основное внимание уделено обучению и настройке гиперпараметров алгоритмов классификации (логистическая регрессия, случайный лес, градиентный бустинг, CatBoost), а также построению стекинг-ансамбля для повышения качества прогнозирования.

Научная новизна работы заключается в применении комплексного подхода к моделированию ИЧР с использованием современных методов машинного обучения и инженерии признаков. Практическая значимость полученных моделей состоит в возможности их использования для поддержки управленческих решений и оценки влияния социально-экономических факторов на интегральный показатель регионального развития.

МЕТОДЫ

Исследование проводилось на основе данных официальной статистики (с сайта <https://rosstat.gov.ru>) по 85 субъектам РФ. Исходный набор данных содержал 255 наблюдений с 40 признаками, включая целевой показатель — индекс человеческого развития. Целевая переменная была преобразована в бинарный признак для задачи классификации⁵. Порог разделения был выбран как медианное значение ИЧР по всем регионам (0,840). Регионы со значением ИЧР, равным или превышающим медиану, были отнесены к классу «высокий ИЧР» (131 наблюдение), остальные — к классу «низкий ИЧР» (124 наблюдения).

Предварительный анализ данных выявил наличие пропущенных значений в нескольких признаках: «Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. жителей»

¹ Буценко И. Н. Индекс человеческого развития — инструмент сравнения глобальных тенденций развития человечества // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики : Труды XXIII Международной научно-практической конференции. Симферополь – Гурзуф, 17–19 октября 2024 года. Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2024. С. 72–74. EDN: НОСТКУ

² Кузнецова М. В., Ивашина Н. С. Социально-экономическое развитие через призму индексов человеческого развития и развития человеческого капитала // Устойчивое развитие территорий: теория и практика : Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х томах. Сибай, 14–16 ноября 2019 года. Т. 2. Сибай: Сибайский информационный центр-филиал ГУП РБ ИД «Республика Башкортостан», 2019. С. 357–359. EDN: EUUTNA

³ Каменева А. И., Карпухно И. А. Зависимость индекса человеческого развития от роста валового внутреннего продукта на примере Норвегии // Экономическая теория в условиях глобализации экономики : Тезисы докладов и выступлений XI Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Донецк, 13–14 марта 2019 года / Под общ. ред. Л. И. Дмитриченко. Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. С. 172–173. EDN: NGLVAN

⁴ Камалдинова И. М., Мухаметшина Г. Р. Анализ индекса человеческого развития России и его роль в темпах экономического развития страны // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2023. Т. 28, № 2. С. 106–114. DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2023.2.28.013. EDN: AYMPQE

⁵ Михайлова С. С., Гринева Н. В. Разработка модели бинарной классификации на малых данных с использованием методов машинного обучения // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 1. С. 129–140. DOI: 10.33693/2541-8025-2024-20-1-129-140. EDN: WFJKOK

(10 пропусков), «Численность студентов высшего образования на 10 000 человек населения» (3 пропуска) и «Численность зрителей театров на 1000 человек» (9 пропусков). Для сохранения объема выборки пропущенные значения были заполнены медианными значениями соответствующих признаков. Для выявления первичных взаимосвязей был проведен корреляционный анализ между ИЧР и всеми независимыми переменными. По абсолютному значению коэффициента корреляции Пирсона был составлен рейтинг топ-10 наиболее влиятельных признаков. Наиболее сильные отрицательные связи были выявлены с уровнем бедности и уровнем безработицы, а положительные — с численностью занятых, приходящихся на одного пенсионера, и оборотом розничной торговли на душу населения.

Для повышения предсказательной силы моделей была применена инженерия признаков. На основе исходных переменных, показавших высокую корреляцию с целевым показателем, были созданы новые признаки. Методами генерации выступили попарное умножение (взаимодействие) и деление наиболее информативных показателей, таких как численность населения, оборот розничной торговли и объем транспортных услуг. В результате было создано 20 новых синтетических признаков, а общее количество признаков для моделирования увеличилось до 52.

Далее данные были стандартизированы для приведения всех признаков к единому масштабу, что является важным этапом для многих алгоритмов машинного обучения, в частности для логистической регрессии и методов, основанных на расчете расстояний. Выборка была разделена на обучающую и тестовую части в соотношении 80 % к 20 % (204 и 51 наблюдение соответственно).

Для построения моделей зависимости был использован набор базовых алгоритмов машинного обучения, репрезентативных для разных подходов. Логистическая регрессия (Logistic Regression) была выбрана в качестве базовой линейной модели. Ее принцип работы основан на оценке вероятности принадлежности к классу путем построения линейной комбинации признаков. Модель интерпретируема, а сила влияния каждого признака выражается через коэффициенты. Однако она предполагает линейную зависимость между признаками и логарифмом шансов, что может быть ограничением для сложных данных.

Случайный лес (Random Forest) представляет собой ансамбль решающих деревьев. Его ключевая идея — построение множества некоррелированных деревьев на различных подвыборках данных с использованием случайного подмножества признаков в каждом узле. Итоговый прогноз формируется путем голосования всех деревьев. Этот подход эффективно снижает переобучение, характерное для отдельных деревьев, и повышает устойчивость модели.

Экстра-деревья (Extra Trees) — это вариант ансамбля деревьев, который вносит дополнительную рандомизацию в процесс обучения. В отличие от случайного леса, где в узле выбирается лучшее разделение из случайного подмножества признаков, в экстра-деревьях разделение выбирается совершенно случайно. Это делает обучение быстрее.

Адаптивный бустинг⁶ (AdaBoost) — один из первых практических алгоритмов бустинга. На каждой итерации он увеличивает веса неверно классифицированных объектов, заставляя последующую базовую модель (чаще всего «пни» — деревья глубины 1) концентрироваться на сложных случаях. Итоговый прогноз — взвешенное голосование всех моделей. Однако алгоритм может быть чувствителен к шуму в данных.

⁶ Рукомин М. А. Обзор ансамблевых моделей предиктивной аналитики и их сравнение с традиционными ML-подходами // Вестник науки. 2025. Т. 1, № 8 (89). С. 368–373. EDN: GJBKYS

Градиентный бустинг (Gradient Boosting) — это мощный ансамблевый метод, основанный на принципе бустинга. Он последовательно строит множество слабых моделей (обычно неглубоких деревьев), где каждая новая модель обучается фокусироваться на ошибках, допущенных предыдущими. Цель — минимизировать функцию потерь с помощью градиентного спуска. Этот метод особенно эффективен для выявления сложных нелинейных зависимостей и взаимодействий признаков.

Также использован CatBoost — реализация градиентного бустинга от Yandex, использующая упорядоченное бустинговое дерево и специальные методы обработки категориальных переменных, что часто приводит к высокой точности «из коробки» без обширной предобработки.

Для каждого алгоритма были определены гиперпараметры для оптимизации^{7,8}. В качестве основной метрики для оптимизации использовалась доля правильных ответов (ДПО — accuracy). После выбора лучшей конфигурации модель заново обучалась на всей обучающей выборке и оценивалась на независимой тестовой выборке.

Качество окончательных моделей оценивалось по набору метрик, включающему accuracy, precision (точность), recall (полнота), F1-мера (гармоническое среднее точности и полноты) и ROC-AUC (площадь под ROC-кривой, характеризующая способность модели к разделению классов). Для интеграции сильных сторон отдельных алгоритмов был применен метод построения обобщенной модели на основе данных, полученных на базовых моделях (метод стекинга — Stacking). В качестве базовых моделей были выбраны три алгоритма, показавшие наилучшие результаты по accuracy на тестовой выборке: экстра-деревья (Extra Trees), градиентный бустинг (Gradient Boosting⁹) и CatBoost¹⁰. Все этапы анализа, предобработки данных, обучения и валидации моделей были реализованы с использованием языка программирования Python.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты предварительного анализа данных показали, что индекс человеческого развития в исследуемой выборке регионов России варьируется в диапазоне от 0,771 до 0,940, со средним значением 0,842 и медианой 0,840. Распределение регионов по бинарной целевой переменной, основанной на медианном пороге, оказалось сбалансированным (рис. 1).

Анализ корреляционной матрицы выявил наиболее сильные линейные связи ИЧР с другими показателями. Наибольшую отрицательную корреляцию продемонстрировали уровень бедности (-0,686) и уровень безработицы населения (-0,627). Наиболее сильные положительные связи наблюдались с показателем численности занятых, приходящихся на одного пенсионера (0,586), и оборотом розничной торговли на душу населения (0,514). Топ-10 значимых признаков представлен в таблице 1.

⁷ Астапов Р. Л., Мухамедеева Р. М. Автоматизация подбора параметров машинного обучения и обучение модели машинного обучения // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 5-2 (73). С. 34–37. EDN: GJEUNW

⁸ Колосов В. С. Возможности оптимизации гиперпараметров для разработки моделей градиентного бустинга на примере открытого набора данных // Медицина будущего 2025 : Материалы Всероссийского научного форума с международным участием. Тюмень, 27–29 марта 2025 года. Тюмень: РИЦ «Айвекс», 2025. С. 149–150. EDN: FSBJOT

⁹ Макаров С. М. Прогнозирование уровня отклонений в производственном процессе с помощью регрессии на основе градиентного бустинга // Парадигма. 2025. № 5-2. С. 137–144. EDN: IFPBFR

¹⁰ Шуткина Е. В., Курашкин С. О. Применение метода CATBOOST для задачи прогнозирования СХД // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : сборник материалов X Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию академика М. Ф. Решетнева и Дню космонавтики: в 3-х томах. Красноярск, 08–12 апреля 2024 года. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М. Ф. Решетнева, 2024. С. 251–253. EDN: LDGCVK

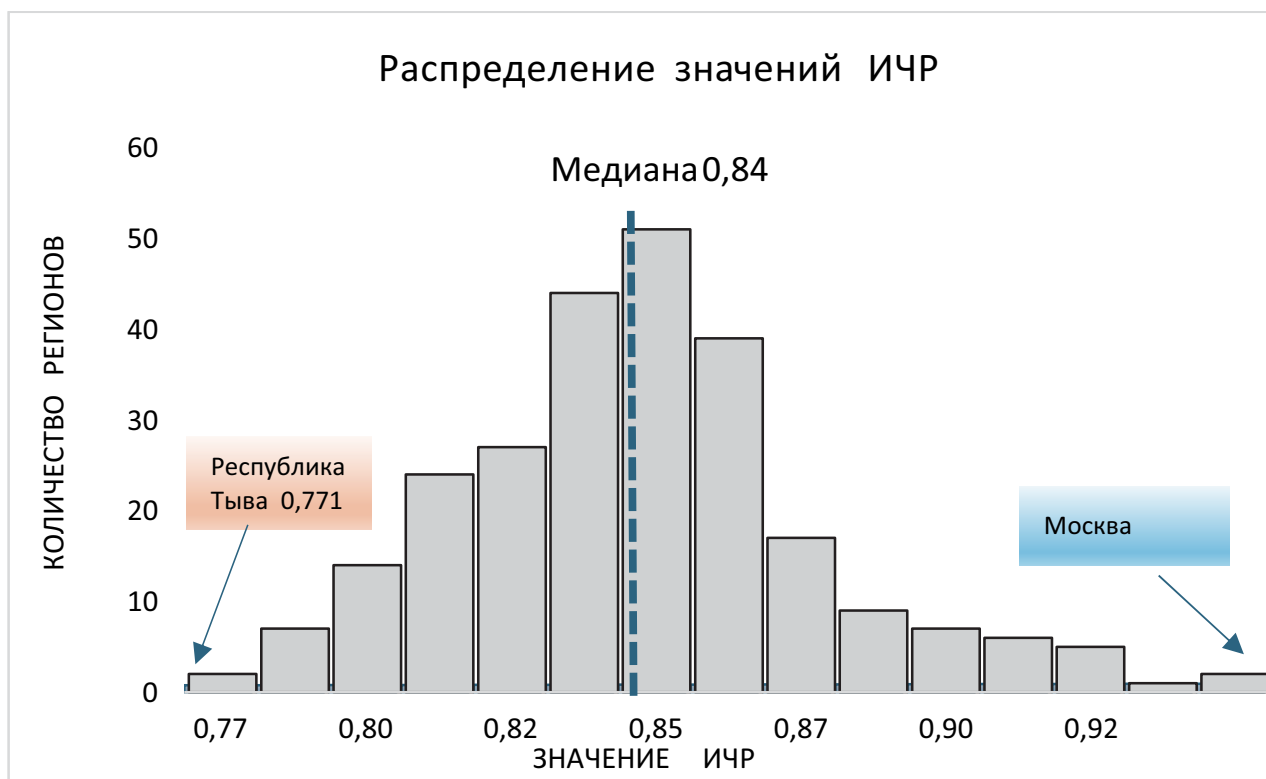

Рис. 1. Распределение ИЧР по регионам (составлено автором по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru>)

Таблица 1

Топ-10 признаков по абсолютной корреляции с ИЧР

№	Показатель	Положительная/отрицательная	Значение
1	Уровень бедности, в %	отрицательная	-0,686 (сильная)
2	Уровень безработицы, в %	отрицательная	-0,627 (сильная)
3	Численность занятых на одного пенсионера, чел.	положительная	0,586 (сильная)
4	Оборот розничной торговли на душу населения	положительная	0,514 (сильная)
5	Объем транспортных услуг на душу населения	положительная	0,421 (средняя)
6	Уровень инновационной активности организаций, в %	положительная	0,378 (средняя)
7	Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в %	положительная	0,340 (средняя)
8	Численность студентов высшего образования на 10 000 чел. населения	положительная	0,327 (средняя)
9	Число посещений музеев на 1000 чел. населения	положительная	0,309 (средняя)
10	Объем бытовых услуг на душу населения	положительная	0,292 (слабая)

Источник: составлено автором по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru>.

Оценка качества моделей на тестовой выборке показала следующие результаты. По точности наивысший и идентичный результат (0,8824) продемонстрировали три модели: экстра-деревья (Extra Trees), градиентный бустинг (Gradient Boosting) и CatBoost (рис. 2).

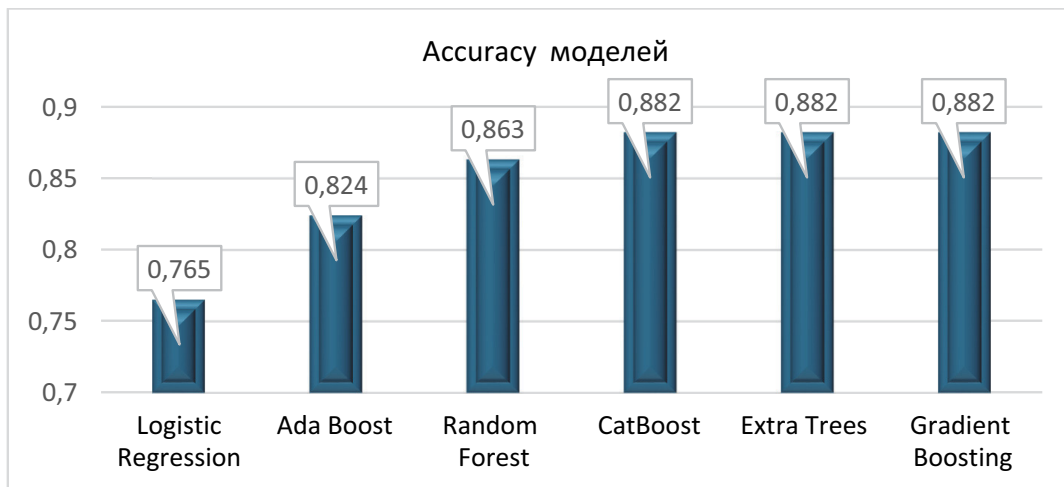

Рис. 2. Точность (Accuracy) моделей на тестовой выборке
(составлено автором по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru>)

Случайный лес показал ассурасу 0,8627, адаптивный бустинг — 0,8235, а логистическая регрессия — 0,7647. Анализ метрики ROC-AUC, более устойчивой к дисбалансу классов, выявил иное ранжирование (рис. 3).

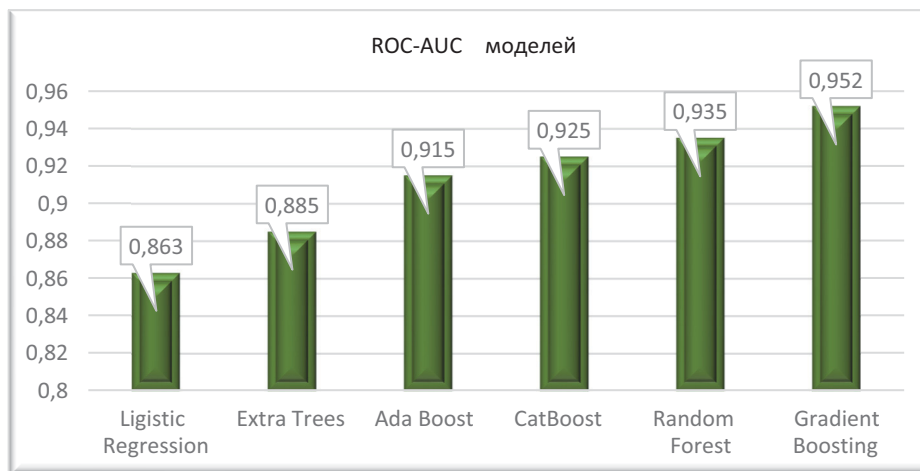

Рис. 3. ROC-AUC моделей на тестовой выборке
(составлено автором по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru>)

Наилучшей способностью к разделению классов обладала модель градиентного бустинга с ROC-AUC 0,9523. За ней следовали случайный лес (0,9354) и CatBoost (0,9246). Модель экстра-деревьев, несмотря на высокую точность (ассурасу), показала относительно низкое значение ROC-AUC (0,8846), что может указывать на менее уверенное разделение классов. Логистическая регрессия показала ROC-AUC 0,8631.

Сравнение метрик на обучающей и тестовой выборках выявило признаки переобучения для ряда ансамблевых моделей. Алгоритмы экстра-деревьев, адаптивного бустинга, градиентного бустинга и CatBoost достигли на тренировочных данных ассурасу и F1-меры, равных 1,0, что указывает на идеальную подгонку. Однако их результаты на тестовой выборке были существенно ниже, особенно это было заметно для экстра-деревьев, у которых разница между тренировочным и тестовым ROC-AUC составила более 0,115 пункта. Наименьший разрыв между качеством на обучении и тесте наблюдался у логистической

регрессии и случайного леса, что свидетельствует о лучшей обобщающей способности этих моделей в рамках данного эксперимента. Сводные данные метрик для всех моделей приведены в таблице 2.

Таблица 2

Метрики для всех моделей

Модель	Выборка	Accuracy	Precision	Recall	F1-score	ROC-AUC
Logistic Regression	Обучающая	0,9559	0,9615	0,9524	0,9569	0,9910
Logistic Regression	Тестовая	0,7647	0,8182	0,6923	0,7500	0,8631
Random Forest	Обучающая	0,9902	0,9813	1,0000	0,9906	0,9999
Random Forest	Тестовая	0,8627	0,8800	0,8462	0,8627	0,9354
Extra Trees	Обучающая	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000
Extra Trees	Тестовая	0,8824	0,8571	0,9231	0,8889	0,8846
AdaBoost	Обучающая	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000
AdaBoost	Тестовая	0,8235	0,8696	0,7692	0,8163	0,9154
Gradient Boosting	Обучающая	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000
Gradient Boosting	Тестовая	0,8824	0,8846	0,8846	0,8846	0,9523
CatBoost	Обучающая	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000
CatBoost	Тестовая	0,8824	0,8846	0,8846	0,8846	0,9246

Источник: составлено автором по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru>.

Построение стекинг-ансамбля на основе трех лучших по ассурасу моделей (экстра-деревья, градиентный бустинг, CatBoost) позволило получить финальную модель. Ее точность (ассурасу) на тестовой выборке составила 0,8824, что соответствует результатам лучших базовых моделей. При этом значение ROC-AUC (0,9308) превысило соответствующий показатель модели экстра-деревьев (0,8846) на 0,0462, а также превзошло результат CatBoost (0,9246), хотя и не достигло значения градиентного бустинга (0,9523). Таким образом, построение ансамбля позволило получить модель, которая по комплексной метрике ROC-AUC улучшила результат одного из базовых алгоритмов, сохранив при этом максимально достижимую в эксперименте точность классификации (ассурасу).

ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты исследования подтверждают, что современные ансамблевые методы машинного обучения, особенно градиентный бустинг, способны с высокой точностью прогнозировать уровень человеческого развития в регионах России. Выявленные различия в эффективности алгоритмов обусловлены их архитектурными особенностями и способностью улавливать нелинейные зависимости в социально-экономических данных.

Наилучшие результаты градиентного бустинга (ROC-AUC = 0,9523, ассурасу = 0,8824) объясняются его ключевым принципом работы: последовательным построением ансамбля слабых моделей, каждая из которых корректирует ошибки предыдущих. Такая итеративная минимизация ошибки позволяет эффективно выявлять сложные нелинейные взаимосвязи, характерные для региональных социально-экономических систем.

Низкая эффективность логистической регрессии (ассурасу = 0,7647, ROC-AUC = 0,8631) закономерна: как линейный классификатор она неспособна адекватно отразить нелинейный характер зависимостей между ИЧР и комплексом социально-экономических факторов, что подтверждается успехом нелинейных методов.

Показательно сравнение случайного леса и экстра-деревьев. При сопоставимой точности (0,8627 и 0,8824 соответственно) экстра-деревья продемонстрировали значительно более низкий ROC-AUC (0,8846 против 0,9354), что указывает на «неуверенность» прогнозов с вероятностями, близкими к пороговым значениям. Это следствие повышенной рандомизации при построении деревьев, приводящей к менее калиброванным вероятностным оценкам. Случайный лес показал наименьший разрыв между обучающими и тестовыми метриками, подтверждая лучшую обобщающую способность.

Результаты CatBoost и адаптивного бустинга согласуются с общей эффективностью бустинговых алгоритмов. CatBoost незначительно уступил градиентному бустингу по ROC-AUC при равной точности, тогда как адаптивный бустинг показал более скромные результаты, что может объясняться его чувствительностью к шумам в данных.

Для сравнения моделей график ROC-кривых приведен на рисунке 4.

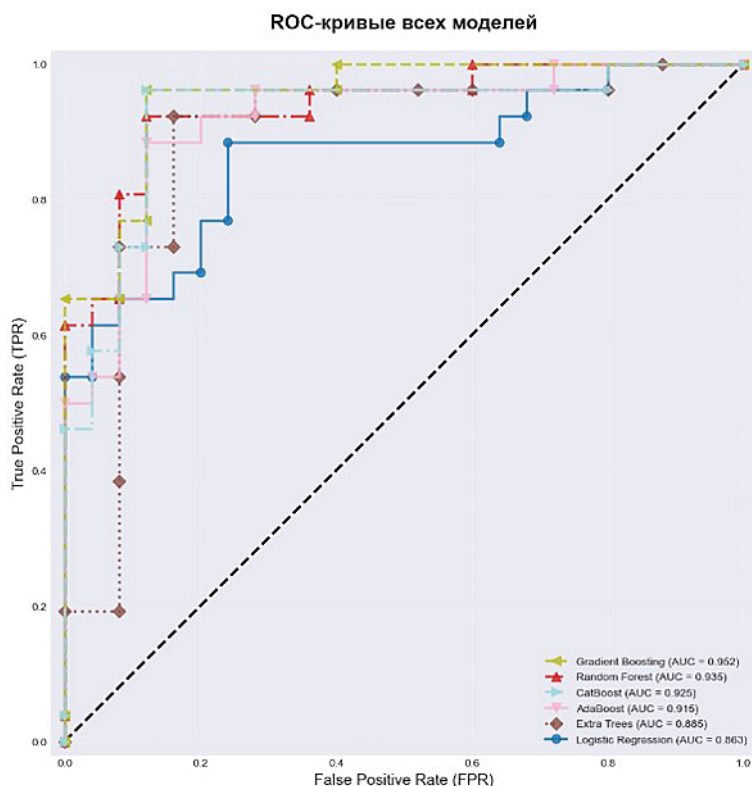

Рис. 4. ROC-кривые моделей на тестовой выборке (составлено автором по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru>)

Успех стекинг-ансамбля, повысившего ROC-AUC по сравнению с экстра-деревьями на 0,0462, подтверждает перспективность комбинирования разнородных алгоритмов.

Основным ограничением работы выступает размер выборки (255 наблюдений при 52 признаках), что повышает риск переобучения сложных моделей. Перспективным направлением дальнейших исследований является применение методов интерпретируемого искусственного интеллекта (SHAP, LIME) для оценки вклада отдельных факторов в прогноз, что имеет высокую практическую ценность для органов управления.

ВЫВОД

Проведенное исследование подтвердило эффективность применения методов машинного обучения для построения прогностических моделей уровня человеческого развития на основе социально-экономических показателей регионов РФ. Анализ данных по

85 субъектам выявил, что ИЧР наиболее тесно связан с уровнем бедности, уровнем безработицы, демографической нагрузкой (численность занятых на одного пенсионера) и экономической активностью населения (оборот розничной торговли).

Сравнительный анализ шести алгоритмов классификации показал превосходство нелинейных ансамблевых методов над линейными подходами. Наилучшие результаты продемонстрировал градиентный бустинг (ROC-AUC = 0,9523, accuracy = 0,8824), что подтверждает существенно нелинейный характер зависимости ИЧР от комплекса социально-экономических факторов. Построение стекинг-ансамбля на основе лучших моделей позволило получить сбалансированный классификатор, сочетающий сильные стороны различных алгоритмов.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования разработанных моделей для мониторинга и прогнозирования регионального развития, а также для оценки влияния управленческих решений на интегральный показатель качества жизни населения. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются расширение временного горизонта анализа, применение методов интерпретируемого искусственного интеллекта и включение дополнительных социально-экономических индикаторов.

Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научное направление статьи — экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика).

Список источников

1. Астапов Р. Л. Автоматизация подбора параметров машинного обучения и обучение модели машинного обучения / Р. Л. Астапов, Р. М. Мухамадеева // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 5-2 (73). С. 34–37. EDN: GJEUNW
2. Буценко И. Н. Индекс человеческого развития — инструмент сравнения глобальных тенденций развития человечества / И. Н. Буценко // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики : Труды XXIII Международной научно-практической конференции, Симферополь – Гурзуф, 17–19 октября 2024 года. Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2024. С. 72–74. EDN: НОСТКУ
3. Камалдинова И. М. Анализ индекса человеческого развития России и его роль в темпах экономического развития страны / И. М. Камалдинова, Г. Р. Мухаметшина // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2023. Т. 28, № 2. С. 106–114. DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2023.2.28.013. EDN: AYMPQE
4. Каменева А. И. Зависимость индекса человеческого развития от роста валового внутреннего продукта на примере Норвегии / А. И. Каменева, И. А. Карпухно // Экономическая теория в условиях глобализации экономики : Тезисы докладов и выступлений XI Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Донецк, 13–14 марта 2019 года / Под общ. ред. Л. И. Дмитриченко. Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. С. 172–173. EDN: NGLVAN
5. Колосов В. С. Возможности оптимизации гиперпараметров для разработки моделей градиентного бустинга на примере открытого набора данных / В. С. Колосов // Медицина будущего 2025 : Материалы Всероссийского научного форума с международным участием. Тюмень, 27–29 марта 2025 года. Тюмень: РИЦ «Айвекс», 2025. С. 149–150. EDN: FSBJOT
6. Кузнецова М. В. Социально-экономическое развитие через призму индексов человеческого развития и развития человеческого капитала / М. В. Кузнецова, Н. С. Ивашина // Устойчивое развитие территорий: теория и практика : Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х тт. Сибай, 14–16

ноября 2019 года. Т. 2. Сибай: Сибайский информационный центр-филиал ГУП РБ ИД «Республика Башкортостан», 2019. С. 357–359. EDN: EUUTNA

7. Макаров С. М. Прогнозирование уровня отклонений в производственном процессе с помощью регрессии на основе градиентного бустинга / С. М. Макаров // Парадигма. 2025. № 5-2. С. 137–144. EDN: IFPBFR

8. Михайлова С. С. Разработка модели бинарной классификации на малых данных с использованием методов машинного обучения / С. С. Михайлова, Н. В. Гринева // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 1. С. 129–140. DOI: 10.33693/2541-8025-2024-20-1-129-140. EDN: WFJKOK

9. Рукомин М. А. Обзор ансамблевых моделей предиктивной аналитики и их сравнение с традиционными ML-подходами / М. А. Рукомин // Вестник науки. 2025. Т. 1, № 8 (89). С. 368–373. EDN: GJBKYS

10. Шуткина Е. В. Применение метода CATBOOST для задачи прогнозирования СХД / Е. В. Шуткина, С. О. Курашкин // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : сборник материалов X Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию академика М. Ф. Решетнева и Дню космонавтики: в 3-х тт. Красноярск, 08–12 апреля 2024 года. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М. Ф. Решетнева, 2024. С. 251–253. EDN: LDGCVK

Сведения об авторе:

Орлова Екатерина Андреевна, студентка 4-го курса бакалавриата, факультет экономики и финансов, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: eorlova-22@edu.ranepa.ru

Научный руководитель: Полянская Светлана Владимировна, кандидат технических наук, доцент кафедры бизнес-информатики, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: polyanskaya-sv@ranepa.ru

References

1. Astapov, R. L., Mukhamadeeva, R. M. (2021) Selection's Automatization of Machine Learning Parameters and Training a Machine Learning Model. *Current scientific research in the modern world*. No. 5-2 (73). P. 34–37. EDN: GJEUNW (In Russ.)

2. Butsenko, I. N. (2024) Human Development Index — a tool for comparing global trends in human development. *Current problems and prospects for economic development: Proceedings of the XXIII International Scientific and Practical Conference, Simferopol – Gurzuf, October 17–19, 2024*. Simferopol: IP Zueva T. V. Pp. 72–74. EDN: HOCTKY (In Russ.)

3. Kamaldinova, I. M., Mukhametshina, G. R. (2023) Analysis of Russian Human Development Index and Its Role in The Pace of Economic Development of Country. *Bulletin of the Rostov State Economic University (RINH)*. Vol. 28, no. 2. Pp. 106–114. DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2023.2.28.013. EDN: AYMPQE (In Russ.)

4. Kameneva, A. I., Karpukhno, I. A. (2019) Dependence of the Human Development Index on the Growth of Gross Domestic Product: The Case of Norway. *Economic Theory in the Context of Economic Globalization: Abstracts of Reports and Presentations at the XI International Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists*. Donetsk, March

- 13–14, 2019 / General Editor L. I. Dmitrichenko. Donetsk: *Donetsk National University*. Pp. 172–173. EDN: NGLVAN (In Russ.)
5. Kolosov, V. S. (2025) Possibilities of Hyperparameter Optimization for Developing Gradient Boosting Models: The Case of an Open Dataset. *Medicine of the Future 2025: Proceedings of the All-Russian Scientific Forum with International Participation*. Tyumen, March 27–29, 2025. Tyumen: *RIC "Aivex"*. Pp. 149–150. EDN: FSBJOT (In Russ.)
6. Kuznetsova, M. V., Ivashina, N. S. (2019) Socio-economic development through the prism of human development indices and human capital development. Sustainable development of territories: theory and practice: Proceedings of the 10th All-Russian scientific and practical conference with international participation. In 2 vol. Sibay, November 14–16, 2019. Vol. 2. Sibay: *Sibay Information Center-branch of the State Unitary Enterprise of the Republic of Bashkortostan Publishing House*. Pp. 357–359. EDN: EUUTNA (In Russ.)
7. Makarov, S. M. (2025) Forecasting the Level of Deviations in the Production Process Using Regression Based on Gradient Boosting. *Paradigm*. No. 5-2. Pp. 137–144. EDN: IFPBFR (In Russ.)
8. Mikhailova, S. S., Grineva, N. V. (2024) Development of a Binary Classification Model Based on Small Data Using Machine Learning Methods. *Economics Problems and Legal Practice*. Vol. 20, no. 1. Pp. 129–140. DOI: 10.33693/2541-8025-2024-20-1-129-140. EDN: WFJKOK (In Russ.)
9. Rukomin, M. A. (2025) Review of Ensemble Models in Predictive Analytics and Their Comparison with Traditional Machine Learning Approaches. *Vestnik nauki*. Vol. 1, no. 8 (89). Pp. 368–373. EDN: GJBKYS (In Russ.)
10. Shutkina, E. V., Kurashkin, S. O. (2024) Application of the CATBOOST Method to the Problem of Predicting CCHD Prediction. Actual Problems of Aviation and Cosmonautics: Collection of Materials of the X International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Academician M. F. Reshetnev and Cosmonautics Day: in 3 vol. Krasnoyarsk, April 8–12, 2024. Krasnoyarsk: *Siberian State University of Science and Technology named after academician M. F. Reshetnev*. Pp. 251–253. EDN: LDGCVK (In Russ.)

About the Author:

Ekaterina A. Orlova, BA student, Faculty of Economics and Finance, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: eorlova-22@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor: Svetlana V. Polyanskaya, PhD of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Business Informatics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: polyanskaya-sv@ranepa.ru

«ПатентУм» как цифровое решение охраны прав интеллектуальной собственности в Российской Федерации¹

Ратцева Анастасия Романовна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студентка 5-го курса специалитета, факультет безопасности и таможи

E-mail: arattseva-21@edu.ranepa.ru

Суходол Ева Тимуровна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студентка 5-го курса специалитета, факультет безопасности и таможи

E-mail: esukhodol-20@edu.ranepa.ru

Научный руководитель:

Гетман Анастасия Геннадьевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западного института управления

E-mail: getman-ag@ranepa.ru

Аннотация

Введение: институт интеллектуальной собственности в Российской Федерации развивается и совершенствуется, о чем говорят значительный рост регистраций объектов интеллектуальной собственности в Роспатенте и стратегические приоритеты страны, отраженные в фундаментальных программных документах. Данные факторы создают беспрецедентную базу для разработки и развития отечественных платформ в сфере интеллектуальной собственности. В статье обосновывается необходимость создания цифровой платформы как инновационного инструмента охраны объектов интеллектуальной собственности в России.

Методология и материалы: при написании статьи использовались российские и международные нормативные акты в сфере охраны интеллектуальной собственности, статистические данные Роспатента, научные исследования. Применялись эмпирические методы исследования: опрос целевой аудитории, а также сравнение ключевых игроков в сфере интеллектуальной собственности.

Результаты исследования и их обсуждение: проанализировав актуальные тенденции и проблемы в сфере интеллектуальной собственности, авторы предлагают идею разработки мобильного средства, способного нивелировать существующие экономические, правовые и социальные барьеры. В статье приведен анализ существующих конкурентов на российском рынке с указанием фундаментальных конкурентных преимуществ, а также представлены результаты опросов целевой аудитории.

Выводы: разработка технологичного и комплексного мобильного инструмента в сфере охраны интеллектуальной собственности является актуальной потребностью российского общества. «ПатентУм», аналогов которого на российских и зарубежных площадках не представлено, может стать качественным инфраструктурным решением

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Инициативных научно-исследовательских работ СЗИУ РАНХиГС.

для новой экономики, где интеллектуальная собственность становится реальным экономическим активом.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, товарный знак, патент, технологический суверенитет, автоматизация.

Вклад авторов: *Ратцева А. Р.* выполнила исследование и анализ рынка интеллектуальной собственности в РФ, подготовила описание концептуальной модели предлагаемого к разработке цифрового инструмента; *Суходол Е. Т.* подготовила описание теоретической базы исследования, провела анкетирование целевой аудитории и описала его результаты.

Для цитирования: *Ратцева А. Р., Суходол Е. Т.* «ПатентУм» как цифровое решение охраны прав интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 2 (34). – С. 78–90.

“PatentUm” as a Digital Solution for Protecting Intellectual Property Rights in the Russian Federation¹

Anastasia R. Rattseva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student, Faculty of Security and Customs

E-mail: arattseva-21@edu.ranepa.ru

Eva T. Sukhodol, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student, Faculty of Security and Customs

E-mail: esukhodol-20@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor:

Anastasia G. Getman

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: getman-ag@ranepa.ru

Abstract

Introduction: The institution of intellectual property in the Russian Federation has been developing and improving, as evidenced by the significant growth in intellectual property registrations with Rospatent, as well as the country’s strategic priorities highlighted in the fundamental policy documents. These factors have created the unprecedented basis for the development and advancement of domestic intellectual property platforms. The article substantiates the need to create a digital platform as the innovative tool for protecting intellectual property in Russia.

Methodology and Materials: The authors relied on the Russian and international regulations in the field of intellectual property protection, the statistical data from Rospatent, as well as academic research findings. The empirical research methods were employed: the survey of the target audience, and the comparative analysis of the key players in the field of intellectual property.

¹ The article was prepared as part of the implementation of initiative research works of the RANEPА, Institute of the North-West Administration.

Research Results and Discussion: Based on the analysis of some current trends and issues in the field of intellectual property, the authors put forward the idea of developing a mobile tool capable of eliminating existing economic, legal, and social barriers. The analysis of the existing competitors in the Russian market is provided, indicating their fundamental competitive advantages, and the results of the survey of the target audience are presented.

Conclusions: The development of the technologically advanced and comprehensive mobile tool for intellectual property protection is a pressing need in the Russian society. PatentUm, which has no equivalent in the Russian or international markets, could become a high-quality infrastructure solution for the new economy, where intellectual property is becoming a tangible economic asset.

Keywords: Intellectual property; trademark; patent; technological sovereignty; automation.

Author contributions: *Anastasia R. Rattseva* — research and analysis of the intellectual property market in the Russian Federation, description of the conceptual model of the proposed digital tool; *Eva T. Sukhodol* — description of the theoretical basis of the study, conducting a target audience survey, and describing its results.

For citation: Rattseva, A. R., Sukhodol, E. T. (2026) “PatentUm” as a Digital Solution for Protecting Intellectual Property Rights in the Russian Federation. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, no. 2 (34). Pp. 78–90. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Тенденция современности такова, что институт интеллектуальной собственности в Российской Федерации укрепляется, растет и трансформируется. Этот факт подтверждает как положительная динамика регистрация интеллектуальных прав, так и фундаментальные национальные программные документы по развитию сферы интеллектуальной собственности. Данные аспекты закладывают основу для разработки отечественного цифрового решения, предназначенного для оптимизации процесса регистрации объектов интеллектуальной собственности, стимулирования создания новых результатов интеллектуальной деятельности и всесторонней их защиты.

Цель исследования — предложение внедрения комплексного цифрового инструмента «ПатентУм» для обеспечения высокого уровня охраны интеллектуальных прав.

Для реализации поставленной цели определены следующие задачи:

1. Дифференцировать понятия «охрана» и «защита» в контексте института интеллектуальной собственности.
2. Оценить актуальное состояние и динамику развития института интеллектуальной собственности в Российской Федерации.
3. Рассмотреть существующие инструменты охраны интеллектуальных прав, предоставленные правообладателям и бизнесу в России.
4. Рассмотреть функциональное наполнение разрабатываемого мобильного приложения «ПатентУм».
5. Выявить и обосновать ключевые преимущества внедрения мобильного приложения «ПатентУм».

МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛЫ

При написании статьи использовались российские и международные нормативные акты в сфере охраны интеллектуальной собственности (Гражданский Кодекс РФ, Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, и т. д.), статистические данные Роспатента, научные исследования и фундаментальные труды таких авторов, как П. П. Баттахов, П. Н. Бирюков, А. Г. Гетман, И. А. Зенин, Н. М. Коршунов, Н. Д. Эриашвили и иных исследователей.

К методам исследования относятся анализ и синтез материала, интервью потенциальной целевой аудитории, сравнение конкурентных преимуществ и характеристик существующих цифровых инструментов, а также описательная статистика.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Цифровизация в условиях реального времени ознаменовала выход интеллектуальной собственности в Российской Федерации на значимый уровень среди нематериальных активов. Вопросы правового регулирования этой сферы встают в обществе как никогда остро и приобретают особую актуальность. Массовые явления промышленного шпионажа, незаконного использования авторских прав, подделки товарных знаков иллюстрируют некомпетентность общества, а также недоступность квалифицированной помощи в сфере института интеллектуальной собственности. Авторы статьи предлагают решить существующие проблемы посредством создания комплексного мобильного инструмента «ПатентУм».

В соответствии с Конвенцией об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (п. VIII ст. 2) под интеллектуальными правами понимаются права, относящиеся к:

- литературным, художественным и научным произведениям,
- исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам,
- изобретениям во всех областях человеческой деятельности,
- научным открытиям,
- промышленным образцам,
- товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям,
- защите против недобросовестной конкуренции,
- а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях².

Механизмы и особенности правового регулирования института интеллектуальной собственности в России изложены в части 4 Гражданского Кодекса РФ, а также в ряде федеральных законов и международных правовых актов.

Охрана прав на интеллектуальную собственность является фундаментальным механизмом, лежащим в основе стимулирования научной деятельности, снижения рисков незаконного заимствования и создания правовой основы для коммерческого использования разработок. В первую очередь необходимо разграничить понятия «охрана» и «защита» в сфере интеллектуальной собственности. На законодательном уровне закрепленных дефиниций этих понятий нет, однако в научной литературе есть четкое различие по времени возникновения данных терминов на практике.

² Бирюков П. Н. Право интеллектуальной собственности : учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 254 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-21343-0. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 14. URL: <https://urait.ru/bcode/583203/p.14>.

Охрана интеллектуальной собственности подразумевает систему превентивных мер, направленных на недопущение потенциальных нарушений в рассматриваемой области: отечественное и международное нормативно-правовое регулирование, контроль за использованием объектов интеллектуальной собственности и т. д. В отличие от охраны, защита интеллектуальных прав представляет собой набор действий, направленных на предотвращение нарушений в данной сфере и восстановление нарушенного права лица (например, возмещение убытков; уничтожение контрафакта; гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность).

Таким образом, защита интеллектуальных прав — зачастую следствие нарушения прав и начинается свое существование постфактум. Охрана же возникает одновременно с возникновением права на результат интеллектуальной деятельности. Однако отмечается, что оба понятия тесно связаны и не могут существовать друг без друга³.

П. П. Баттахов, например, придерживается той позиции, что понятие «охрана» обладает более обширным содержанием. Понятие «защита» входит в состав первого. В научных изысканиях устанавливается четкая коммуникация между указанными терминами, которые не могут существовать раздельно⁴.

Исходя из анализа двух дефиниций, можно сделать вывод, что подход к терминологии «охрана» и «защита» интеллектуальных прав у исследователей разный, разнятся инструменты, пропорции и время возникновения, однако их тесная взаимосвязь и коммуникация неоспоримы.

Центральным элементом системы охраны объектов интеллектуальной собственности является регистрация прав на результаты интеллектуальной деятельности в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (Роспатенте)⁵.

Реестр товарных знаков в России охватывает свыше миллиона зарегистрированных объектов. С 2024 года Российская Федерация входит в ТОП-10 по количеству зарегистрированных патентов по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее — ВОИС). Примечательно, что за пятилетний период наблюдается двукратное увеличение количества подаваемых заявок, что наглядно отображено на рисунке 1.

Рост количества заявок на регистрацию товарных знаков составил за 2025 год около 23 % по сравнению с 2020 годом, что, несомненно, связано с развитием российского предпринимательского сектора, импортозамещением и увеличением значимости онлайн-площадок для электронной торговли. Несмотря на уход ряда иностранных игроков с российского рынка, отечественные разработчики сумели не только закрыть возникшую «брендовую» нишу, но и увеличить количество подаваемых заявок в Роспатент. Стимулирующей основой набирающих обороты заявок на регистрацию интеллектуальных прав является и ужесточение требований к качеству размещаемой продукции на базе маркетплейсов с целью соблюдения прав на интеллектуальную собственность при формировании карточек товаров. Нарушение авторских прав в целом, по мнению многих авторов, является одной из главных проблем маркетплейсов.⁶

³ Н. М. Коршунов и др. Право интеллектуальной собственности : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н. М. Коршунова, Н. Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ ДАНА: Закон и право, 2012.

⁴ Баттахов П. П. Понятие интеллектуальной собственности и система ее правовой охраны // Modern Science. 2021. № 3-1. С. 134–141. EDN: GIFJOO

⁵ Магомедгаджиева П. М. Регистрация прав как способ защиты права интеллектуальной собственности // Теоретические и практические основы научного прогресса в современном обществе : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Ижевск, 12 сентября 2025 года. Уфа: Омега сайнс, 2025. С. 72–74. EDN: UWFYSA

⁶ Высогурская Т. В., Агбалова Е. Н. Проблемы нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности на маркетплейсах // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития : Сборник статей X Национальной научно-практической конференции (симпозиума), Краснодар, 16 апреля 2025 года. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2025. С. 45–50. EDN: EALEOE

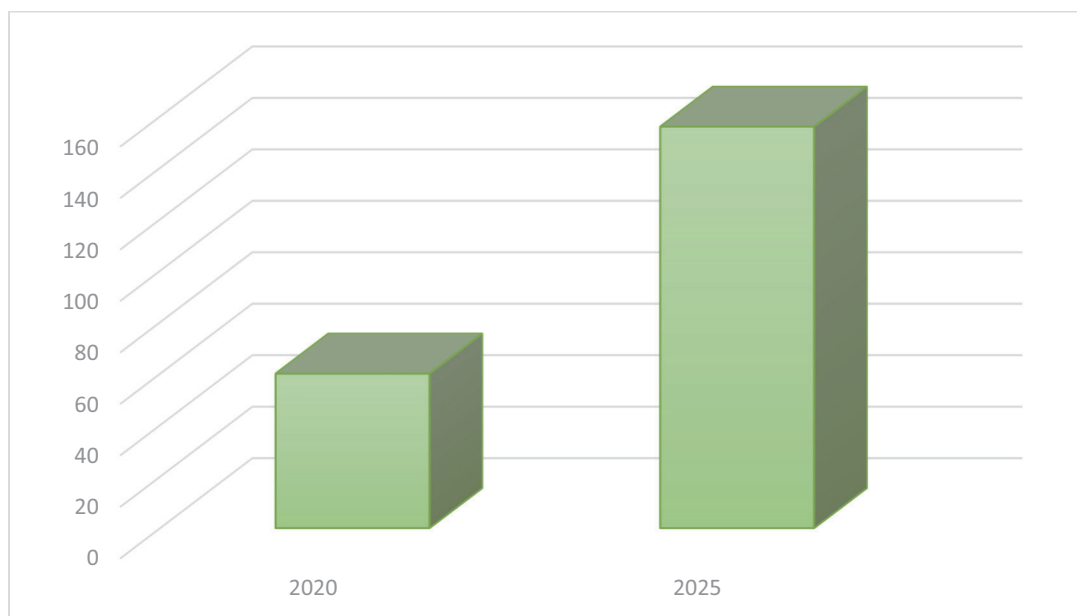

Рис. 1. Количество заявок в Роспатент для регистрации товарных знаков. 2020 и 2025 гг.⁷

За минувшее пятилетие система охраны прав интеллектуальной собственности в России вышла на новый уровень: сформирован иной формат сотрудничества между государством и ключевыми участниками инновационной деятельности посредством цифровизации государственных услуг. Около 80 % заявок в Роспатент подаются в электронном виде, а весь объем патентов и товарных знаков выдается в цифровой версии. Заметна тенденция укрепления заинтересованности в охране прав на изобретения и разработки, стимулируется коммерциализация разработок, усиливается влияние искусственного интеллекта на все сферы жизни, который порождает еще больше неопределенности в сфере интеллектуальных прав вообще и их охраны в частности⁸. Действительность такова, что интеллектуальная собственность становится большим, чем просто абстрактное и далекое от общества понятие. Сейчас это реальный экономический актив, который нуждается в надежной охране. За последние 4 года инвестиции в интеллектуальную собственность в России выросли в 3 раза, что составляет около 6 % от общего объема вложений инвесторов.

Для государств, нацеленных на устойчивое экономическое развитие, культурный прогресс и социальное процветание, правовая охрана объектов интеллектуальной собственности является обязательным компонентом правовой системы. Россия следует этому курсу, подчеркивая первостепенное значение интеллектуальной собственности для развития инноваций, научной и творческой сферы, а также обеспечения безопасности страны и повышения качества жизни граждан.

В ответ на санкционное давление Российская Федерация делает ставку на технологический суверенитет. Это центральный элемент стратегических программных документов, призванных обеспечить независимость страны в критически значимых технологиях за счет формирования собственных производственных и инновационных цепочек (например, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», и Стратегия научно-технологического развития

⁷ Составлено авторами на основе статистических данных Роспатента.

⁸ Тиллабоев Ш. М. Международно-правовая охрана интеллектуальной собственности в период цифровизации // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 2. С. 57–63. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-57-63. EDN: LCTGJP

РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 года № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»). По мнению авторов, существует необходимость создания комплексного мобильного инструмента для охраны прав на интеллектуальную собственность.

Ориентация в сфере защиты интеллектуальной собственности представляется сложным и многогранным процессом. Помимо подачи самой заявки в Роспатент, важно компетентно подобрать классы МКТУ, провести анализ по имеющимся товарным знакам и изобретениям для подтверждения исключительности⁹.

Самостоятельная подача заявки для регистрации патентов и товарных знаков осуществляется через сервис АРМ Регистратор на официальном сайте Роспатента. В работе с ним выделяют сложный интерфейс и малопонятные статусы движения заявки. По мнению авторов, требуется нивелировать эти недостатки посредством создания мобильного приложения с удобным и понятным форматом использования. Приложение «ПатентУм» позволит это сделать либо самостоятельно с обучающими инструментами, либо получить услугу «под ключ» от профессионалов.

К основным модулям разрабатываемого приложения «ПатентУм» относятся:

- Личный кабинет пользователя, где можно увидеть историю действий на платформе, существующие товарные знаки и патенты, а также отследить статус текущих заявлений и платежей.
- Модуль проверки уникальности (поиск по базам Роспатента, ВОИС (WIPO) и национальным реестрам, экспертиза для анализа сходства товарных знаков, изобретений).
- Модуль самостоятельной подачи заявок (шаблоны документов для регистрации товарных знаков и патентов; загрузка изображений, чертежей, описаний; расчет госпошлины).
- Интерактивный конструктор документов (проверка полноты заполнения необходимых полей и минимизация ошибок с использованием искусственного интеллекта).
- Модуль взаимодействия с патентными поверенными в случае заключения договора на регистрацию товарного знака или получения патента «под ключ».
- Интерфейс обратной связи и поддержка пользователей (консультационная линия юристов и специалистов).
- Справочный модуль (базы знаний: справочник по классам МКТУ, глоссарий; решение актуальных кейсов).
- Модуль интеграции с ФТС России для подачи заявления для включения в Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (далее — ТРОИС), что будет актуально для лиц, осуществляющих деятельность в сфере внешнеэкономической деятельности. Регистрация товарных знаков в ТРОИС обеспечивает защиту репутации правообладателей¹⁰.

Разработка этого инструмента обусловлена необходимостью повышения доступности государственных услуг в области защиты прав на интеллектуальную собственность, снижения бюрократической нагрузки на заявителей и оптимизации процессов патентования и регистрации товарных знаков. Значительные временные затраты и финансовые издержки для бизнеса и изобретателей обуславливают потребность в создании универсального

⁹ *Зенин И. А.* Право интеллектуальной собственности : учебник для вузов. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 524 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-20483-4. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/558213>

¹⁰ *Нургалеев М. С.* Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности как инструмент охраны интеллектуальной собственности. 15 сентября 2021 года. С. 67–70. DOI 10.18411/scienceconf-09-2021-16. EDN: WBFPPB

цифрового инструмента, который качественно повысит эффективность взаимодействия между заявителем и государством. Многокомпонентность предлагаемого приложения «ПатентУм» позволяет выбрать конкретному лицу необходимое решение исходя из его возможностей и ресурсов.

Публикуемые данные Роспатента показывают, что более 50 % заявок в Федеральную службу по интеллектуальной собственности поступает именно от физических лиц и самозанятых. Повышение правовой грамотности целевой аудитории и населения в целом выступает обособленной задачей разрабатываемого приложения «ПатентУм». Вебинары, решение реальных кейсов и образовательные блоки помогут пользователям лучше ориентироваться в мире интеллектуальной собственности и ее охраны.

Что касается юридических лиц, то отсутствие должной квалификации и недостаточная проработанность в области управления интеллектуальной собственностью и ее охраны в ряде организаций становится причиной потери прав на исследовательские результаты и препятствует их коммерческому использованию. Для многих компаний сейчас интеллектуальная собственность — актив, представляющий реальную экономическую ценность.

Отдельным блоком охраны интеллектуальной собственности является их охрана и защита при перемещении товаров через таможенную границу для целей внешнеэкономической деятельности. В кругу экспертов и представителей ФТС России отмечается фундаментальная проблема недостаточной автоматизации процессов по предоставлению государственной услуги «Ведение таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности»¹¹. В интересах участников ВЭД в приложении «ПатентУм» совместно с ФТС России планируется разработать отдельный модуль, посвященный включению в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности. Информация о включенных в ТРОИС товарных знаках позволит отслеживать их сроки действия и регистрационные номера товаров¹².

Функционирование «ПатентУм» осуществляется строго в рамках действующего законодательства. Приложение является лишь информационным агрегатором и техническим посредником: действия в рамках функционала приложения не влекут за собой самостоятельных юридически значимых решений, «ПатентУм» не уполномочен ни на выдачу свидетельств и решений о включении в соответствующие реестры, ни на роль заявителя. В соответствии с административными регламентами Роспатента статус мобильного приложения можно определить как платформу, инструмент для формирования пакета документов в установленном законом формате. Деятельность «ПатентУм» также ограничена национальным законодательством в части обработки персональных данных, электронной подписи и взаимодействия с государственными органами (Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ, Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ, Федеральный закон «О таможенном регулировании в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ, Приказ Минэкономразвития России «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков,

¹¹ Гетман А. Г. Развитие государственных услуг, предоставляемых таможенными органами — участникам внешнеэкономической деятельности в сфере защиты прав интеллектуальной собственности на пространстве ЕАЭС // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 42–50.

¹² Шаповалова Е. О. Защита прав интеллектуальной собственности при перемещении объектов интеллектуальной собственности через таможенную границу // Современные технологии 2024 : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 08 апреля 2024 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2024. С. 116–120. EDN: JPJCFD

знаков обслуживания, коллективных знаков, требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак» от 20.07.2015 № 482 и др.).

Необходимо упомянуть и то, что качественных аналогов данного приложения не представлено ни на российском, ни на зарубежных рынках. Ряд стран, такие как США, Европейский союз, Япония, Южная Корея, имеют либо сайты с ограниченным функционалом (например, United States Patent and Trademark Office, European Union Intellectual Property Office), либо поисковые системы через патентные ведомства (J-PlatPat, KIPRIS).

В подтверждении данного утверждения был проведен анализ конкурентов на российском рынке. Мы ориентировались только на онлайн-площадки, четыре из которых представлены в лидерах рейтинга по доле рынка РФ, одна — государственная платформа. Результаты представлены в таблице 1, названия коммерческих платформ не раскрываются. Их сильные стороны: репутация, судебная практика, работа с корпорациями, международная регистрация.

Но у них есть системные ограничения:

1. Отсутствие мобильных приложений: все работают через веб-интерфейсы.
2. B2B-фокус: продукты заточены под средний и крупный бизнес, цены и процессы не адаптированы под массовый сегмент.
3. Слабая автоматизация: искусственный интеллект используется фрагментарно, основная нагрузка лежит на специалистах, что ограничивает масштабируемость и увеличивает себестоимость услуг.

Таблица 1

Анализ конкурентов «ПатентУм»¹³

	ПатентУм	1	АРМ Регистратор, Госуслуги	2	3	4
Мобильное приложение	+	-	-	-	-	-
ИИ-конструктор документов	+	+	-	-	-	-
Возможность самостоятельной подачи	+	+	+	-	-	-
Включение в ТРОИС	+	+	-	-	+	-
Стоимость регистрации ТЗ «под ключ», руб.	20 000 + Госпошлина	99 000	Госпошлина	74 900	84 990	71 900
Исследование патентного ландшафта	+	+	+	+	+	+

В дополнение к проведенному анализу конкурентов были анонимно проанкетированы 55 респондентов, которые являются потенциальной целевой аудиторией «ПатентУм». Опрос заключался в выявлении ключевых проблем существующих инструментов для регистрации объектов интеллектуальной собственности, а также в определении уровня заинтересованности к внедрению новой мобильной платформы для охраны интеллекту-

¹³ Составлено авторами на основании исследования российского рынка патентных бюро с онлайн-услугами (открытые интернет-источники).

альных прав. Сегментация целевой аудитории и готовность к использованию мобильного приложения представлены на рисунках 2 и 3.

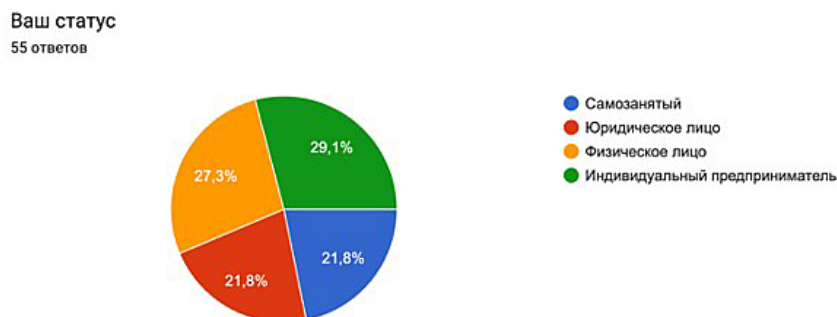

Рис. 2. Результаты проведенного опроса: сегментация целевой аудитории¹⁴

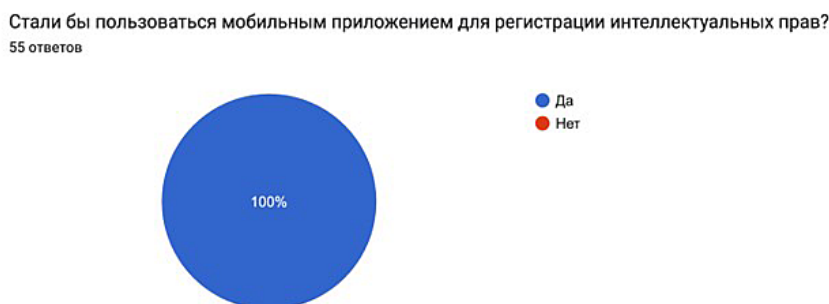

Рис. 3. Результаты проведенного опроса: готовность к использованию мобильного приложения¹⁵

По результатам проведенного опроса мы видим, что заинтересованность целевой аудитории высокая и в рамках опрошенных достигает 100 %.

ВЫВОДЫ

Таким образом, помимо поставленных задач, в ходе исследования:

- 1) Выявлено, что конкурентной онлайн-площадки с мобильным приложением и схожим функционалом на российском рынке не представлено.
- 2) Доказана востребованность разрабатываемого цифрового инструмента с помощью результатов проведенного опроса целевой аудитории.
- 3) Подтверждено соответствие предлагаемой разработки существующей нормативно-правовой базе.

Несмотря на международную геополитическую и правовую турбулентность, российский рынок интеллектуальной собственности динамично развивается и показывает устойчивую тенденцию роста заинтересованности общества в охране прав на интеллектуальную собственность посредством патентования. Каждая категория целевой аудитории имеет как свои цели, так и свои инструменты для регистрации через Роспатент, однако создание универсального цифрового инструмента в сфере интеллектуальной собственности является актуальной потребностью в российском обществе. Необходимо сформировать

¹⁴ Составлено авторами на основании собственного опроса респондентов.

¹⁵ Составлено авторами на основании собственного опроса респондентов.

эффективную, прозрачную и доступную систему охраны интеллектуальной собственности, отвечающей требованиям цифровой экономики. Регистрация прав на объекты интеллектуальной собственности рассматривается как ключевой элемент охраны своих прав, и появление на рынке многофункционального цифрового решения «ПатентУм» послужит важным инструментом для развития сферы интеллектуальной собственности и способствует достижению фундаментальных целей, обозначенных как Роспатентом, так и национальными стратегиями РФ.

Список источников

1. *Баттахов П. П.* Понятие интеллектуальной собственности и система ее правовой охраны // *Modern Science*. 2021. № 3-1. С. 134–141. EDN: GIFJOO.
2. *Бирюков П. Н.* Право интеллектуальной собственности : учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 254 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-21343-0. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 14. URL: <https://urait.ru/bcode/583203/p.14>
3. *Высогурская Т. В.* Проблемы нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности на маркетплейсах / Т. В. Высогурская, Е. Н. Агибалова // *Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития* : Сборник статей X Национальной научно-практической конференции (симпозиума), Краснодар, 16 апреля 2025 года. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2025. С. 45–50. EDN: EALEOE
4. *Гетман А. Г.* Развитие государственных услуг, предоставляемых таможенными органами — участникам внешнеэкономической деятельности в сфере защиты прав интеллектуальной собственности на пространстве ЕАЭС // *Управленческое консультирование*. 2020. № 2. С. 42–50. EDN: IKOPQL. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-2-42-50
5. *Зенин И. А.* Право интеллектуальной собственности : учебник для вузов. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 524 с. (Высшее образование). Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/558213>
6. *Магомедгаджиева П. М.* Регистрация прав как способ защиты права интеллектуальной собственности // *Теоретические и практические основы научного прогресса в современном обществе* : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Ижевск, 12 сентября 2025 года. Уфа: Омега сайнс, 2025. С. 72–74. EDN: UWFYSA
7. *Нургалеев М. С.* Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности как инструмент охраны интеллектуальной собственности. С. 67–70. DOI: 10.18411/scienceconf-09-2021-16. EDN: WBFPBP
8. *Коршунов Н. М.* Право интеллектуальной собственности : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н. М. Коршунов и др.; под ред. Н. М. Коршунова, Н. Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ ДАНА: Закон и право, 2012.
9. *Тиллабоев Ш. М.* Международно-правовая охрана интеллектуальной собственности в период цифровизации // *Юридическая наука и практика*. 2024. Т. 20, № 2. С. 57–63. DOI: 10.25205/2542-0410-2024-20-2-57-63. EDN: LCTGJP
10. *Шаповалова Е. О.* Защита прав интеллектуальной собственности при перемещении объектов интеллектуальной собственности через таможенную границу // *Современные технологии 2024* : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 08 апреля 2024 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2024. С. 116–120. EDN: JРJCFD

Сведения об авторах:

Ратцева Анастасия Романовна, студентка 5-го курса специалитета, факультет безопасности и таможи, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), e-mail: arattseva-21@edu.ranepa.ru

Суходол Ева Тимуровна, студентка 5-го курса специалитета, факультет безопасности и таможи, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), e-mail: esukhodol-20@edu.ranepa.ru

Научный руководитель: Гетман Анастасия Геннадьевна, доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой таможенного администрирования, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), e-mail: getman-ag@ranepa.ru

References

1. Battakhov, P. P. (2021) The concept of intellectual property and the system of its legal protection. *Modern Science*. No. 3-1. Pp. 134–141. (In Russ.)
2. Biryukov, P. N. (2026) Intellectual Property Law: a textbook for universities. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: *Yurait Publishing House*. 254 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-21343-0. Text: electronic // Yurait Educational Platform [website]. P. 14. URL: <https://urait.ru/bcode/583203/p.14> (In Russ.)
3. Vysogurskaya, T. V., Agibalova, E. N. (2025) Problems of Violation of Intellectual Property Rights on Marketplaces. Private Law of the Russian Federation: History, Current State, Trends and Development Prospects: Collection of Articles of the X National Scientific and Practical Conference (Symposium), Krasnodar, April 16, 2025. Krasnodar: *Research Institute of Actual Problems of Modern Law*. Pp. 45–50. (In Russ.)
4. Getman, A. G. (2020) Development of Public Services Provided by Customs Authorities — Participants in Foreign Economic Activity in the Sphere of Intellectual Property Rights Protection in the EAEU Space. *Management Consulting*. No. 2. Pp. 42–50. (In Russ.)
5. Zenin, I. A. (2025) Intellectual Property Law: a textbook for universities. 12th ed., revised and enlarged. Moscow: *Yurait Publishing House*. 524 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-20483-4. Text: electronic // Yurait Educational Platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/558213> (In Russ.)
6. Magomedgadzhieva, P. M. (2025) Registration of rights as a way to protect intellectual property rights. Theoretical and practical foundations of scientific progress in modern society: Collection of articles from the International scientific and practical conference, Izhevsk, September 12, 2025. – Ufa: *Omega Science*. Pp. 72–74. (In Russ.)
7. Nurgaleev, M. S. (2021) Customs register of intellectual property objects as a tool for protecting intellectual property. Pp. 67–70. DOI 10.18411/scienceconf-09-2021-16. (In Russ.)
8. Korshunov, N. M. et al. (2012) Intellectual Property Law: a textbook for university students studying in the specialty “Jurisprudence”. Edited by N. M. Korshunov, N. D. Eriashvili. Moscow: *UNITY-DANA: Law and Right*. (In Russ.)
9. Tillaboev, Sh. M. (2024) International legal protection of intellectual property in the period of digitalization. *Legal Science and Practice*. Vol. 20, no. 2. Pp. 57–63. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-57-63. (In Russ.)

10. Shapovalova, E. O. (2024) Protection of intellectual property rights when moving intellectual property objects across the customs border. *Modern technologies 2024: collection of articles from the International scientific and practical conference, Petrozavodsk, April 08, 2024.* – Petrozavodsk: *International Center for Scientific Partnership “New Science” (IP Ivanovskaya I. I.)*. Pp. 116–120. (In Russ.)

About the Authors:

Anastasia R. Rattseva, BA student, Faculty of Security and Customs, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: arattseva-21@edu.ranepa.ru

Eva T. Sukhodol, BA student, Faculty of Security and Customs, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: esukhodol-20@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor:

Anastasia G. Getman, Doctor of Science (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Customs Administration at the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: getman-ag@ranepa.ru

Правосубъектность «искусственного интеллекта»

Столповских Кирилл Андреевич

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студент 2-го курса магистратуры, юридический факультет

E-mail: kstolpovskikh-20@ranepa.ru

Научный руководитель:

Семянникова Дина Александровна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: semyannikova-da@ranepa.ru

Аннотация.

Введение: цель статьи — исследование правовой природы технологий искусственного интеллекта и возможности отнесения его к субъектам права. Разрешение настоящей проблемы является отправной точкой для развития и регламентации отношений, в которых применяются такие технологии.

Методы и материалы: исследование проводится в первую очередь с точки зрения наложения теории правосубъектности человека на юридически значимые признаки ИИ, среди которых довольно высокая автономность, а также высокий уровень интеллектуальной деятельности ИИ, результаты которой становятся почти неотличимы от человеческих. Методология исследования представлена как общенаучными методами, среди которых системный и логический, так и частно-научными: сравнительно-правовым и формально-юридическим методами.

Результаты исследования и их обсуждение: проведено исследование возможности носителей искусственного интеллекта обладать статусом правосубъектных лиц, их возможности стать равнозначными участниками правоотношений. Автор статьи проанализировал признаки искусственного интеллекта в рамках действующего «человекоцентричного» подхода к пониманию понятия субъекта права. Также установлено, что определяющим в определении правосубъектности является воля, которой ИИ не обладает.

Выводы: на сегодняшний день невозможно отнести носителей ИИ к субъектам права, поскольку, хоть и обладая некоторыми признаками правосубъектности, они не обладают волей. Имея довольно высокий уровень автономности, ИИ остается ограничен технически и технологически, не обладая возможностью создавать для себя цели и осуществлять их.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, признаки субъекта права, деликтоспособность, объект права, электронное лицо.

Для цитирования: *Столповских К. А. Правосубъектность «искусственного интеллекта» // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 2 (34). – С. 91–99.*

Legal Personality of “Artificial Intelligence”

Kirill A. Stolpovskikh

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

MA student, Faculty of Law

E-mail: kstolpovskikh-20@ranepa.ru

Academic Supervisor:

Dina A. Semyannikova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: semyannikova-da@ranepa.ru

Abstract

Introduction: The objective of the paper is to examine the legal nature of artificial intelligence technologies, and the possibility of classifying them as legal entities. Resolving this issue is the starting point for developing and regulating the relations involving the employment of such technologies.

Methods and Materials: The study is conducted primarily from the perspective of applying the theory of human legal personality to the legally significant characteristics of AI, including its relatively high level of autonomy, and intellectual activity, its results becoming almost indistinguishable from those of humans. The research methodology utilizes both general scientific methods, including systemic and logical ones, and specific research tools, such as comparative legal and formal legal methods.

Research Results and Discussion: The study examines the potential of artificial intelligence systems to possess the status of legal entities and their potential to become equal participants in legal relations. The author analyzes the characteristics of artificial intelligence within the framework of the current “human-centered” approach to achieve the awareness of the concept of a legal entity. It has also been established that the determining factor in defining a legal personality is will, which AI does not possess.

Conclusion: Currently, it is impossible to classify AI systems as legal entities, since, although they possess some characteristics of a legal personality, they lack will. Despite their relatively high level of autonomy, AI remains technically and technologically limited, lacking the ability to autonomously set up and implement the goals.

Keywords: artificial intelligence, legal capacity, characteristics of a legal entity, tort capacity, object of law, electronic person.

For citation: Stolpovskikh, K. A. (2026) Legal Personality of “Artificial Intelligence”. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, no. 2 (34). Pp. 91–99. (In Russ.)

В настоящее время технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ) стремительно развиваются и интегрируются во все сферы жизни людей. В отсутствие специального регулирования встает вопрос об ответственности за неправомерное применение ИИ, правонарушения, допущенные в связи с применением ИИ, нарушения авторских прав при обучении ИИ и в других ситуациях. В связи с этим правосубъектность искусственного интеллекта (его носителей) представляет не только научный, но и практический интерес.

На совещании по вопросам развития технологий искусственного интеллекта 10 апреля 2026 г. Президент России отметил впечатляющие способности ИИ к глубокому междисциплинарному анализу. Также замечена высокая автономность ИИ-агентов при

решении поставленных задач. Действительно, сегодняшний уровень развития технологий искусственного интеллекта, а также стремительные темпы такого развития ставят задачу решения правового статуса технологий ИИ (ИИ-агентов).

Так, одной из ключевых проблем является правосубъектность ИИ-агентов. «По прогнозам, уже в ближайшем будущем, в ближайшей перспективе эти агенты будут справляться и с тестами на физические возможности. Например, трудно будет определить, кто управляет автомобилем — человек или нейропилот»¹. Приведенный пример — одна из многих ситуаций, когда от решения первичного вопроса — правосубъектности ИИ — будут зависеть последствия применения ИИ и его самостоятельной деятельности.

Для решения вопроса о правосубъектности искусственного интеллекта необходимо пояснить, что подразумевается под термином «технологии ИИ». Российское законодательство определяет ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека². Такое же определение содержит и Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

Необходимо рассмотреть и нововведения, предлагаемые в проекте Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее — Проект)³. Так, понятия «искусственный интеллект» и «технологии искусственного интеллекта» остались без изменений (какими они закреплены в ФЗ от 24.04.2020 № 123-ФЗ).

Важным новшеством выступает понятие «сервис искусственного интеллекта», определяемое следующим образом: «решение с использованием технологий искусственного интеллекта для электронных вычислительных машин (ее составная часть), которое предоставляет пользователям через пользовательский интерфейс доступ к возможностям технологий искусственного интеллекта для выполнения прикладных задач». Содержится и понятие «модель искусственного интеллекта», определяемое в Проекте как разновидность программы для ЭВМ.

Заметим, что Проект не содержит понятия ИИ-агента, употребляемого в науке (в том числе используемого и Президентом России на упомянутом выше совещании для обозначения «интеллектуальных помощников»), а также уже отраженного в Национальном стандарте ГОСТ Р 71476-2024⁴. Под ИИ-агентом, в свою очередь, принято понимать автоматически действующий объект, то есть отдельно взятую систему искусственного интеллекта, способную самостоятельно предпринимать действия для достижения своих целей.

Таким образом, отсутствие понятия «ИИ-агент», а также характер приведенных дефиниций позволяют сделать вывод, что ИИ рассматривается в Проекте исключительно

¹ Совещание по вопросам развития технологий искусственного интеллекта // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/79525> (дата обращения: 24.04.2026).

² Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // Собрание законодательства РФ, 27.04.2020, № 17, ст. 2701.

³ Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/166424/> (дата обращения: 22.04.2026).

⁴ ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 28.10.2024 № 1550-ст) // Официальный сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. URL: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost>.

как инструмент, программа, и это не дает воспринимать его как нечто, имеющее признаки правовой субъектности.

Законодательство Европейского Союза определяет систему ИИ следующим образом: «Система искусственного интеллекта является машинной системой, созданной для работы с различными уровнями автономности и способной генерировать такие выходные данные, как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду на основе входных данных о том, как генерировать такие данные»⁵. При этом не раскрывается само понятие «искусственный интеллект».

В этом контексте представляется интересным подход законодателя Республики Корея. Он определяет ИИ как «электронную реализацию человеческих интеллектуальных способностей, таких как обучение, рассуждение, восприятие, суждение и понимание языка»⁶.

Сложно спорить с тем, что искусственный интеллект представляет собой высокоразвитую технологию, воспроизводящую когнитивные способности людей, однако даже закрепленное на законодательном уровне понятие не позволяет однозначно говорить о принадлежности ИИ к субъектам или объектам правоотношений.

В первую очередь рассмотрим, может ли технология ИИ, то есть носители искусственного интеллекта, обладать признаками субъекта права. На этот счет в научной литературе есть несколько основных точек зрения. Первая состоит в признании за ИИ правосубъектности (О. С. Болотаева, П. М. Морхат, И. В. Понкин, А. И. Редькина). Вторая же точка зрения отрицает наличие правоспособности у искусственного интеллекта, относя его к объектам права (А. В. Минбалеев, Т. А. Полякова, Н. В. Кроткова, Д. А. Королькова, А. И. Балашова).

Сторонники наделения ИИ правосубъектностью отмечают, что он обладает свойствами правосубъектного лица, в частности, способностью распознавать и оценивать окружающую среду⁷, квалифицировать обстоятельства⁸, выбирать вариант поведения⁹ и др. Рассматривается также и введение новой юридической фикции — специально-го института электронного лица со статусом, «коррелируемым с правосубъектностью человека»¹⁰.

В. С. Нерсесянц под понятием «субъект права» понимал признание правосубъектности адресата права как обладающего абстрактной способностью (возможностью) иметь соответствующие права и обязанности, предусмотренные действующим правом¹¹.

⁵ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance) [Electronic resource] // Official Journal of the European Communities. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689> (дата обращения: 15.12.2024).

⁶ Framework Act on the development of artificial intelligence and the creation of a foundation for trust [Act No. 20676, 21. Jan., 2025, New Enactment] // Korean Law Information Center. URL <https://www.law.go.kr/LSW/eng/engLsSc.do?menuId=2§ion=lawNm&query=Framework+act+on+development&x=0&y=0#liBgcolor13> (дата обращения: 15.12.2025).

⁷ Болотаева О. С. Правосубъектность искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 16. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_4_15. EDN: FZYGLT

⁸ Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Морхат Петр Мечиславович. М, 2018. С. 116.

⁹ Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 1. С. 95. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109

¹⁰ Морхат П. М. Концепт индивидуального субъекта права применительно к электронному лицу (правосубъектность юнита искусственного интеллекта, коррелируемая (соотносимая, сопоставимая) с правосубъектностью человека) // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8 (164). С. 75. EDN: VNKACI

¹¹ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник. М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. С. 515.

Содержание правосубъектности составляют правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Первый элемент состоит в способности иметь субъективные права и обязанности, а второй, как известно, — в способности самостоятельно эти права и обязанности осуществлять. Неотъемлемым условием в таком случае является воля субъекта, а именно «способность вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю»¹². Стоит заметить, что выделяемые сторонниками правосубъектности ИИ способности к мышлению и автономному принятию решений, подбор статистически оптимальных вариантов пока являются только имитацией мыслительной деятельности человека и по своей сути далеки от категории воли.

О. С. Иоффе отмечал, что главным смыслом в наделении уполномоченного лица субъективным правом является наличие у него индивидуального интереса, а отсутствие такового делает субъективное право «бессодержательным»¹³. ИИ же не обладает и не может обладать интересами, поскольку не может осознавать пользу, выгоду, ощущать необходимость в чем-либо и т. п.

Таким образом, классическая теория о субъекте права при отсутствии названных основополагающих признаков правосубъектности — воли и интереса — не позволяет относить ИИ к таковым. А таких признаков субъектности, как способность мыслить и принимать определенные решения, автономность (притом ограниченная), по нашему мнению, недостаточно для обоснованного и оправданного наделения искусственного интеллекта статусом субъекта права.

Также выделяется сходство между статусами ИИ и юридических лиц с их специальной правоспособностью, выражающейся в обладании ими теми правами, которые необходимы для целей их деятельности. В науке высказывается также мнение о возможности наделения искусственного интеллекта статусом, схожим с юридическими лицами¹⁴. Как в случае наделения ИИ статусом юридического лица, так и специальным статусом электронного лица или другим подобным, речь будет идти о применении юридической фикции.

Так, чтобы отвечать по своим обязательствам и в целом нести гражданскую ответственность, гражданин, организация, согласно Гражданскому кодексу РФ, должны обладать собственным имуществом. Сторонники вышеуказанной идеи отмечают возможность наделения ИИ имуществом, которым он сможет отвечать по своим обязательствам. Однако за счет кого или чего такое имущество будет формироваться, кем оно будет управляться или как сам ИИ сможет управлять им и прочее, не раскрывается. На наш взгляд, такая конструкция неизбежно приведет к трудностям как с научным обоснованием и законодательным закреплением, так и в практике. В свою очередь, некоторые авторы указывают на возможность несения гражданской ответственности только создателями систем ИИ, их владельцами, пользователями и иными лицами ввиду наличия собственного имущества¹⁵.

Более того, могут ли ИИ-агенты нести уголовную, административную, налоговую и вообще юридическую ответственность? Насколько в принципе относимы признаки юридической ответственности к искусственному интеллекту?

¹² Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1981. С. 139.

¹³ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 3-е изд., испр. М.: Статут, 2009. С. 560 (Классика российской цивилистики). EDN: QRIEOZ

¹⁴ Никитенко С. В. Концепции правосубъектности искусственного интеллекта // Научные междисциплинарные исследования : Сборник статей Международной научно-практической конференции в 2 частях, Саратов, 05 мая 2020 года. Ч. 2. Саратов: НОО «Цифровая наука», 2020. С. 44. EDN: UB GKSP

¹⁵ Гражданское право : учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. С. 105.

Вопрос возможности несения ИИ юридической ответственности напрямую обусловлен наличием правосубъектности. В научной литературе также отмечается, что юридическая ответственность зависит от свободы воли, которая является ее предпосылкой¹⁶. О невозможности привлечения ИИ к юридической ответственности говорит, в частности, и отсутствие субъективной стороны правонарушения ввиду невозможности осознания им последствий своих действий, что также отмечается в науке¹⁷.

По нашему мнению, для признания ИИ субъектом юридической ответственности недостаточно и введения совершенно новых видов наказаний, сообразных его технологической природе, например, принудительного отключения, доработки программы, утилизации¹⁸ и т. п. В любом случае такие меры не будут удовлетворять и классически выделяемым в науке цели и смыслу юридической ответственности — превенции и исправлению¹⁹.

С другой стороны, исследователи отмечают необходимость определения правового режима технологий искусственного интеллекта, то есть в качестве объекта права. Так, например, А. И. Балашова обращает внимание на то, что отсутствие у ИИ воли не позволяет относить его к субъектам права, при этом относя его к объектам авторского и патентного права²⁰.

Схожим образом построена позиция А. В. Минбалеева, который характеризует искусственный интеллект как сложный объект интеллектуальной собственности²¹ в рамках ст. 1240 Гражданского кодекса РФ.

Действительно, искусственный интеллект, являясь комплексом технологических решений, наиболее соответствует признакам объекта интеллектуальных прав. Главным образом ИИ отвечает признакам программ для ЭВМ, поскольку в техническом плане представляет собой совокупность данных и команд (что и упоминается в ст. 1261 ГК РФ). Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что технологии ИИ относятся к объектам гражданских прав и должны охраняться как результаты интеллектуальной деятельности согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ.

Таким образом, на настоящем этапе признание ИИ-агентов правосубъектными видится невозможным. Более того, это нецелесообразно, поскольку, во-первых, сами технологии ИИ еще недостаточно «созрели», чтобы считать их субъектами права, равными человеку. А во-вторых, невозможно определить, насколько развитыми и самостоятельными смогут быть технологии ИИ даже в самом ближайшем будущем, а главное — не ясны потенциальные опасности дальнейшей их модернизации.

Сегодня искусственный интеллект остается инструментом в руках человека, средством для реализации определенных задач, ввиду чего наиболее верным представляется относить технологии ИИ к объектам права. В частности, возможно рассматривать искусственный интеллект в качестве имущества в формах технического устройства, компьютерной программы и иных формах.

¹⁶ Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2026. С. 20–21. ISBN 978-5-91768-033-0. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2220823> (дата обращения: 22.01.2026).

¹⁷ Соломонов Е. В. Юридическая ответственность искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2025. Т. 22, № 2. С. 72. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(2).62-71

¹⁸ Липтев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 88. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102. EDN: GQATHO

¹⁹ Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность : монография. Репр. изд. М.: Норма; ИНФРА-М, 2022. С. 286, 299.

²⁰ Балашова А. И. Искусственный интеллект в авторском и патентном праве: объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 91. EDN: APLDUA

²¹ Минбалеев А. В. Правовая природа искусственного интеллекта // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи : Сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума, Тюмень, 17–19 октября 2024 года. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 13. EDN: RODBFZ

Список источников

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1981. 359 с.
2. *Балашова А. И.* Искусственный интеллект в авторском и патентном праве: объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 90–98. EDN: APLDUA
3. *Болотаева О. С.* Правосубъектность искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 15–17. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_4_15. EDN: FZYGLT
4. *Витрук Н. В.* Общая теория юридической ответственности : монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2026. 432 с. ISBN 978-5-91768-033-0. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2220823>
5. Гражданское право : учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 624 с.
6. *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 3-е изд., испр. М.: Статут, 2009. 782 с. (Классика российской цивилистики). EDN: QRIEOZ
7. *Кудрявцев В. Н.* Закон, поступок, ответственность : монография. Репр. изд. М.: Норма; ИНФРА-М, 2022. 452 с.
8. *Лаптев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102. EDN: GQATHO
9. *Минбалева А. В.* Правовая природа искусственного интеллекта // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи : Сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума, Тюмень, 17–19 октября 2024 года. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 10–13. EDN: RODBFZ
10. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Морхат Петр Мечиславович. М., 2018. 420 с.
11. *Морхат П. М.* Концепт индивидуального субъекта права применительно к электронному лицу (правосубъектность юнита искусственного интеллекта, коррелируемая (соотносимая, сопоставимая) с правосубъектностью человека) // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8 (164). С. 74–77. EDN: VNKACI
12. *Никитенко С. В.* Концепции правосубъектности искусственного интеллекта // Научные междисциплинарные исследования : Сборник статей Международной научно-практической конференции в 2 частях, Саратов, 5 мая 2020 года. Ч. 2. Саратов: НОО «Цифровая наука», 2020. С. 39–50. EDN: UBGKSP
13. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства : учебник. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. 547 с.
14. *Понкин И. В.* Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 1. С. 91–109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109
15. *Соломонов Е. В.* Юридическая ответственность искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2025. Т. 22, № 2. С. 62–71. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(2).62-71

Сведения об авторе:

Столповских Кирилл Андреевич, студент 2-го курса магистратуры, юридический факультет, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: kstolpovskikh-20@ranepa.ru

Научный руководитель: Семянникова Дина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: semyannikova-da@ranepa.ru

References

1. Alekseev, S. S. (1981) General theory of law: in 2 volumes. Vol. 2. М.: *Legal Literature*. 359 p. (In Russ.)
2. Balashova, A. I. (2022) Artificial intelligence in copyright and patent law: objects, subject structure of legal relations, terms of legal protection. *Journal of the Court on Intellectual Property Rights*. No. 2 (36). Pp. 90–98. (In Russ.)
3. Bolotaeva, O. S. (2022) Legal personality of artificial intelligence. *Law and state: theory and practice*. No. 4 (208). Pp. 15–17. (In Russ.)
4. Vitruk, N. V. (2026) General theory of legal responsibility. *Norma: INFRA-M*. 432 p. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2220823>. (In Russ.)
5. Sukhanov, E. A. (eds.) (2023) Civil law. Volume 1: General part. *Statute*. 624 p. (In Russ.)
6. Ioffe, O. S. (2009) Selected Works on Civil Law: From the History of Civilistic Thought. Civil Legal Relationships. Critique of the Theory of “Economic Law”. *Statute*. 782 p. (Classics of Russian civilistics) (In Russ.)
7. Kudryavtsev, V. N. (2022) Law, deed, responsibility. *Norma: INFRA-M*. 452 p. (In Russ.)
8. Laptev, V. A. (2019) Artificial intelligence and liability for its work. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 2. Pp. 79–102. (In Russ.)
9. Minbaleev, A. V. (2024) The Legal nature of artificial intelligence. In: Law in the era of artificial intelligence: promising challenges and modern tasks: a collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical forum, Tyumen, October 17–19, 2024. *Tyumen: Tyumen State University-Press*. Pp. 10–13. (In Russ.)
10. Morkhat, P. M. (2018) Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law issues. 420 p. (In Russ.)
11. Morkhat, P. M. (2018) Concept of individual entity for electronic (personality artificial intelligence unit, (comparable correlated) with the personality of a person). *Law and State: Theory and Practice*. No. 8 (164). Pp. 74–77. (In Russ.)
12. Nikitenko, S. V. (2020) Concepts of legal personality of artificial intelligence. In: Scientific interdisciplinary research: Collection of articles from the International scientific and practical conference in 2 parts, Saratov. Part 2. *Saratov: NPO “Digital Science”*. Pp. 39–50. (In Russ.)
13. Nersesyants, V. S. (2012) General theory of law and state. *Norma: INFRA-M*. 560 p. (In Russ.)
14. Ponkin, I. V., Redkina, A. I. (2018) Artificial intelligence from the point of view of law. *Bulletin of RUDN University. Series: Legal sciences*. No. 1. P. 91–109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109 (In Russ.)
15. Solomonov, E. V. (2025) Legal liability of artificial intelligence. *Bulletin of Omsk University. Series: Law*. Vol. 22, No. 2. Pp. 62–71. (In Russ.)

About the author:

Kirill A. Stolpovskikh, MA student, Faculty of Law, North-Western Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: kstolpovskikh-20@ranepa.ru

Academic Supervisor: **Dina A. Semyannikova**, PhD in Jurisprudence, Associate Professor of the Department of Civil and Labor law, North-Western Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: semyannikova-da@ranepa.ru

Использование международного опыта ресоциализации осужденных в условиях российской уголовно-исполнительной системы

Черных Ярослава Павловна

Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева,
Москва, Российская Федерация

курсант 4-го курса специалитета, факультет подготовки следователей

E-mail: chernykh yaroslava29@mail.ru

Булочников Станислав Юрьевич

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,

Институт права и национальной безопасности, Тамбов, Российская Федерация

студент 4-го курса специалитета, судебная и прокурорская деятельность

E-mail: bulochnikov03@mail.ru

Научный руководитель:

Ментюкова Мария Алексеевна

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,

Институт права и национальной безопасности,

Тамбов, Российская Федерация

E-mail: mariya_men2003@mail.ru

Аннотация

Введение: настоящая статья посвящена детальному исследованию актуальной проблемы ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание в рамках уголовно-исполнительных систем различных стран, что имеет важное значение для обеспечения общественной безопасности и снижения уровня рецидивной преступности. Для достижения поставленных целей было проведено комплексное исследование, включающее всесторонний анализ зарубежной пенитенциарной и постпенитенциарной практики, с целью выявления наиболее эффективных моделей реинтеграции осужденных в общество.

Методы и материалы: методологической основой исследования послужил комплекс общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, аналогия) и частнонаучных методов познания, включая социологический и функциональный подходы, позволившие всесторонне изучить предмет исследования. Ключевая роль отведена специальным методам, в частности, сравнительно-правовому методу, который позволил осуществить детальное сопоставление уголовно-исполнительных систем и законодательных механизмов различных юрисдикций. В рамках компаративистского анализа были тщательно изучены и систематизированы подходы, применяемые в уголовно-исполнительной практике Соединенных Штатов Америки, Французской Республики, Канады, Федеративной Республики Германия и Швейцарской Конфедерации. Исследование охватило как общие принципы функционирования пенитенциарных учреждений, так и специфические меры, направленные на социальную адаптацию, дерадикализацию и предупреждение рецидива у лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, включая программы постпенитенциарного сопровождения и специализированные “re-entry programs”.

Результаты исследования: результаты проведенного исследования демонстрируют значительное разнообразие и подтвержденную эффективность зарубежных подходов к ресоциализации. Выявлены передовые практики, отличающиеся комплексностью, целеориентированностью и высоким уровнем гуманизации, что подтверждает их актуальность и целесообразность в контексте современной пенитенциарной реформы. Особое внимание уделено мерам, направленным на преодоление стигматизации бывших осужденных, развитие их профессиональных навыков, формирование устойчивой антикриминальной установки и интеграцию в общественную жизнь.

Выводы: практическая значимость работы заключается в выработке обоснованных рекомендаций по оптимизации российской уголовно-исполнительной системы и соответствующих законодательных актов. Предложенные меры, основанные на зарубежных аналогах, включают совершенствование нормативно-правового регулирования процессов ресоциализации, внедрение инновационных подходов к работе с бывшими осужденными. Цели этих рекомендаций — повышение эффективности предупреждения рецидивной преступности и обеспечение устойчивой реинтеграции освобожденных лиц в правовое и социальное пространство Российской Федерации.

Ключевые слова: ресоциализация; осужденные; уголовно-исполнительная система; преступность; наказание; зарубежные страны.

Вклад авторов: *Черных Я. П.* систематизировала зарубежный опыт ресоциализации (США, Франция, Канада, Германия, Швейцария) и проанализировала общие и специальные пенитенциарные принципы. *Булочников С. Ю.* предложил имплементацию соответствующих мер в российскую пенитенциарную практику с учетом действующего законодательства.

Для цитирования: *Черных Я. П., Булочников С. Ю.* Использование международного опыта ресоциализации осужденных в условиях российской уголовно-исполнительной системы // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 2 (34). – С. 100–110.

Using International Experience of Rehabilitation of Convicts under the Conditions of the Russian Penal System

Yaroslava P. Chernykh

A. Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee,
Moscow, Russian Federation

Fourth-year student, Specialist Program, Investigator Training Department

E-mail: chernykh yaroslava29@mail.ru

Stanislav Y. Bulochnikov

G. R. Derzhavin Tambov State University,
Institute of Law and National Security, Tambov, Russian Federation

Fourth-year student, Specialist Program, Judicial and Prosecutor's Practice

E-mail: bulochnikov03@mail.ru

Academic Supervisor:

Maria A. Mentyukova

G. R. Derzhavin Tambov State University,

Institute of Law and National Security, Tambov, Russian Federation

E-mail: mariya_men2003@mail.ru

Abstract

Introduction: This article focuses on the detailed study of the current issue of the rehabilitation of the individuals who have served their criminal sentences within the criminal justice systems of various countries, which is crucial for ensuring public security, and reducing the rate of recidivism.

To achieve these goals, the comprehensive research has been conducted, involving the thorough analysis of the overseas penitentiary and post-penitentiary practices, to identify the most efficient models for reintegrating convicted individuals into society.

Methodology and Materials: The research is based on a combination of general scientific methods, e.g., analysis, synthesis, induction, deduction, description, and analogy, and specific scientific methods of cognition, including sociological and functional approaches allowing for the comprehensive study of the subject matter. Some specific methods, in particular, the comparative legal technique, played a key role in the study, as they enable to conduct the thorough comparative analysis of the criminal justice systems and legislative mechanisms of various jurisdictions. As the element of the comparative analysis, the approaches used in the criminal enforcement practices of the United States of America, the French Republic, Canada, the Federal Republic of Germany, and the Swiss Confederation have been closely studied and systematized. The study covers both the general principles of the functioning of penitentiary institutions, and specific measures aimed at social adaptation, deradicalization, and prevention of recidivism among individuals released from places of detention, including post-prison support programs, and specialized “re-entry programs.”

Research Results and Discussion: The results of the study demonstrate a significant variety, and proven effectiveness of the overseas approaches to rehabilitation. The study identifies the best practices characterized by their complexity, the focus on the goal, as well as the high level of humanization, which confirms their relevance and feasibility in the context of modern penitentiary reform. Special attention is given to the measures aimed at overcoming the stigmatization of former convicts, developing their professional skills, forming a stable anti-criminal attitude, and integrating them into public life.

Conclusions: The practical significance of the work consists in developing the substantiated recommendations for optimizing the Russian penal system, and relevant legislative acts. The measures proposed, based on foreign analogues, include improving the legal regulation of resocialization processes, and introducing innovative approaches to working with former convicts. The purpose of these recommendations is to increase the effectiveness of preventing recidivism and ensuring the sustainable reintegration of released individuals into the legal and social space of the Russian Federation.

Keywords: rehabilitation; convicts; penal system; crime; punishment; foreign countries.

Author contributions: *Yaroslava P. Chernykh* has systematized international resocialization experience (USA, France, Canada, Germany, Switzerland) and analyzed general and specific penitentiary principles. *Stanislav Y. Bulochnikov* proposed implementing relevant measures in Russian penitentiary practice, taking into account the current legislation.

For citation: Chernykh, Ya. P., Bulochnikov, S. Yu. (2026) Using International Experience of Rehabilitation of Convicts under the Conditions of the Russian Penal System. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, no. 2 (34). Pp. 100–110. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Ресоциализация лиц, отбывающих уголовное наказание, представляет собой «завершающую стадию процесса исполнения наказания и исправления осужденных, подвергшихся уголовному преследованию»¹. Данный институт, являясь ключевым инструментом социальной реабилитации, в последнее время привлекает значительное внимание в рамках международного сотрудничества и деятельности профильных международных организаций в области уголовной юстиции и защиты прав человека, что подтверждает его важную роль в обеспечении законности, правопорядка и стабильного развития общества. На институт ресоциализации возложены функции, направленные на повышение эффективности постадаптационного периода, обеспечивающего успешную реинтеграцию лиц, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы, в социальную среду².

Иными словами, ресоциализация представляет собой совокупность мер, направленных на восстановление утраченных или ослабленных в результате изоляции социальных связей, цели которой — формирование и усвоение осужденными стандартов поведения и ценностных ориентиров, а также приведение их в соответствие с правовыми нормами. В качестве одного из наиболее значимых направлений деятельности по ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание, выступает оказание всесторонней поддержки в вопросах трудового и бытового устройства, реализуемой как в период подготовки к освобождению, так и непосредственно после освобождения, что является необходимым условием для обеспечения успешной социальной адаптации и предотвращения рецидивной преступности, а следовательно, и для защиты общества от совершения новых преступлений.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование базируется на комплексном применении общенаучных, частнонаучных и специальных методов познания. В частности, ключевым является системный подход, позволяющий рассматривать право каждого государства как единую взаимосвязанную систему, включающую нормы, институты и отрасли, что обеспечивает детальный анализ юрисдикций изучаемых стран.

Среди общенаучных методов используется функциональный метод, направленный на изучение социальных функций права и оценку эффективности правового регулирования (процесса ресоциализации), что способствует выявлению необходимости применения зарубежного опыта в Российской Федерации.

Частнонаучные (междисциплинарные) методы представлены социологическим методом, позволяющим исследовать правовые явления ресоциализации осужденных через призму социальных процессов и факторов, влияющих на правоприменение.

Важнейшими в данном исследовании являются специальные методы, прежде всего сравнительно-правовой метод, который обеспечивает сопоставительный анализ правовых систем различных государств для выявления их сходств и различий, что служит основой для обоснованных выводов и рекомендаций. В частности, проведен сравнительно-правовой анализ процесса ресоциализации осужденных в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Франции, Германии и Швейцарии.

¹ Печенин А. В. Опыт зарубежных стран в вопросе ресоциализации осужденных // Молодой ученый. 2023. № 10 (457). С. 101.

² Каплун О. Ю., Сухова С. Д. Ресоциализация бывших заключенных как профилактика социального конфликта // Молодой ученый. 2024. № 30 (529). С. 115.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ряде зарубежных юрисдикций процесс ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание, реализуется специализированными учреждениями, входящими в структуру пенитенциарной системы, именуемыми органами пробации и надзора. В качестве примера в Соединенных Штатах Америки упомянутые органы пробации и надзора, находящиеся в ведомственном подчинении муниципальных властей, «дифференцируются по уровням безопасности, а именно классифицируются по четырем уровням, что позволяет учитывать степень общественной опасности лиц, находящихся под их контролем, и применять различные меры воздействия в рамках процесса ресоциализации»³. Учреждения пенитенциарной системы первого и второго уровней безопасности, подчиненные местным органам государственной власти, характеризуются применением режима содержания с элементами смягчения условий. В дополнение, лицам, отбывающим наказание в таких учреждениях, может предоставляться право временного выезда за пределы охраняемой территории без сопровождения конвоем с целью трудоустройства либо получения образования, что способствует их профессиональной подготовке и эффективной последующей социальной реинтеграции. В свою очередь, учреждения третьего и четвертого уровней безопасности не предусматривают применение аналогичных мер ввиду содержания в них лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления и представляющих повышенную общественную опасность, что обуславливает необходимость обеспечения строгого режима содержания и повышенных мер безопасности⁴.

Государства, относящиеся к системе общего права, обладают значительным объемом практического опыта в сфере ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освободившихся из мест лишения свободы, что представляет ценный ресурс для изучения и возможного заимствования эффективных методов и технологий в этой области. Для Соединенных Штатов Америки, характеризующихся наибольшим количеством лиц, находящихся в местах лишения свободы, вопрос реинтеграции бывших заключенных в общественную жизнь в настоящее время особенно актуален. В ряде штатов действуют специализированные учреждения, деятельность которых направлена на оказание содействия лицам, освободившимся из пенитенциарных учреждений, в вопросах трудоустройства и приобретения востребованных профессиональных навыков. Указанные организации обеспечивают комплексную поддержку в рамках процесса социальной адаптации и реинтеграции, способствуя реализации конституционных прав граждан на труд и достойный уровень жизни после отбытия наказания.

Помимо перечисленного, в Соединенных Штатах Америки две крупные некоммерческие организации — JUST of Dupage (JUST — аббревиатура, которая означает «Справедливость, понимание, служба и обучение») и Exodus Transitional Community (Переходное сообщество «Исход») — получили значительное распространение и признание; эти организации были созданы по инициативе лиц, ранее несших наказание в учреждениях пенитенциарной системы. Основная задача деятельности указанных объединений — это оказание комплексной, многоаспектной помощи лицам, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы, с целью их успешной ресоциализации и предотвращения рецидивной преступности. Деятельность организаций осуществляется на добровольной основе посредством волонтерского движения и поддерживается за счет государственных грантов, частных пожертвований и благотворительной помощи со стороны религиозных

³ Печенин А. В. Опыт зарубежных стран в вопросе ресоциализации осужденных // Молодой ученый. 2023. № 10 (457). С. 102.

⁴ Молчанова Т. Ю. Зарубежный опыт ресоциализации осужденных // Молодой ученый. 2020. № 2 (292). С. 130.

институтов, что обеспечивает их устойчивое функционирование и позволяет оказывать значимую поддержку нуждающимся лицам⁵.

Дополнительно в юрисдикциях Соединенных Штатов Америки активно реализуются специализированные программы, получившие наименование «программы обращения» (re-entry programs), которые целенаправленно способствуют процессу ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание. В соответствии с этими программами лица, завершившие отбывание наказания, направляются на специализированные тренинги и курсы, реализуемые с целью содействия процессу ресоциализации осужденных и предотвращения совершения ими повторных преступлений. Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным отметить, что опыт реализации ресоциализационных программ и тренингов в США может быть интегрирован и адаптирован в практику Российской Федерации с учетом особенностей национальной правовой системы и пенитенциарной политики⁶.

В Канаде процесс ресоциализации лиц, отбывающих уголовное наказание в учреждениях исправительного типа, осуществляется под эгидой Исправительных служб. В рамках подготовки к разработке программ ресоциализации осужденных компетентные органы Канады осуществляют предварительную оценку уровня риска рецидивной преступности среди контингента лиц, отбывающих наказание. На основании результатов этой оценки формируются соответствующие планы и стратегии, являющиеся составной частью программ исправления. При этом особое внимание уделяется развитию у осужденных навыков управления негативными эмоциональными состояниями, самостоятельного разрешения проблемных ситуаций, конструктивного урегулирования конфликтов, установления межличностных связей, а также повышения уровня самоконтроля, что в совокупности способствует их успешной реинтеграции в общество и сведению риска совершения ими повторных преступлений к минимуму⁷.

Реализуемые программы дифференцируются в зависимости от объекта их применения, учитывая гендерные особенности (мужчины или женщины), а также социокультурную принадлежность (коренной житель или мигрант). В рамках коррекционных программ, реализуемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы, осуществляется комплекс мероприятий, направленных на формирование у осужденных способности к целеполаганию, приобретению навыков эффективного управления факторами риска с целью снижения вероятности рецидива, а также оказание содействия в решении вопросов трудоустройства и жилищного обеспечения, что в совокупности способствует успешной социальной адаптации и реинтеграции осужденных в общество. Кроме того, в Канаде активно проводятся мероприятия, направленные на искоренение пагубных привычек, таких как алкоголизм и наркозависимость, у лиц, отбывающих наказание⁸.

Анализ законодательства стран, относящихся к системе континентального права, таких как Франция, Дания, Федеративная Республика Германия, Швейцария и Швеция, позволяет выделить отдельную и самостоятельную цель ресоциализационного процесса, а именно постпенитенциарную адаптацию.

Во Франции юридическая ответственность за предоставление комплексной помощи лицам, отбывшим уголовное наказание, возлагается на общественные организации, при

⁵ Режапова И. М., Заборовская Ю. М. Зарубежный опыт работы с заключенными с целью их дальнейшей ресоциализации (на примере законодательства Соединенных штатов Америки и Канады) // Человек: преступление и наказание. 2019. № 1. С. 44.

⁶ Розенцвайг А. И. Зарубежные модели практик ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него: криминологический анализ // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 124.

⁷ Морохова О. А., Краюшкин И. В. Опыт Исправительной службы Канады в организации программ ресоциализации правонарушителей // Молодой ученый. 2020. № 15 (305). С. 216.

⁸ Ежова О. Н. Зарубежный опыт организации процесса ресоциализации осужденных к лишению свободы // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 134.

этом государственные органы выполняют координирующую функцию и оказывают всестороннее содействие⁹. Ресоциализационные программы, разработанные и реализуемые в рамках такого подхода, ориентированы на два приоритетных направления: обеспечение освобожденных граждан жилыми помещениями, которые соответствуют установленным санитарным и техническим нормам, а также содействие их трудоустройству с учетом профессиональной квалификации и опыта.

Аналогичные цели реализуются пенитенциарной системой Федеративной Республики Германия, где освобожденным лицам предоставляются так называемые «переходные дома» или жилые помещения, арендуемые за счет средств государственного бюджета¹⁰. Предоставление жилья осуществляется на период, не превышающий полутора лет после освобождения, что позволяет обеспечить стабильные условия для социальной адаптации и снижения риска рецидива.

Кроме того, в зарубежных странах значительное внимание уделяется созданию специальных служб, деятельность которых направлена на помощь правонарушителям в процессе их возвращения в общество. В Федеративной Республике Германия социальные работники осуществляют активную деятельность, заключающуюся в проведении индивидуальных интервью с осужденными и анализе их потенциальных возможностей, по результатам чего составляется мотивированное заключение. Указанный документ, в свою очередь, служит основанием для определения наиболее подходящего типа исправительного учреждения и разработки индивидуальной программы ресоциализации, учитывающей потребности и обстоятельства конкретного лица, что способствует оптимизации процесса его исправления и успешной реинтеграции в общество¹¹.

В свою очередь, в Швейцарии вопросам обеспечения занятости лиц, готовящихся к освобождению из учреждений уголовно-исполнительной системы, уделяется приоритетное внимание. Для содействия успешной реинтеграции указанной категории граждан в социум создаются и функционируют специализированные производственные предприятия непосредственно на территориях исправительных учреждений. Образовательные программы и курсы реализуются на добровольной основе. В то же время обязательным является участие в специальных тренингах, на которых осужденным разъясняются механизмы предотвращения возможных конфликтов в будущем. В рамках таких занятий осужденные проходят обучение навыкам адекватного поведения в ситуациях повышенного риска, а также методам их своевременного выявления и предотвращения¹². Согласно доминирующей в научном сообществе позиции, применение данного подхода к ресоциализации способствует формированию у осужденных устойчивого законопослушного поведения, повышению уровня самооценки и снижению тревожности, что является существенным условием успешной социальной реинтеграции.

ВЫВОДЫ

Всесторонний анализ международной пенитенциарной практики в области ресоциализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, имеет важное значение для формирования концептуальных основ и стратегических приоритетов государственной

⁹ Воронков К. И. Ресоциализация граждан в контексте социальной политики современной Франции и Германии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 5. 2020. С. 102.

¹⁰ Воробьев Ю. А. Национальные особенности процесса ресоциализации осужденных в уголовно-исполнительной системе Германии на современном этапе // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1-4). № 3. С. 285.

¹¹ Андреев И. Л. Ресоциализации осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ (социально-психологический аспект): учеб. пособие. М., 2001. С. 128.

¹² Шапарь М. А. Опыт зарубежных стран в вопросе ресоциализации осужденных в пенитенциарный период // Вестник КРУ МВД России. 2017. № 1 (35). С. 38.

пенитенциарной политики Российской Федерации. Данная необходимость обусловлена объективной потребностью в повышении эффективности исправительного воздействия и успешной реинтеграции осужденных в социум, что, в свою очередь, способствует профилактике рецидивной преступности. В этом контексте представляется целесообразным внедрить в отечественную уголовно-исполнительную систему инновационные подходы к ресоциализации, апробированные в зарубежных юрисдикциях, с целью повышения эффективности предупреждения повторных преступлений и обеспечения устойчивой реинтеграции освобожденных лиц в правовое и социальное пространство.

Проведенное нами исследование зарубежного опыта ресоциализации выявило необходимость концептуального расширения положений Федерального закона № 10 «О пробации в Российской Федерации» и сопряженного с ним уголовно-исполнительного законодательства путем внедрения международных пенитенциарных стандартов. Несмотря на вступление в силу базового закона о пробации, отечественная правоприменительная практика нуждается в детализации механизмов ресоциализации, апробированных в ведущих зарубежных юрисдикциях.

Так, опираясь на опыт Канады, представляется необходимым дополнить систему мер пробации законодательно закрепленным требованием о проведении динамической и регулярной персонифицированной оценки рисков рецидива. Такой подход позволит выявлять личные уязвимости осужденных и проверять эффективность программ ресоциализации, обеспечивая адресность исправительного воздействия. Вместо разового определения категории лица предлагается дополнить статью 12 закона № 10-ФЗ нормой о создании «Индивидуального профиля рисков и уязвимостей», обновляемого на всех этапах: отбывания наказания, его исполнения и после освобождения. Это поможет не только устанавливать причины преступного поведения, но и объективно оценивать результаты коррекционных мероприятий, гарантируя научную обоснованность каждой программы пробации.

В качестве итоговой рекомендации предлагается закрепить в статье 5 закона № 10-ФЗ принцип дифференциации исправительного воздействия, основанный на результатах оценки рисков. Это позволит перейти от общих декларативных положений к конкретным правовым механизмам индивидуального контроля и поддержки. Подобный подход соответствует международным стандартам и способствует достижению ключевых целей уголовного правосудия.

Кроме того, анализ опыта Германии в области ресоциализации демонстрирует эффективность «переходных домов», в то время как действующий закон № 10-ФЗ не содержит конкретных норм о предоставлении жилья за счет бюджета на длительный срок. В этой связи предлагается дополнить закон правом освобожденных лиц на временное проживание или субсидирование аренды жилья сроком до 18 месяцев. Данную инициативу целесообразно реализовать через создание региональных центров социальной адаптации либо использование системы социальных сертификатов для оплаты найма помещений. На наш взгляд, введение указанного правового механизма обеспечит необходимые условия существования в самый сложный период после освобождения, что станет основным условием снижения вероятности повторного нарушения закона.

Опираясь на опыт США в сфере государственно-частного партнерства, представляется необходимым расширить участие институтов гражданского общества в системе пробации. Эффективность такого взаимодействия подтверждается деятельностью тамбовского центра «Добрые руки»¹³, предоставляющего срочные социальные услуги мужчинам по-

¹³ Точка возврата: как в Тамбове бывшим осужденным помогают изменить свою жизнь [Электронный ресурс] // Новости Тамбова. URL: <https://novositambova.ru/reports/tochka-vozvrata-kak-v-tambove-byvshim-osuzhdennym-pomogayut-izmenit-svoyu-zhizn/> (дата обращения: 04.02.2026).

сле освобождения, и центра «Воскресение» в Санкт-Петербурге¹⁴, который осуществляет комплексное сопровождение: от социально-правового консультирования и психологической помощи до содействия в трудоустройстве и восстановлении социальных связей. Положительные результаты работы этих организаций указывают на целесообразность перехода от факультативного участия НКО к их обязательной интеграции в инфраструктуру пробации. В этой связи предлагается законодательно закрепить создание в каждом субъекте Российской Федерации сети аккредитованных центров социальной адаптации, деятельность которых должна обеспечиваться гарантированным государственным финансированием. Институционализация статуса таких организаций позволит сделать процесс ресоциализации более адресным и системным. Наделение таких организаций статусом полноправных субъектов пробации позволит обеспечить гражданам системную правовую, медицинскую и психологическую поддержку.

Таким образом, мы приходим к выводу о фундаментальном значении института ресоциализации для эффективного функционирования системы уголовного правосудия. Каждое государство выстраивает собственные меры по реинтеграции лиц, отбывших уголовное наказание, и каждая из исследованных нами уголовно-исполнительных систем заслуживает детального изучения и анализа в контексте передового международного опыта.

Список источников

1. *Андреев Н. А.* Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ : (Социально-психологический аспект) : учеб. пособие / Н. А. Андреев, В. М. Морозов, О. Г. Ковалев [и др.]. М.: Права человека, 2001. 180 с.
2. *Воробьев Ю. А.* Национальные особенности процесса ресоциализации осужденных в уголовно-исполнительной системе Германии на современном этапе // *Человек: преступление и наказание.* 2018. Т. 26 (1-4), № 3. С. 285–289. EDN: YKWPMT
3. *Воронков К. И.* Ресоциализация граждан в контексте социальной политики современной Франции и Германии // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2020. № 5. С. 101–105. EDN: CGPBVTM
4. *Ежова О. Н.* Зарубежный опыт организации процесса ресоциализации осужденных к лишению свободы // *Юридический вестник Самарского университета.* 2018. Т. 4, № 2. С. 132–137. DOI 10.18287/2542-047X-2018-4-2-132-137. EDN: VAOPUV
5. *Каплун О. Ю.* Ресоциализация бывших заключенных как профилактика социального конфликта / О. Ю. Каплун, С. Д. Сухова // *Молодой ученый.* 2024. № 30 (529). С. 119–122. EDN: LJAGMK
6. *Молчанова Т. Ю.* Зарубежный опыт ресоциализации осужденных / Т. Ю. Молчанова, В. Г. Мильшина // *Молодой ученый.* 2020. № 2 (292). С. 129–131. EDN: NFZOWI
7. *Морохова О. А.* Опыт Исправительной службы Канады в организации программ ресоциализации правонарушителей / О. А. Морохова, И. В. Краюшкин // *Молодой ученый.* 2020. № 15 (305). С. 216–217. EDN: WJLEFQ
8. *Режапова И. М.* Зарубежный опыт работы с заключенными с целью их дальнейшей ресоциализации (на примере законодательства Соединенных Штатов Америки и Канады) / И. М. Режапова, Ю. М. Заборовская // *Человек: преступление и наказание.* 2019. Т. 27, № 1. С. 40–46. DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.040-046. EDN: ZEICST
9. *Розенцвайг А. И.* Зарубежные модели практик ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него: криминологический анализ // *Юридический*

¹⁴ Автономная некоммерческая организация Центр социальной адаптации осужденных «Воскресение» [Электронный ресурс] // Добро РФ. URL: <https://dobro.ru/organizations/10090249/about> (дата обращения: 01.03.2026).

вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 2. С. 118–125. DOI 10.18287/2542-047X-2018-4-2-118-125. EDN: YAQSAX

10. Печенин А. В. Опыт зарубежных стран в вопросе ресоциализации осужденных // Молодой ученый. 2023. № 10 (457). С. 100–103. EDN: MITJMN

11. Шапарь М. А. Опыт зарубежных стран в вопросе ресоциализации осужденных в пени-тенциарный период // Вестник КРУ МВД России. 2017. № 1 (35). С. 37–40. EDN: YITPQH

Сведения об авторах:

Черных Ярослава Павловна, курсант 4-го курса специалитета, факультет подготовки следователей, Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева (Москва, Российская Федерация); e-mail: chernykhyaoslava29@mail.ru

Булочников Станислав Юрьевич, студент 4-го курса специалитета, специальность «Судебно-прокурорская деятельность», Институт права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Российская Федерация); e-mail: bulochnikov03mail.ru

Научный руководитель: **Ментюкова Мария Алексеевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Институт права и национальной безопасности, Тамбов, Российская Федерация; e-mail: mariya_men2003@mail.ru

References

1. Andreev, I. L. (2001) Resocialization of Convicts in Penitentiary Institutions of the Federal Republic of Germany (Socio-Psychological Aspect) / textbook. manual. Moscow. P. 180. (In Russ.)
2. Vorobiev, Yu. A. (2018) National characteristics of prisoners' resocialization process in the penal system in Germany at present. *Man: Crime and Punishment*. Vol. 26 (1-4), no. 3. Pp. 285–289. (In Russ.)
3. Voronkov, K. I. (2020) Resocialization of Citizens in the Context of Social Policy of Modern France and Germany. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 5. Pp. 101–105. (In Russ.)
4. Yezhova, O. N. (2018) Foreign experience of the organization of the process of resocialization of a sentenced to imprisonment. *Juridical Journal of Samara University*. Vol. 4, no. 2. Pp. 132–137. DOI 10.18287/2542-047X-2018-4-2-132-137 (In Russ.)
5. Kaplun, O. Yu., Sukhova, S. D. (2024) Resocialization of Former Prisoners as a Prevention of Social Conflict. *Young Scientist*. No. 30 (529). Pp. 119–122. (In Russ.)
6. Molchanova, T. Yu. (2020) Foreign experience of re-socialization of convicts. *Young scientist*. No. 2 (292). Pp. 129–131. (In Russ.)
7. Morokhova, O. A., Krayushkin, I. V. (2020) Experience of the Correctional Service of Canada in the organization of re-socialization programs for offenders. *Young Scientist*. No. 15 (305). Pp. 216–217. (In Russ.)
8. Rezhapova, I. M., Zaborovskaya, Yu. M. (2019) Foreign Experience of Working with Convicts for Their Further Re-Socialization (On the Example of The United States of America and Canada Legislation). *Human: Crime and Punishment*. No. 1. Pp. 40–46. DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.040-046 (In Russ.)
9. Rozentsvaig, A. I. (2018) Foreign Models of Resocialization Practices for Persons Who Have Served Criminal Punishment and Were Released from It: Criminological Analysis.

Legal Bulletin of Samara University. Vol. 4, no. 2. Pp. 118–125. DOI 10.18287/2542-047X-2018-4-2-118-125 (In Russ.)

10. Pechenin, A. V. (2023) The experience of foreign countries in the issue of re-socialization of convicts. *Young scientist*. No. 10 (457). Pp. 100–103. (In Russ.)

11. Shapar, M. A. (2017) The experience of foreign countries in the matter of resocialization of convicts in penal period. *Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (35). Pp. 37–40. (In Russ.)

About the authors:

Yaroslava P. Chernykh, BA student, Investigator Training Faculty, Moscow Academy of the Investigative Committee named after A. Ya. Sukharev (Moscow, Russian Federation); e-mail: chernykyaroslava29@mail.ru

Stanislav Y. Bulochnikov, BA student, Judicial and Prosecutor's Activity, Institute of Law and National Security, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russian Federation); e-mail: bulochnikov03mail.ru

Academic Supervisor: Maria A. Mentyukova, PhD(Law), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Institute of Law and National Security, Tambov, Russian Federation; e-mail: mariya_men2003@mail.ru

Незаконный оборот культурных ценностей как транснациональная угроза: анализ системных проблем правового регулирования и трансформации черного рынка¹

Чунина Анна Александровна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студентка 4-го курса бакалавриата, юридический факультет

E-mail: adontsova-22@edu.ranepa.ru

Аннотация

Введение: в статье представлен комплексный анализ незаконного оборота культурных ценностей как одного из проявлений преступности, наносящего непоправимый ущерб культурному наследию, исторической памяти и международной безопасности.

Методы и материалы: методологическую основу исследования составил всеобщий диалектический метод познания, наряду с которым широко применялись сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой, конкретно-социологический и системно-структурный методы, что обусловлено междисциплинарным характером работы, интегрирующей методологические подходы, традиционно используемые в юридической науке, и методы криминологического анализа, ориентированные на изучение преступности, ее причин и мер предупреждения.

Результаты исследования: выявлены ключевые пробелы международно-правового и национального регулирования: отсутствие единообразного определения культурных ценностей, невозможность применения обратной силы Конвенции ЮНЕСКО 1970 года, фрагментарность правоприменения и сложность доказывания легального происхождения артефактов. Установлено, что цифровизация черного рынка (использование социальных сетей, онлайн-аукционов, даркнета) и его интеграция с организованной преступностью и терроризмом снижают эффективность традиционных мер контроля. На примере Российской Федерации доказана низкая результативность уголовного преследования по ст. 243.2 УК РФ, обусловленная высокой латентностью преступлений и объективной сложностью доказывания состава.

Выводы: обоснована необходимость гармонизации национальных законодательств на основе усиленных международных стандартов, создания и внедрения международных цифровых реестров провенанса (с использованием технологий блокчейн), качественного усиления межгосударственного оперативно-технического сотрудничества, включая совместное киберпатрулирование, а также развития легальной археологии и общественного контроля.

Ключевые слова: незаконные раскопки, культурные ценности, международное право, организованная преступность, археологические памятники, культурное наследие, провенанс, Конвенция ЮНЕСКО, цифровизация рынка, правовое регулирование.

Для цитирования: Чунина А. А. Незаконный оборот культурных ценностей как транснациональная угроза: анализ системных проблем правового регулирования и трансформации черного рынка // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 2 (34). – С. 111–120.

¹ Статья подготовлена по итогам Студенческой научной конференции, посвященной годовщине Всеобщей декларации прав человека 1948 г., проходившей на юридическом факультете СЗИУ РАНХиГС 10 декабря 2025 г.

Illicit Trafficking of Cultural Property as Transnational Threat: the Analysis of Systemic Challenges in Legal Regulation and the Digital Transformation of the Black Market²

Anna A. Chunina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, St. Petersburg, Russian Federation

BA student, Faculty of Law

E-mail: adontsova-22@edu.ranepa.ru

Abstract

Introduction: The paper presents the comprehensive analysis of the illicit trafficking of cultural property as a manifestation of the crime that causes irreparable damage to cultural heritage, historical memory, and international security.

Methods and Materials: The methodological basis of the study involves the general dialectical method of cognition, along with the extensive employment of comparative legal, formal legal, historical legal, concrete sociological, and systemic-structural methods, which is accounted for by the interdisciplinary nature of the work integrating the methodological approaches traditionally employed in legal science, and the methods of criminological analysis focused on the study of crime, its causes, and preventive measures.

Results: The key gaps in the international legal and national regulation have been identified: the lack of the consistent definition of cultural property, the impossibility of retroactive application of the 1970 UNESCO Convention, fragmented law enforcement, and the difficulty of proving the legal origin of artifacts. It has been established that the digitalization of the black market (the use of social networks, online auctions, the darknet), and its integration with organized crime and terrorism reduce the effectiveness of traditional control measures. On the example of the Russian Federation the low effectiveness of criminal prosecution under Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation has been substantiated resulting from the high latency of these crimes, and the objective difficulties in proving the elements of the offense.

Conclusions: It has been substantiated that national legislation needs harmonizing on the basis of consolidated international standards, creating and implementing international digital provenance registries (using blockchain technology), significantly enhancing interstate operational and technical cooperation, including joint cyber patrolling, as well as developing legal archaeology and public oversight.

Keywords: illegal excavations, cultural property, international law, organized crime, provenance, market digitalization, 1970 UNESCO Convention, legal regulation.

For citation: Chunina, A. A. (2026) Illicit Trafficking of Cultural Property as Transnational Threat: the Analysis of Systemic Challenges in Legal Regulation and the Digital Transformation of the Black Market. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, no. 2 (34). Pp. 111–120. (In Russ.)

² The article is based on a report presented at the Student Scientific and Theoretical Conference “International Legal Mechanism for the Protection of Human Rights in the Context of Forming a New International Legal Order” (the conference is dedicated to the anniversary of the adoption of the Universal Declaration of Human Rights) (December 10, 2025, Saint Petersburg).

ВВЕДЕНИЕ

В российском законодательстве базовое определение культурных ценностей закреплено в статье 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре»³. Оно носит многоаспектный характер, охватывая как материальные объекты, так и нематериальные блага (языки, традиции, фольклор и др.). Такая трактовка подчеркивает, что ущерб от незаконного оборота заключается не только в финансовых потерях, но и в разрушении идентичности, исторической памяти и культурного кода нации.

Гаагская конвенция 1954 г.⁴ дает более узкое определение, фокусируясь на материальных объектах, имеющих большое значение для культурного наследия каждого народа. Оба подхода сходятся в главном: ценность объекта определяется его историко-культурной значимостью.

Актуальность данной проблематики подтверждается устойчивым интересом к ней со стороны специалистов в области уголовного права, криминологии и международного права (Л. Р. Клебанова⁵, А. В. Богданова, Е. Н. Хазова⁶ и других). Ключевое последствие незаконного оборота культурных ценностей (НОКЦ) — разрушение исторической преемственности.

Незаконный оборот культурных ценностей (НОКЦ) представляет собой одну из наиболее деструктивных форм транснациональной преступности, наносящую непоправимый ущерб культурному наследию человечества, исторической памяти и международной безопасности. Так определяет это явление Ольга Юрьевна Потемкина⁷ в одной из своих работ, посвященных проблеме незаконного оборота культурных ценностей. Масштабы данной угрозы подтверждаются статистикой: согласно докладу *Global Art Market Report*⁸, годовой оборот незаконной торговли культурными ценностями достигает 6 млрд долларов, что ставит ее в один ряд с торговлей оружием и наркотиками.

Мировое сообщество формирует правовой каркас противодействия НОКЦ: Конвенция ЮНЕСКО 1970 г., спецоперации под эгидой Интерпола и Европола. Однако динамичная трансформация феномена (цифровизация рынка, использование артефактов для финансирования терроризма) требует обновления подходов.

Цель исследования — комплексный анализ проблем и вызовов, ограничивающих эффективность борьбы с НОКЦ. Гипотеза: существующие правовые механизмы демонстрируют сниженную эффективность из-за фрагментарности правоприменения, сложности установления провенанса и отставания международного сотрудничества.

³ Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 24.06.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 46. Ст. 3 // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 02.02.2026).

⁴ Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (14 мая 1954 г.) [Текст] // Действующее международное право. Т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 675–692. (Статья 1).

⁵ Клебанов Л. Р. Уголовное право и защита культурных ценностей // Труды института государства и права Российской академии наук. 2011. С. 223–233.

⁶ Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазова В. Е., Хазов Е. Н. Противодействие хищениям предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 169–176.

⁷ Потемкина О. Ю. ЕС и проблема незаконного оборота культурных ценностей // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 3 (33). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32023137145>

⁸ Официальный сайт ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/nezakonnyy-oborot-kulturnykh-cennostey-50-let-borby>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Правовое поле, регламентирующее оборот культурных ценностей, включает международное публичное право, международное частное право и национальное законодательство.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

Конвенция ЮНЕСКО 1970⁹ года (Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, принята в г. Париже 14.11.1970) обязывает государства-участники создавать национальные службы охраны, вести реестры ценностей, вводить сертификаты на законность вывоза и способствовать возврату незаконно вывезенных предметов. Как отмечает В. Негри, несмотря на юридические ограничения (принцип *lex rei sitae*, отсутствие обратной силы), значение Конвенции как теоретической базы перевешивает ее процедурные пробелы; она заложила фундамент международного порядка, признающего право народов на свое наследие¹⁰.

Конвенция УНИДРУА 1995 г.¹¹ («О похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях»), принята в г. Риме 24.06.1995) восполняет пробелы Конвенции ЮНЕСКО в сфере частного права, устанавливая обязательность возврата похищенных культурных ценностей, срок исковой давности до 50 лет и снимая бремя доказывания с добросовестного приобретателя.

Гаагская конвенция 1954 г.¹² («О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», принята 14 мая 1954 г.) запрещает разграбление культурных ценностей в ходе международных и внутренних конфликтов.

Резолюция СБ ООН 2199¹³ (2015) запрещает торговлю культурными ценностями из Ирака и Сирии, признавая ее источником финансирования терроризма.

Национальное законодательство (на примере Российской Федерации) включает Федеральный закон № 73-ФЗ об объектах культурного наследия (запрет раскопок без разрешения), Уголовный кодекс РФ (ст. 164, 243) и КоАП РФ (ст. 7.33). Несмотря на развитую нормативную базу, ее эффективность ограничена фрагментарностью правоприменения, сложностью доказывания провенанса артефактов, коррупцией и недостаточным ресурсным обеспечением правоохранительных органов¹⁴.

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В МИРЕ: ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Статистика правоохранительных органов впечатляет: только в 2020 году в мире изъято более 850 тыс. культурных артефактов. С 2016 года под эгидой Интерпола, Европола

⁹ Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14.11.1970) // ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000152755_rus (дата обращения: 22.05.2026).

¹⁰ Негри В. Конвенция 1970 года: первый шаг к признанию универсальности культуры // Курьер ЮНЕСКО. 2020. № 4. С. 9–10. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374570_rus (дата обращения: 03.02.2026).

¹¹ О похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях : конвенция, принята в г. Риме 24.06.1995 // УНИДРУА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unidroit.org/ru/instruments/cultural-property/1995-convention/> (дата обращения: 22.11.2025).

¹² Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) // Действующее международное право. Т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 734–758.

¹³ Резолюция СБ ООН 2199 (2015). Принята Советом Безопасности ООН на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 г. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/787858> (дата обращения: 22.05.2026).

¹⁴ Фомичев С. А. Контрабанда культурных ценностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – Москва, 2006. 32 с. EDN NJVBRN. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15894090> (дата обращения: 18.04.2026).

и Всемирной таможенной организации проводится ежегодная операция «Пандора» (координатор — одно из государств-участников, например, в 2025 г. — Гражданская гвардия Испании). В ходе этих операций правоохранительные органы разных стран совместно выявляют и пресекают незаконный оборот культурных ценностей, активно используя методы киберпатрулирования — систематического мониторинга интернета (соцсети, онлайн-аукционы, мессенджеры, даркнет) для выявления, фиксации и пресечения противоправной деятельности, сбора доказательств и проведения оперативно-разыскных мероприятий. По итогам операций «Пандора» с 2016 года арестовано 407 человек, изъято 147 тыс. предметов искусства и старины. Однако эти успехи — лишь видимая часть айсберга: большинство преступлений остаются незамеченными, а реальные масштабы незаконного оборота культурных ценностей, вероятно, многократно превышают официальные данные¹⁵.

По оценкам экспертов, ежедневно в мире совершается порядка 400–500 хищений предметов искусства, древности и антиквариата¹⁶.

Привлекательность этого бизнеса для организованной преступности и террористических группировок объясняется тремя ключевыми факторами: это низкий риск задержания, возможность получения высоких доходов и стабильно растущий спрос со стороны коллекционеров, инвесторов и даже некоторых музеев.

Цепочка незаконного оборота носит глобальный характер и строго структурирована. Она начинается в странах, богатых археологическим наследием, где местные «копатели» за небольшие деньги изымают артефакты из земли или похищают их из храмов и музеев. Согласно данным Интерпола, ЮНЕСКО и Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), к числу таких государств — основных источников незаконно добытых культурных ценностей — относятся Италия, Греция, Ирак, Сирия, Египет¹⁷. Особенно уязвимы регионы, охваченные войнами и конфликтами, где правоохранительные органы не в состоянии защитить памятники.

Затем предметы через цепочку посредников, дилеров и коррумпированных чиновников перемещаются в страны сбыта — преимущественно государства с развитым арт-рынком и устоявшейся инфраструктурой торговли предметами старины. Согласно отчетам Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)¹⁸ и Европола¹⁹, основными транзитными и конечными центрами выступают США, Великобритания, Франция, Бельгия и Нидерланды. В этих странах сосредоточены крупнейшие аукционные дома, частные галереи и свободные порты, которые нередко используются для легализации артефактов с помощью поддельных провенансов или сертификатов.

¹⁵ FATF (2023), Money Laundering and Terrorist Financing in the Art and Antiquities Market, FATF, Paris, France, <https://www.fatf-gafi.org> (дата обращения: 22.11.2025).

¹⁶ Организация Объединенных Наций. Украденное прошлое: как международное сообщество борется с незаконным оборотом культурных ценностей [Электронный ресурс] // UN News. 2025. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/11/1466830> (дата обращения: 22.05.2026).

¹⁷ ЮНЕСКО. Незаконный оборот культурных ценностей: 50 лет борьбы // Курьер ЮНЕСКО. 2020. № 3. 49 с. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374570_rus (дата обращения: 03.02.2026).

¹⁸ Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). О ключевых итогах пленарного заседания Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) 19–23 июня 2024 года // Центральный банк Российской Федерации : официальный сайт. 2024. 11 июля. URL: https://www.cbr.ru/counteraction_m_ter/international/fatf/info_fatf/ (дата обращения: 31.03.2026).

¹⁹ Европол. Европейский Союз. Оценка угрозы серьезной и организованной преступности – Меняющийся ДНК серьезной и организованной преступности = The changing DNA of serious and organised crime: EU Serious and Organised Crime Threat Assessment 2025 (EU-SOCTA) / Европол. – Люксембург: Publications Office of the European Union, 2025. URL: <https://www.europol.europa.eu/publication-events/main-reports/changing-dna-of-serious-and-organised-crime> (дата обращения: 31.03.2026).

Кульминацией этих действий становится легализация артефактов на респектабельном рынке. По некоторым оценкам, 80–90 % продаваемых предметов старины имеют незаконное происхождение. Около 30–40 % сделок проходят через аукционные дома²⁰, а остальные — через малопрозрачные частные транзакции.

Но главная опасность заключается в том, что доходы от этого бизнеса питают терроризм. Известно, что «Талибан», «Аль-Каида» и «Исламское государство» активно используют торговлю древностями для финансирования своих операций. Яркий пример — террорист Мохаммед Атта, который перед терактами 11 сентября 2001 года пытался продать афганские артефакты для покупки самолета.

Российский контекст. В России с 2013 г. действует ст. 243.2 УК РФ («Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов»), однако проблема незаконных раскопок остается острой²¹.

По всей стране фиксируются случаи разграбления памятников²²: средневековый могильник в Югре, курганы в Новгородской области, Мелехинский могильник в Прикамье, объекты в Республике Мордовия, практически уничтоженные «копателями». По стране фиксируются случаи разграбления памятников, но статистика Судебного департамента при Верховном суде РФ²³ свидетельствует о крайне низкой эффективности уголовного преследования: с 2013 по 2020 г. вынесено лишь 35 обвинительных приговоров. Несмотря на общее снижение регистрируемой преступности в РФ в 2025–2026 гг. (на 7,3 % и 16,7 % соответственно), незаконный оборот культурных ценностей демонстрирует обратную динамику: по оценкам экспертов, его латентность превышает 90 %, а единичные приговоры по ст. 243.2 УК РФ не отражают реального положения дел²⁴. Основные сложности расследования: высокая латентность (преступления совершаются в удаленных местах), правовая осведомленность «черных копателей» (участники сообществ в интернете дают советы по избежанию ответственности) и трудности доказывания вреда культурному слою. В результате большинство нарушителей привлекаются лишь к административной ответственности, что несоизмеримо с нанесенным ущербом.

Текущая глобальная ситуация характеризуется следующими ключевыми аспектами.

Оцифровка черного рынка: криминальные структуры активно используют онлайн-аукционы, социальные сети (Instagram, Facebook) и специализированные форумы в даркнете для сбыта артефактов. Это обеспечивает анонимность и глобальный охват.

Кризисные регионы как источник: Сирия, Ирак, Афганистан и, с 2022 года, Украина стали основными поставщиками незаконно добытых культурных ценностей. Разрушение памятников в Пальмире, Мари и других местах получило широкий резонанс, но не остановило поток артефактов²⁵.

²⁰ FATF (2023), Money Laundering and Terrorist Financing in the Art and Antiquities Market, FATF, Paris, France, <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Methodsandtrends/Money-Laundering-Terrorist-Financing-Art-Antiquities-Market.html>

²¹ Лавров В. В., Халиков И. А. Конституционно-правовые основы охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации // Криминалистика. 2019. № 2(27). С. 66–70. EDN: ZUPWQX

²² Медведев Е. В. Хищение культурных ценностей : монография. М.: Юрайт, 2026. 128 с. (Актуальные монографии). ISBN 978-5-534-14998-2.

²³ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации административных, гражданских, уголовных дел. Раздел 1. Рассмотрение жалоб, представлений и дел в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. 2025. URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/34611/> (дата обращения: 01.04.2026).

²⁴ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2025 года [Электронный ресурс] / МВД России. Москва, 2025. Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/72174303/> (дата обращения: 22.05.2026).

²⁵ Богдан Д. В. Критерии определения государства происхождения для целей возвращения незаконно перемещенных культурных ценностей // Юстиция Беларуси. 2022. № 8 (245). С. 34–39. EDN: EJUVAH

Легализация через «серые» схемы: артефакты, добытые незаконным путем, часто провозятся в страны с менее строгим законодательством (например, через свободные порты Женевы или Дубая), где им создается фальшивый провенанс, после чего они поступают на легальный рынок.

Недостаточная осведомленность рынка: с криминологической точки зрения уязвимость легального арт-рынка определяется не только пробелами в нормативном регулировании, но и устойчивыми поведенческими практиками его участников. Как отмечается в докладе Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) «Отмывание денег и финансирование терроризма на рынке искусства и древностей» (2023), многие аукционные дома, галереи и частные коллекционеры ограничиваются формальным соблюдением минимальных юридических требований, не проводя углубленной проверки происхождения предметов. К причинам относятся коммерческая заинтересованность в сохранении анонимности и скорости сделок, а также отсутствие универсальных обязательных стандартов проверки провенанса. Европол в докладе EU-SOCTA 2025²⁶ дополнительно указывает, что подобное поведение создает устойчивую «серую зону», в которой незаконные артефакты систематически попадают на открытый рынок, а спрос на них остается стабильным. В криминологии данная ситуация квалифицируется как криминогенный фактор рыночной среды — элемент, который при отсутствии внешнего контроля воспроизводит преступную цепочку и существенно снижает эффективность правоприменительных мер.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Мировое сообщество активно развивает правовую базу для борьбы с НОКЦ. Основу составляет Конвенция ЮНЕСКО 1970 года²⁷. Ее дополняют Никосийская конвенция Совета Европы 2017 года, вводящая уголовно-правовые стандарты, и нормативные акты ЕС, такие как Директива 2014/60/ЕС о возврате культурных ценностей²⁸.

Европейский союз в 2022 году представил План действий по борьбе с НОКЦ, который включает создание цифровых реестров продаж, улучшение отслеживания перемещения ценностей и усиление международного сотрудничества²⁹.

Одним из самых эффективных инструментов международного противодействия являются совместные операции правоохранительных органов. Именно такие операции позволяют выявить новые вызовы, связанные с цифровизацией преступной деятельности. Так, в ходе операции «Пандора VII»³⁰ (2023 год) из 11 тысяч изъятых артефактов 4017 были обнаружены в результате киберпатрулирования — систематического мониторинга интернет-пространства. Данный факт подтверждает, что преступники активно используют

²⁶ Европол. Европейский Союз. Оценка угрозы серьезной и организованной преступности – Меняющийся ДНК серьезной и организованной преступности = The changing DNA of serious and organised crime: EU Serious and Organised Crime Threat Assessment 2025 (EU-SOCTA) / Европол. – Люксембург: Publications Office of the European Union, 2025. URL: <https://www.europol.europa.eu/publication-events/main-reports/changing-dna-of-serious-and-organised-crime> (дата обращения: 31.03.2026).

²⁷ О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности : конвенция, принята в г. Париже 14.11.1970 // ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000152755_rus (дата обращения: 22.11.2025).

²⁸ Потемкина О. Ю. ЕС и проблема незаконного оборота культурных ценностей // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 3 (33). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32023137145>

²⁹ Орлова И. А., Пацек М. Международно-правовые аспекты борьбы с международным терроризмом: проблемы правового регулирования // Управленческое консультирование. 2018. № 4. С. 8–15. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-4-8-15>

³⁰ Украденное прошлое: как международное сообщество борется с незаконным оборотом культурных ценностей. Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/11/1466830>

Facebook, Amazon и мессенджеры для сбыта товара, что требует смещения акцентов с традиционных методов контроля на цифровые инструменты отслеживания.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что действующие правовые механизмы отстают от цифровой эволюции преступной деятельности, что приводит к низкой эффективности правоприменения. Основным ограничением работы является зависимость от открытых данных, что может привести к недооценке масштаба проблемы. Для повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей необходимы: гармонизация законодательств, внедрение цифровых реестров провенанса (включая технологии блокчейн), усиление межгосударственного оперативного сотрудничества и развитие легальной археологии. Перспективным направлением дальнейших исследований является междисциплинарный анализ экономики теневого рынка и сравнительное изучение моделей правоприменения.

Предложения и пути решения. Важным направлением превентивного воздействия является поддержка легальной археологии. Под легальной археологией в данном исследовании понимается система государственных и академических археологических экспедиций, проводимых на основании разрешений (открытых листов) с обязательной передачей всех выявленных предметов в государственную часть Музейного фонда РФ³¹. В отличие от частных незаконных изысканий («черных раскопок»), легальные экспедиции обеспечивают сохранность археологического контекста, научную фиксацию и публичную доступность находок. В настоящее время такие экспедиции проводятся Институтом археологии РАН, университетами и музеями, однако их финансирование остается недостаточным для охвата всех территорий, подверженных разграблению. Финансирование легальных экспедиций, создание системы поощрений для местного населения за сообщение о незаконных раскопках, развитие археологического туризма — всё это снижает экономическую привлекательность черного рынка.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что действующие правовые механизмы отстают от цифровой эволюции преступной деятельности, что приводит к низкой эффективности правоприменения. Необходима гармонизация национальных законодательств на основе усиленных международных стандартов: разработка модельного закона о противодействии НОКЦ в рамках СНГ или БРИКС с унифицированным определением культурных ценностей и едиными требованиями к провенансу³².

Следует также качественно усилить межгосударственное оперативно-техническое сотрудничество, включая совместное киберпатрулирование и создание постоянных объединенных следственных групп по делам о транснациональном НОКЦ³³.

Несмотря на все усилия, миру пока не удастся переломить ход борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей. Главными проблемами остаются отсутствие гармонизации национальных законодательств, слабая координация между странами и низкий приоритет этой проблемы в международной повестке.

³¹ Янин С. А., Янина Т. Н., Горелов М. Г. Расследование преступлений, предусмотренных статьями 243.2 и 243.3 Уголовного кодекса Российской Федерации : учебное пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2022. 92 с.

³² Медведев А. Д. Некоторые аспекты международно-правового противодействия незаконному обороту культурных ценностей // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 2 (109). С. 200–213. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.14.67.017

³³ Копытов Н. А., Цепелев В. Ф. Транснациональное сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью // Вестник науки. 2023. № 3 (60).

Ущерб, наносимый незаконным оборотом культурных ценностей, носит необратимый характер. Речь идет не только о финансовых потерях. Каждый украденный и проданный артефакт — это вырванная страница из истории человечества. Грабители безвозвратно разрушают археологические памятники, лишая ученых возможности восстановить картину прошлого, а народы — их культурной идентичности. Данное явление представляет собой один из наиболее опасных видов транснациональной преступности, поскольку незаконный оборот культурных ценностей срывается с доходами от торговли наркотиками и оружием, а также с финансированием террористических организаций. Преодоление этой угрозы возможно лишь на основе консолидированных усилий всего мирового сообщества, направленных на устранение правовых, институциональных и экономических условий, питающих преступную индустрию.

Список источников

1. *Богдан Д. В.* Критерии определения государства происхождения для целей возвращения незаконно перемещенных культурных ценностей // Юстиция Беларуси. 2022. № 8 (245). С. 34–39. EDN: EJYVAN
2. *Богданов А. В.* Противодействие хищениям предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность / А. В. Богданов, И. И. Ильинский, В. Е. Хазова, Е. Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 169–176.
3. *Копытов Н. А.* Транснациональное сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью / Н. А. Копытов, В. Ф. Цепелев // Вестник науки. 2023. № 3 (60).
4. *Лавров В. В.* Конституционно-правовые основы охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации / В. В. Лавров, И. А. Халиков // Криминалистика. 2019. № 2 (27). С. 66–70. EDN: ZUPWQX
5. *Медведев А. Д.* Некоторые аспекты международно-правового противодействия незаконному обороту культурных ценностей // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 2 (109). С. 200–213. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.14.67.017
6. *Медведев Е. В.* Хищение культурных ценностей : монография. М.: Юрайт, 2026. 128 с.
7. *Негри В.* Конвенция 1970 года: первый шаг к признанию универсальности культуры // Курьер ЮНЕСКО. 2020. № 3. С. 9–10. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374570_rus
8. *Потемкина О. Ю.* ЕС и проблема незаконного оборота культурных ценностей // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 3 (33). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32023137145>
9. *Орлова И. А.* Международно-правовые аспекты борьбы с международным терроризмом: проблемы правового регулирования / И. А. Орлова, М. Пацек // Управленческое консультирование. 2018. № 4. С. 8–15. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-4-8-15>
10. *Янин С. А.* Расследование преступлений, предусмотренных статьями 243.2 и 243.3 Уголовного кодекса Российской Федерации : учебное пособие / С. А. Янин, Т. Н. Янина, М. Г. Горелов. Волгоград: ВА МВД России, 2022. 92 с.

Сведения об авторе:

Чунина Анна Александровна, студентка 4-го курса бакалавриата, юридический факультет, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: adontsova-22@edu.ranepa.ru

References

1. Bogdan, D. V. (2022) On Criteria for State of Origin Determination for Purposes of Illicitly Trafficked Cultural Property Return. *Justice of Belarus*. No. 8 (245). Pp. 34–39. (In Russ.)
2. Bogdanov, A. V., Ilinskiy I. I., Khazova, V. E., Khazov, E. N. (2019) Countering the Theft of Objects or Documents of Particular Historical, Scientific, Cultural, Religious and Artistic Value. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3. Pp. 169–176. (In Russ.)
3. Kopytov, N. A., Tsepelev, V. F. (2023) Transnational Cooperation Law Enforcement Agencies in Fight with Organized Crime. *Science Bulletin*. No. 3 (60). С. 186–191. (In Russ.)
4. Lavrov, V. V., Khalikov, I. A. (2019) Constitutional Law Basis for Protection of Objects of Cultural Heritage in the Russian Federation. *Criminalist*. No. 2 (27). Pp. 66–70. (In Russ.)
5. Medvedev, A. D. (2024) Some aspects of international legal counteraction to illegal trafficking of cultural values. *Vestnik VostochnoSibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2 (109). Pp. 200–213. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.14.67.017 (In Russ.)
6. Medvedev, E. V. (2026) Theft of Cultural Property: monograph. *Yurayt Publishing House*. 128 p.
7. Negri, V. The 1970 Convention: A First Step Towards Recognition of the Universality of Culture. *UNESCO Courier*. 2020. No. 3. Pp. 9–10. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374570_rus
8. Potemkina, O. Yu. (2023). EU and the problem of cultural goods trafficking. *Nauchnoanaliticheskij vestnik IE RAN*, No. 33 (3). Pp. 137–145. (In Russ.). DOI: 10.15211/vestnikieran32023137145
9. Orlova, I. A., Pacek, M. (2018) International Legal Aspects of Fight against the International Terrorism: Problems of Legal Regulation. *Administrative Consulting*. No. 4. Pp. 8–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-4-8-15>
10. Yanin, S. A., Yanina, T. N., Gorelov, M. G. (2022) Investigation of Crimes under Articles 243.2 and 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation: textbook. Volgograd: *Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd Academy*. 92 p. (In Russ.)

About the author:

Anna A. Chunina, BA student, Faculty of Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: adontsova-22@edu.ranepa.ru

«Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) /
“Novelty. Experiment. Traditions” (N.Ex.T)

Том 12. Выпуск 2 (34) – 2026
Российский научно-практический журнал
(сетевое издание)

18+

Выходит 4 раза в год
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ
Заведующая издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ
Редактор
И. Е. ВИЛЬМАН
Корректор
М. П. КУЛИКОВА
Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 08.06.2026.
Подписано к публикации 23.06.2026.
Выход в свет 25.06.2026

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС 77-82820 от 18 февраля 2022 г. («Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) / “Novelty. Experiment. Traditions” (N.Ex.T)).

(С 2014 по 2021 г. журнал выпускался под названием “Administrative Consulting”,
свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-59415 от 22 сентября 2014 г.)

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61.
Тел. (812) 335-94-97.